

Л. Л. ВИКТОРОВА

МОНГОЛЫ

*Происхождение
народа
и истоки
культуры*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Л. Л. ВИКТОРОВА

МОНГОЛЫ

*Происхождение народа
и истоки культуры*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

Ответственный редактор
Д. И. ТИХОНОВ

В книге исследуются проблемы происхождения и этнической истории древнемонгольских племен, а также складывания основных форм традиционной культуры монголов. Материалами служат полевые исследования автора, данные археологии, языка, письменных источников. Впервые комплексно рассматриваются связи монгольских племен XIII в. с их этническими предшественниками и соседними народами.

В $\frac{10605-201}{013(02)-80}$ 107-80. 0506000000

В настоящей монографии предпринята попытка выяснить происхождение монголов¹ и истоки их культуры, установить генетическую связь между монголами и их этническими предшественниками, от которых современные монголы унаследовали язык и основу традиционного хозяйственно-культурного комплекса, составляющие этническую специфику монголов и отличающие их от других народов, определить время и место сложения отдельных компонентов монгольской культуры, а также этап, на котором они образовали устойчивую целостность.

Работа посвящена в основном дописьменному периоду истории монголов. Отсутствие монголоязычных источников до XIII в. порождает большое число взаимоисключающих гипотез об этнической принадлежности многочисленных древних народов Центральной Азии, часть которых сыграла решающую роль в процессе этногенеза монголов.

Один из первых исследователей истории Центральной Азии, академик Российской Академии наук Паллас, выдвинул гипотезу об автохтонном происхождении населения Монголии, поддержанную затем Я. И. Шмидтом (1824) и Н. Я. Бичуриным (1828). Бичурин, опиравшийся на китайские источники, полагал, что население Монголии и в XIX в. было тем же самым, что и во II тысячелетии до н. э. Сходную позицию занял и китайский ученый Ван Говэй.

Однако уже в XIX в. эта гипотеза подверглась пересмотру. Открытие в 1889 г. на территории Монголии тюркских рунических текстов показало, что в Центральной Азии уже в VI—VIII вв. существовали крупные государства тюрков (I и II тюркские каганаты). Данные о тюркских народах (тюрках, уйгурах, кыргызах), которых Бичурин считал монголами, послужили основанием для новой гипотезы о происхождении монголов. Их стали считать народом, переселившимся из лесных районов Прихинганья и среднего Амура на освободившиеся после уйгуров и кыргызов земли степных просторов Центральной Азии. События эти относили к X—XI вв. За этот период монголы из лесных охотников, занимавшихся отчасти плавкой железа и рыболовством, превратились в степных кочевников-скотоводов [Грумм-Гржимайло, 1926; Кызласов, 1975; Hambis, 1970]. Слабой стороной этой концепции является ее недостаточная источниковедческая основа как в области письменных источников и языко-

вых материалов, так и в сфере исторической этнографии и археологии монгольских народов.

В первой половине XX в. в монголоведении господствовала точка зрения, согласно которой все народы, населявшие территорию, ограниченную Великой китайской стеной на юге, Сибирью на севере, Восточным Туркестаном на западе и Маньчжурией на востоке в XII — начале XIII в., были монголоязычными. Однако этому взгляду противоречили материалы по тюркологии, свидетельствовавшие о том, что с VI до X в. Западная и Центральная Монголия была заселена тюркоязычными племенами. Да и в монгольской хронике XIII в. «Сокровенное сказание» племена Западной Монголии не считались родственными монголам, и у них в большинстве терминов, относящихся к началу XIII в., были зафиксированы тюркские традиции [Мугауата, 1959].

Необходимо было согласовать данные тюркологии с монгольскими источниками и монголоведческой литературой. А поскольку письменные источники не давали для раннего периода достаточного материала, возникла потребность в расширении источниковедческой базы. Для реконструкции исторического прошлого Монголии такой базой могли стать археология и этнография.

Систематическое изучение археологических памятников Монголии началось после второй мировой войны. В 1948—1949 гг. была организована совместная советско-монгольская экспедиция под руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева. В 60-х годах этнографические и археологические работы в МНР были значительно расширены. Появились основанные на новых полевых материалах монографические исследования, посвященные отдельным этнографическим группам. Так, монгольский этнограф С. Бадамхатан исследовал хубсугульских дархатов и цаатанов. Он проследил процесс формирования этнических общностей маргинального ареала на стыке тюркских и монгольских народов северной части Монголии. Большинство монгольских работ посвящено формированию халха-монголов, основой которых были племена Трехречья. Н. Ишжамц, например, справедливо называет монголов Трехречья ядром, на базе которого в XIII—XIV вв. складывалась монгольская народность. Д. Гонгор утверждает, что монгольские племена Трехречья являлись потомками населения, жившего на этих землях в VIII в., что между халхасцами и монголами Трехречья существуют прямые генетические связи. По его мнению, на рубеже XII—XIII вв. коренные монгольские племена Трехречья объединили вокруг себя другие племена — как монгольского, так и немонгольского происхождения. После того как прекратила существование Монгольская империя, монголы Трехречья, входившие в коренной улус потомков сына Чингисхана — Тулуя (Эзэн-хана), сохранили древние традиции и стали основой хал-

Схема 1
ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Источники	Время	Тюркоязычные	Монгольские	Время	Источники
«Сокровенное сказание», Рашид ад-дин, «Юаньши» и др. «Ляоши»	XII—XIII вв.	Найман, керейт, меркит (цзубу — XII в.), онгуты	Улянка (восточные урянхайцы)	X—XIII вв.	«Ляоши», «Цзиньчжи», «Сокровенное сказание», «Юаньши», Рашид ад-дин, «Минчжул хутухта», «География Тибета»
«Вэйши», «Чжоушу», «Суйшу», «Таншу», «Орхонские надписи»	X в. — первая половина XII в. Середина IX в. н. э.	Хойху, цзубу (найман, керейт, меркит?)	Монголы, татары тайчжиуты, чжалаиры, унгираты, урянхайцы	IV—IX вв.	«Бэйши», «Цзю Таншу», «Синь Таншу», «Орхонские надписи», «Селенгинский камень», «Сокровенное сказание»
«Шицзи», «Цянь Ханьшу», «Хоу Ханьшу», «Тунцзянь ганму»	III в. до н. э. — середина IV в. н. э.	Тукюэ (тюрки), юаньхэ (хойху, ойхор), гаогюйцы и другие тюркоязычные племена Центральной Азии	Кидани (кара-кытай)	III—IV вв.	«Тунцзянь ганму»
		Западные сяньби (хунну)	Шивэй (дада, отуз-татары), улохэу	III в. до н. э. — II в. н. э.	«Хоу Ханьшу», «Тунцзянь ганму»
		Хунну	Кидани (кытай)	III в. до н. э.	«Шицзи», «Цянь Ханьшу»
			Хоры		
			А-ша (тогоны)		
			Хи (та-таби)		
			Тоба, мукун → тогон		
			Юйвынь		
			Сяньби, ухуаньцы		
			Дунху		

хаской народности. В дальнейшем на базе халхасцев стала формироваться монгольская нация и сложился современный монгольский язык [Гонгор, 1970, 1973]. Вопросам древней истории народов Центральной Азии посвящены также работы Ц. Хандсүрэн, которая, сопоставляя данные китайских, японских и монгольских письменных источников с археологическими материалами, приходит к выводу, что жужани были родственны монгольским племенам [Хандсүрэн, 1969]. Археолог Ц. Доржсүрэн, изучавший хуннские памятники на территории МНР, проследил роль северных хуннов в становлении монгольской традиционной культуры, справедливо отметив, что часть северных хуннов волилась в состав сяньбийцев. Специально сяньбийцам посвящена монография Г. Сухэбатора, исследовавшего сяньбийско-хуннские этнические связи, проблему письменности хуннов, сяньбийцев и других древних народов Центральной Азии [Сухбаатар, 1971].

Монголоведами проделана значительная работа по выявлению общей тенденции этнических процессов на территории Центральной Азии в древности и средневековье. Большинство исследователей единодушны в том, что и монгольские и тюркские народы в древности и раннем средневековье формировались на территории Центральной Азии и занимали значительные степные пространства современной МНР и окружающих районов [Викторова, 1958; Ишжамц, 1965; Лигети, 1955; Пэрлээ, 1959; Сухэбатор, 1975; Сэр-Оджав, 1971, и др.].

Однако по частным вопросам установления генетического и языкового родства отдельных народов и племен древности с современными тюркскими, монгольскими или тунгусо-маньчжурскими народами имеется много дискуссионного². Спорными остаются вопросы этнической и языковой принадлежности хуннов, которых исследователи XIX в. считали то монголами, то тюрками, то славянами, то финно-уграми [Иностранцев, 1926]. В последние десятилетия одни ученые относят хуннов к тюркским народам, а другие — к монгольским. Тюркологи-лингвисты возводят тюркские языки к хуннским [Баскаков, 1964; Малов, 1951]. Некоторые монголоеды пытаются доказать генетические связи и языковое родство между хуннами и сяньбийцами [Доржсүрэн, 1961; Сухэбатор, 1975].

Решению спорных вопросов во многом способствовала гипотеза о генетических связях народов Центральной Азии с монголами, сформулированная в 1955 г. венгерским алтаистом Л. Лигети на базе китайских источников и языковых данных [Лигети, 1955]. Он гипотетически связывал дунху, сяньбийцев, ухуаньцев, хи, туюхуней, киданей, шивзев. Монголы в ней отождествлялись с мэngu-шивзэями. В 1958 г. Л. Л. Викторова также была предложена более подробная схема генетических связей и этнической преемственности монгольских и тюркских народов Центральной Азии, основанная на монгольских, тюрк-

ских, персидских и китайских источниках начиная с IV в. до н. э. (схема 1) [Викторова, 1958].

В 1959 г. вышла монография члена-корреспондента АН МНР Х. Пэрлээ «Кидани и их связи с монголами», которая содержит еще более подробную схему генетических связей (см. [Пэрлээ, 1959а, гл. 1]). Пэрлээ, сопоставив результаты обследования археологических памятников киданьского времени в МНР со сведениями китайских и монгольских письменных источников, называет потомками киданей тайчжиутов и дауров, а потомками монголов — мэngu-шивээв.

Несмотря на появление в последние десятилетия упомянутых работ, проблема установления генетических связей между монголами и древними народами Центральной Азии, их этническими предшественниками, или, иначе говоря, выделение протомонгольского языкового, этнокультурного ареала, остается нерешенной. Огромная литература по частным вопросам, накопившаяся почти за два столетия, требует осмысления имеющихся концепций и согласования их с новыми материалами [Bazin, 1950; Benzing, 1953; Clauson, 1960; Сүхбаатар, 1971, и др.]. В XIX — первой половине XX в. проблема выделения предков монголов решалась как проблема языковедческая и историческая, что диктовалось спецификой имевшихся источников, а также давней традицией.

В настоящем исследовании проблема происхождения монголов и дефиниции их этнических предшественников ставится как проблема этнографическая, что уже само предполагает комплексную методику исследования.

Комплексная методика уже давно свойственна исследованиям советских этнографов, посвященным проблемам этногенеза. В данной работе, чтобы избежать случайных сопоставлений, в качестве эталона приняты основные параметры этнической характеристики монголов МНР, преимущественно районов Трехречья, где к VII—XIII вв. сложилось ядро монгольской народности, а позднее — халхасцев. В процессе полевой работы в Восточной Монголии в 1967, 1968, 1969 гг. автором настоящего исследования были подобраны по специальной программе материалы по традиционной культуре монголов, соответствующие параметрам их этнической характеристики. Затем с привлечением данных письменных источников, языка, материальной культуры древности проводился ретроспективный историко-этнографический анализ, т. е. сопоставление монгольской модели по однотипным параметрам с этническими характеристиками древних народов Центральной Азии без больших хронологических разрывов. Сходство (и даже тождество) этнокультурных и языковых параметров за большой хронологический отрезок времени указывало на генетическое родство внутри определенной группы народов Центральной Азии, а несходство по большинству параметров — на отсутствие такового. Сравнение от-

дельных элементов культурного комплекса позволило выявить хотя бы с некоторой степенью приближения время и район их сложения, т. е. наметить основные тенденции развития традиционной культуры монгольских племен и ее истоки. Эта часть работы, выполненная в первом разделе, служит фундаментом для основной задачи исследования — реконструкции этнических процессов у протомонгольских и древнемонгольских племен, этнических предков монголов. Реконструкция дается во второй части, причем главное внимание уделяется процессу сложения и спонтанного развития монгольского субстрата.

Для решения проблем происхождения монголов и истоков их традиционной культуры автор использовал различные источники: этнографические материалы, памятники материальной культуры, письменные источники, лингвистический и антропологический материал.

В основу исследования положены этнографические материалы, собранные автором в процессе полевой работы в центральных и восточных районах МНР (в 1967, 1968, 1969 гг.), в районах, упоминаемых в монгольской хронике 1240 г. как территории формирования монгольского народа, кочевавшего там в VIII—X вв. Эти данные позволили с большей уверенностью пользоваться опубликованными археологическими материалами. Среди них особую важность имеют публикации результатов многолетних систематических исследований памятников материальной культуры на территории Монголии, которые проводятся силами монгольских и советских археологов. Эти материалы определены хронологически, хорошо исследованы в комплексе, описаны достаточно подробно, подытожены в ряде монографий [Волков, 1967; Дорж, 1971; Наваан, 1971; Новгородова, 1970; Пэрлээ, 1959]. На их основе написаны обобщающие работы, посвященные древнему периоду истории МНР [Сэр-Оджав, 1971; История МНР, 1954], начальным этапам истории человека в Центральной Азии [Деревянко, 1973, 1975; Ларичев, 1976а, б; Окладников, 1960, 1962, 1963, 1964, 1972, 1973], бронзовому и раннему железному веку Тувы и Забайкалья [Гришин, 1975; Диков, 1958; Коновалов, 1976; Манай-оол, 1970].

Следует отметить, что археологические материалы с территории МНР (и соседних) требуют к себе осторожного подхода. Они имеют существенные лакуны, обусловленные, с одной стороны, отсутствием пока некоторых типов памятников, а с другой — спецификой археологической методики и терминологии. По имеющимся упоминаниям нельзя судить о типе и характере поселений и городищ на территории МНР от хуннского до киданьского периода. Для тюркского времени опубликованы материалы о погребальных и поминальных сооружениях. Все памятники (и погребения и поселения), относящиеся к последним векам до нашей эры и первым векам нашей эры, всеми археологами рассматриваются как хуннские, хотя, по данным китай-

ских хроник, хорошо известно, что на территории Монголии и смежных районов в этот же период обитали враждебные хуннам ухуаньцы, сяньбийцы и юэчжи. В 93 г. н. э. господство хуннов на территории МНР кончилось, значительная часть этого народа переселилась в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и пристепные районы Китая. Поэтому неправомерно считать «хуннской» культуру II—III вв. н. э. в Монголии и Забайкалье. Да и в период политической гегемонии хуннов в степях Монголии (III в. до н. э.—I в. н. э.) значительную часть этого региона занимали нехуннские народы, культура которых пока все еще относится к хуннской.

Учитывая все сказанное, автор данного исследования в соответствии с конкретными целями и задачами работы использует археологические материалы разных эпох на территории Восточной Монголии, в основном как вспомогательный историко-этнографический источник, корректируя его другими материалами (этнографическими и др.).

Археологические материалы разных эпох, обследованные в 1967, 1968 гг. экспедицией Трех рек под руководством Х. Пэрлээ, имеют несколько «сквозных» элементов, прослеживающихся в разновременных памятниках. Эти элементы, повторяющиеся от этапа к этапу, служат связующим звеном между археологическими, историко-этнографическими и этнографическими данными, позволяющими отграничить древние протомонгольские народы от прототюркских и тунгусо-маньчжурских. Вместе с тем находки памятников других народов на территории, заселенной, несомненно, предками монголов, указывают на то влияние, которое в определенные периоды истории оказывали немонгольские племена на политическую и этническую истории предков монголов.

Письменные источники, использованные в работе, можно разделить на несколько групп.

Монгольская историография начала бурно развиваться после образования Монгольской империи. В 1240 г. было написано первое сочинение на монгольском языке — «Сокровенное сказание». «Сокровенное сказание» построено по четкому плану, который стал затем характерным для всех монгольских летописей.

1. Генеалогия, начинающаяся с прародителей, основателей правящей фамилии Бортэ-Чино и Гоа-Марал (Пегий Волк и Прекрасная Лань). В генеалогию включены: сведения об отношениях старших и младших линий родов, о непорочном зачатии предка фамилии Чингизидов, о брачных партнерах из числа окружавших племен, о местах расселения предков монголов.

2. Исторические предания о времени, предшествовавшем появлению Темучина (Чингисхана), сведения о его родителях, их родственниках и свойственниках, о его детстве и юности.

3. Записи о событиях, сопутствовавших объединению мон-

гольских племен, созданию Монгольской империи (дипломатические переговоры, межплеменные войны, войны с соседними странами и отдаленными народами).

4. Подробное описание внутреннего положения империи (определение членов общества в социальной структуре, в складывающейся феодальной иерархии, их права и обязанности, бюрократический аппарат, военное устройство и т. п.).

5. Краткое описание царствования Угэдэя и его реформы.

В хронику включены поэтические произведения различных жанров (похвала гвардии, «посольские речи», песнь об унгиратских женах, стихи о богатырях Чингиса). В текст летописи вкраплено много этнографических сведений (о верованиях, пище, средствах передвижения, одежде и прическе, обычаях, обрядах и т. д.). Все сказанное позволяет охарактеризовать этот памятник как настоящую энциклопедию жизни монголов первой половины XIII в. Поэтому трудно переоценить значение «Сокровенного сказания» для решения проблемы происхождения монголов. Написано «Сокровенное сказание» (в дошедшем до нас виде) китайской транскрипцией, использовавшей около 400 иероглифов. Его исследовали, переводили и публиковали ученые разных стран.

Во всех последующих монгольских летописях использовано уйгурское письмо, которое в дальнейшем видоизменилось и стало основой старомонгольского алфавита. На летописях XVII в. и более позднего времени сильно сказалось проникновение в Монголию в XVI в. ламаизма. Так, не нарушая общего плана, каждая летопись добавляет изложение буддийских космогонических представлений, легенд о сотворении мира. Даже генеалогия монгольских знатных родов ведется не просто от Бортэ-Чино и Гоа-Марал, а от индийских и тибетских царей — распространителей буддизма [Pouicha, 1956, с. 10]. Сам Бортэ-Чино назван их потомком. Эти более поздние интерполяции легко выделяются в тексте. Они позволяют сделать вывод, что авторы и составители монгольских источников были далеко не безразличны к политической и религиозной ситуации.

Из летописей XVII в. и более позднего времени следует назвать прежде всего «Алтан тобчи» («Золотой свод») [Шастина, 1973]. Летописи с таким названием известны в нескольких вариантах, принадлежащих разным авторам, но большинство из них анонимны. «Алтан тобчи» Лубсан Данзана содержит фрагменты из «Сокровенного сказания», а также факты и даты, которых там нет. Широкой известностью пользуется «Эрдэнийн тобчи» («Драгоценный свод»), сочинение ордосского князя Сананг Сэцэна. В нем нашли отражение более ранние монгольские источники, возможно, и китайские, так как автор упоминает племя «бэдэ», или «бада». Считают, что «бэдэ» — это китайское «бэй ди» — «северные варвары» или же «бай да» — «белые татары» [Шастина, 1957, с. 175, примеч. 157]. Почти текстуаль-

но с «Эрдэнийн тобчи» совпадает анонимная хроника «Шара туджи» («Желтая история»). В опубликованном в 1957 г. тексте «Шара туджи» и переводе Н. П. Шастиной сведены три списка летописи. Подробное описание впервые было опубликовано Ц. Ж. Жамцарано.

Особое место занимает «Цаган түүхэ» («Белая история», полное название — «Белая история учения, обладающего десятью добродетелями»). Его автором Сананг Сэцэн называл императора Хубилая, основателя династии Юань (1279—1368). «Цаган түүхэ» — это свод установлений и изложение основных принципов управления. Идеалом правления провозглашено здесь гармоничное сочетание светской и духовной власти, соединение усилий религии и государства для управления народом [Жамцарано, 1936, с. 71—72, 73—76]³.

Генеалогические разделы всех этих летописей (в сопоставлении с другими источниками) дают уникальный материал для этногенетических выводов. С. А. Козин справедливо заметил, что вводная часть хроник «есть не что иное, как положенная на письмо „словесная устная наука родословий“» [Козин, 1948, с. 97]. Для монголов того времени было характерно стремление сохранить в памяти потомков деяния предков, заботливое отношение к родовым связям и традициям. Знатоки генеалогий, как известно, досконально изучавшие все родственные связи своих фамилий и их ответвлений за многие поколения, бережно передавали эти знания детям. Именно поэтому родословные книги имеют значение первоисточника. Сравнивая их между собой и с другими источниками, можно проследить хронологию раннего периода монгольской истории, межплеменные и родовые связи и отношения (соседские, родственные, брачные, враждебные и т. п.). В решении этого круга вопросов значение таких родословных книг трудно переоценить. Полнота и точность сведений в них обуславливаются близостью описываемых событий ко времени жизни автора и родственными связями составителя, причем о родах, с которыми он в более близком родстве, пишется подробнее, чем о других. Такая манера описаний очень помогает при анализе материала родословных книг. Она сразу вводит исследователя в круг интересов автора, ярко характеризует его симпатии, антипатии, политические убеждения, религиозные представления, его этническую принадлежность, а также позволяет проследить генеалогическую связь знатного рода с правителями великих держав прошлого. (Подробнее об историографии монголов см. [Бира, 1978].)

Лингвистические материалы раннего периода развития монгольских языков содержатся в многочисленных словарях XIII—XIV вв. и позднее. К ним относятся «Словарь Мукаддимат ал-адаб» и «Словарь Ибн-Муханны», а также памятники (связные тексты) на квадратной письменности, введенной в период династии Юань (1269 г.), найденные в Поволжье стихотворные

тексты на бересте и монгольские тексты в китайской транскрипции из словаря «Хуа-и и-юй», опубликованные и переведенные Хайсигом Лигети и др.

Важными для данной темы источниками служат тюркские рунические тексты, впервые обнаруженные в Монголии в 1889 г. Н. М. Ядринцевым и названные по месту их находки «орхонскими памятниками». Все эти памятники относятся к VIII в., надписи сделаны на тюркских языках того времени. В этих текстах названия племен и народов не искажены китайской транскрипцией, поэтому тюркские памятники могут служить связующим звеном между сведениями китайских источников эпохи династии Тан и более поздними монгольскими источниками.

В древнетюркских памятниках отражены события более раннего времени, в них описываются отношения между тюрками и их соседями, есть много сведений историко-этнографического характера, что позволяет уловить этнопсихологические черты тюркских племен той эпохи. Тюркские памятники дают возможность очертить ареал распространения тюркских языков в ту эпоху, а также косвенно свидетельствуют о расселении нетюркских народов в пределах соседних регионов. Переводы и публикация тюркских рунических памятников и более поздних на уйгурском и арабском алфавитах осуществлены С. Е. Маловым [Малов, 1951, 1959].

История народов Центральной Азии до X в. с наибольшей полнотой отражена в китайских письменных источниках. Китай, несмотря на сооружение Великой стены, не был отделен от своих кочевых и полукочевых северных соседей.

С незапамятных времен Китай периодически посылал в ставки крупных вождей своих эмиссаров, которые сообщали китайскому двору все, что удавалось узнать. Эти сведения хранились в архиве. Первые вести о вновь появлявшейся в поле зрения китайского двора этнической группе были не всегда точны. Впоследствии они дополнялись и уточнялись. Собирались данные и обо всех народах, присылавших посольства в Китай. В случае появления нового племени китайские авторы пытались установить, кто были его предки, каково их первоначальное название, сообщали сведения о языке, расселении, способе ведения хозяйства, быте, обрядах, верованиях, нравах, обычаях. Сведения эти часто отрывочны, но ценность их несомненна⁴.

Из китайских источников наибольшую ценность для данной работы представляет «Юаньши» («История династии Юань»). Она существенно отличается от «Сокровенного сказания», особенно в ее генеалогической части, которая начинается лишь с праматери монгольских родов Алун-Гоа. В ней отсутствует генетический ряд, начинающийся в «Сокровенном сказании» от Борте-Чино, зато значительно полнее представлены события, касающиеся межплеменных распрей XII в. Очевидно, «Юаньши» сохранила для потомства сведения, составленные в тот пе-

риод, когда династия монголов уже не нуждалась в «знатных предках», не принадлежавших к собственно монгольским родам. Поэтому все сомнительные в смысле родства с монголами группы были исключены из родословных книг.

Особенно существенную роль для нашей темы играют материалы китайских официальных историй киданей (Ляо), чжурчженей (Цзинь) и монголов (Юань). Еще при династии Сун появились первые сочинения об этих северных соседях Китая. В основу «Цидань гочжи» («Описание киданьского государства») легли документы о киданях, сообщения путешественников о них (так называемые дорожники). В «Ляочжи» («Описание Ляо») также рассказывалось о киданях, их стране и обычаях, одежде, календаре, легендах и мифах. Основой сочинений о Ляо послужили, возможно, подлинные документы, которые могли быть первоначально написаны на киданьском языке и лишь позднее переведены на чжурчжэньский или китайский. Известно, что кидани имели не только свою письменность, но и богатую литературу, в том числе и историческую. До настоящего времени дошли только немногочисленные памятники киданьской письменности, не дешифрованные до сих пор [Рудов, 1963, с. 90]. Широкое распространение письменности и литературы киданей позволяет думать, что они собирали документы для своей истории, которые могли лечь в основу «Ляоши» («История Ляо»). «Ляоши» содержит большое количество описаний обрядов, верований, обычаев, легенд, а также тексты документов, указов, докладов чиновников и другие материалы. В ней много упоминаний о соседних народах.

В период Сун ученым Юйвэнь Мяочжао была написана «Да Цзинь гочжи» («История великого государства Цзинь»). Она, как и «Ляочжи», является историко-этнографическим обзором. Другой источник о Цзинь — «Цзиньши» — частично переведен на русский язык А. Г. Малявкиным.

Много сведений о монголах, протомонголах, их истории и культуре содержится в китайских текстах. В настоящей работе используются преимущественно сообщения китайских официальных хроник. Освещение событий в них часто тенденциозно, с пренебрежением говорится о «варварах», но фактологическая база в основном заслуживает доверия. Однако эти материалы для этнографических выводов могут быть использованы лишь с большой осторожностью. Для этого немало веских причин. Например, «варварам», переходившим в китайское подданство или же искавшим покровительства Китая, «жаловались» китайские имена и фамилии. Поэтому в китайских источниках упоминается множество лиц с китайскими фамилиями, в действительности принадлежавших населению неханьской народности. Многие из них были согдийцами, тюрками, уйгурами или киданями и др. [Малявкин, 1974, с. 94, 100, 104, 105, 117, 118, 126, 129, 132, 133]. Имена же, бесспорно принадлежавшие неханьским

народам и записанные ханьской транскрипцией с местного языка, даже если они поддаются дешифровке, очень редко позволяют делать выводы этногенетического характера⁵.

Наибольшую ценность среди персидских и арабских письменных памятников представляет труд Рашид ад-дина «Джами-ут-таварих» («Сборник летописей») [Рашид ад-дин, 1952]. В этом источнике отражены многие этнографические черты монгольского общества конца XIII — начала XIV в. Будучи великим визирем при дворе монгольских ильханов Ирана Хулагуидов, Рашид ад-дин имел возможность наблюдать жизнь монгольского общества. Для составления труда по истории монголов и других народов ему в помощь были даны лучшие знатоки истории, преданий, легенд, обычаев и нравов каждого народа. Правда, сам Рашид ад-дин признавал, что сведения, полученные им о происхождении монголов, противоречивы и часто сомнительны. Рашид ад-дин пытался представить монголов как одно из подразделений тюркско-уйгурских племен. Он писал о собственно монголах и о племенах, которые до недавнего времени не считались монголами, но были им родственны, а также о племенах и народах, совершенно чуждых монголам, но включенных в состав Монгольской империи, а поэтому принявших название «монголы». Можно сказать, что Рашид ад-дин, как никто другой, описал этнические процессы XII—XIII вв., и мы не только не можем упрекнуть его за нечеткость изложения, но и должны быть ему благодарны за то, что он приводит много разноречивых сведений, не стараясь их опустить в угоду стройности изложения и в ущерб фактам. Полностью все три тома труда Рашид ад-дина переведены на русский язык Л. А. Хетагуровым, О. И. Смирновой и Ю. П. Верховским.

В 40—50-х годах XIII в. при дворе монгольских императоров было много европейцев, но сохранились записи только двух путешественников: посла папы римского Иоанна дель Плано Карпини и посла короля Франции Людовика XI (Святого) Гильома (Вильгельма) де Рубрука. Послы проникли в степи в качестве миссионеров, проповедников христианства. Каждый из них оставил этнографическое описание монголов XIII в., составленное по полной программе, в которой не был забыт ни один из элементов этнической характеристики. Хозяйство, материальная и духовная культура, язык и письменность, обряды и обычаи, верования, отличия монголов от других кочевых народов по деталям головного убора, костюма, характерные черты в устройстве жилища и т. п. — ничто не ускользнуло от внимания этих тонких наблюдателей. На русский язык оба текста переведены Н. И. Минаевым [Путешествие..., 1957].

К числу известных путешественников XIII в. принадлежит и венецианский купец Марко Поло. Им оставлено одно из наиболее занимательно написанных и насыщенных разнообразными сведениями сочинений о народах, населявших Центральную

Азию. Он провел 17 лет жизни на службе у великого хана монголов, основателя династии Юань — Хубилая, много путешествовал по Азии. В его изложении действительность иногда переплетается с легендой, но то, что он знал и видел, описано точно и верно. Это делает многие страницы его труда, как и описания Плано Карпини и Рубрука, важнейшим первоисточником. Перевод на русский язык труда Марко Поло также принадлежит Н. И. Минаеву [Книга Марко Поло, 1956].

Кроме указанных работ автором данной монографии в той или иной степени использованы сведения, содержащиеся в опубликованных переводах тибетских, сирийских, византийских, русских и других источников. Однако факты, важные для темы, там единичны, поэтому эти источники не выделены в самостоятельные группы. Некоторое количество фактов взято из материалов по тюркским, тунгусо-маньчжурским языкам, опубликованным различными исследователями (В. И. Цинциус, В. Г. Боторазом, И. И. Захаровым и др.). Ссылки на эти материалы даются в тексте с сохранением транскрипции источника.

К числу важных источников принадлежат также произведения устного народного творчества монгольских народов. В произведениях монгольского богатырского эпоса сохранилось большое количество этнографических деталей, относящихся к древнему периоду этнической истории монгольских племен. В первую очередь это относится к известному «Эпосу о Гэсэре» (о нем см. [Дамдинсурэн, 1957, гл. 1]). Помимо сведений по географии и этнографии монголов и соседних народов в нем содержится много важных сведений исторического характера, позволяющих представить себе этническую картину Центральной Азии XI в. и взаимоотношения различных этнических общностей того времени.

Не менее интересны и опубликованные Б. Я. Владимирцовым памятники монголо-ойратского героического эпоса, которые включили пласты более ранних эпох, в том числе сведения по материальной культуре, относящиеся к длительно бытовавшим ее формам, и данные по шаманству, роли шаманов в жизни народа. В вводной части своего труда Б. Я. Владимирцов описывает, как рождались новые сказания. Сюжет для них не придумывали, основа их всегда была связана с реальным событием в жизни народа. Обычно сказитель слагал былинку о том, что он хорошо знал, о событии, в котором сам принимал участие. Сначала такое сказание исполнял сам сказитель, затем его заучивали с голоса и лишь только позднее записывали. Поэтический дар ценили, и сказитель передавал свои знания эпоса одаренному ученику. Грамотные монголы обычно записывали такие фольклорные произведения [Владимирцов, 1923]. Целый ряд бытовых черточек, обычно опущенных в исторических хрониках, но характеризовавших этническую специфику предков монголов, сохранился в фольклорных источниках.

ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛОВ И ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОНГОЛЬСКОГО АРЕАЛА В СИСТЕМЕ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Глава 1

МОНГОЛЬСКИЕ НАРОДЫ И ИХ КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В научной литературе монголами называют народы, живущие на разных территориях, имеющие разные этнические характеристики, а часто и разные самоназвания. Ввиду разноречия в обозначении одного и того же народа и одинаковых названий для разных народов целесообразно дать перечень современных монголов по данным, уточненным Сектором картографии и этнической статистики Института этнографии АН СССР, а также их краткую характеристику. Этническая характеристика, опирающаяся на определение этноса как сложной динамической биосоциальной системы, обладающей определенными устойчивыми свойствами [Бромлей, 1973, с. 27—38], учитывает все основные параметры: самоназвание, численность, расселение, тип хозяйства, материальную и духовную культуру, особенности языка и письменности. На основе сравнения данных монгольские народы определяются в качестве таксономических единиц в иерархии этносов. Комплекс этих свойств позволяет отграничить одну общность (этнос) от другой.

Всего насчитывается около двадцати монголоязычных народов, расселенных компактными группами в Азии и Европе (см. [Население..., 1968; Численность..., 1962]). Из них в МНР живут халха-монголы (включая даригангов и мингатов) — 755 тыс. человек, ойраты (дурбэты, баяты, захчины, олеты, торгуты) — 65 тыс., дархаты, урянхайцы — 10 тыс., буряты — 30 тыс.; в СССР — буряты — 253 тыс., калмыки — 106,1 тыс., монголы — 1,8 тыс.; в КНР — монголы — 1,75 тыс., дунсяне — 185 тыс., монгоры (ту) — 65 тыс., дахуры — 50 тыс., баоани — 6 тыс. человек.

Происхождением и языком с монгольскими народами связан и ряд мелких групп, невыделяемых обычно в самостоятельные

единицы. К ним относятся: сарт-калмаки Средней Азии (СССР) [Бурдуков, 1935], моголы (Афганистан) [Лигети, 1954, с. 93—114; Ferdinand, 1964; Shurtmann, 1962], монголы пров. Юньнань (КНР) [Тодаева, 1960; Стариков, 1965]. Небольшую группу монголоязычных шира-югуров (1,5 тыс. человек) объединяют в одну народность с тюркоязычными юйгу (в КНР) [Тенишев, 1965, с. 647; Тенишев, Тодаева, 1966, с. 7].

Монголоязычное население МНР в печати, радио, кино, театре пользуется современным монгольским языком, сложившимся на основе халхаского диалекта [Санжеев, 1964; Тодаева, 1951, 1964]. На нем ведется и обучение в школе. В 1940 г. вместо старой письменности, существовавшей с XIII в., была принята новая — на кириллице. В быту представители ряда этнографических групп МНР, преимущественно старшее поколение, продолжают пользоваться как своими диалектами, так и современным монгольским языком. В КНР у монголов осталась старомонгольская письменность — на уйгурской графической основе [Тодаева, 1960, с. 19].

Буряты СССР говорят и пишут на бурятском языке и его диалектах [Алексеев, 1949; Санжеев, 1941]. Письменность бурят основана на кириллице. На языках, объединяемых в группу ойратских, говорят калмыки и ойраты. У калмыков при этом письменность на базе кириллицы, у ойратов она основана на старом письме Зая-пандиты¹ [Павлов, 1962, с. 109—132; Тодаева, 1960, с. 21]. Наконец, так называемые обособленные языки, сохранившие архаические черты более ранних периодов развития монгольских языков, — языки дахуров, дунсяней, баоаней, монгоров — являются бытовыми и, за исключением дахурского, не имеют своей письменности [Журавлева, Стариков, 1965; Тодаева, 1960, 1961, 1964, 1973]. Носители этих языков, как правило, владеют и языками окружающих народов.

Материальная культура монгольских народов представлена большим многообразием форм. Монголы МНР, занимаясь главным образом скотоводческим хозяйством кочевого и отгонного типа, еще и теперь сохраняют навыки кочевого быта, свойственные их предкам [Вяткина, 1960; Ширендыб, 1968]. Основной тип жилища — войлочная юрта; в пище преобладают мясные и молочные продукты; национальная одежда — халат особого покроя, запахнутый на правую сторону. По религиозным воззрениям монголы МНР — ламаисты.

Калмыки Калмыцкой АССР, в прошлом кочевники, полностью отошли от кочевого быта. Жилище их, как правило, двух-трехкамерный дом. В зависимости от района и имеющегося материала он бывает каркасно-камышитовый (столбовой конструкции) либо сложенный из ракушечника или из саманного кирпича. Некоторые бытовые навыки калмыки заимствовали у южнорусского населения (при входе в дом снимают обувь, разводят те же комнатные растения и т. п.). Одежда у подав-

ляющего большинства населения — городского типа; исключение составляет одежда пожилых женщин, которые носят платье с выпущенным белым воротничком традиционного покроя, черные бархатные фуляры для кос и черную меховую или матерчатую шапочку. Пища и традиционная (мясо-молочная, чай с молоком и солью, крепкий бульон с кусками мяса, жареное мясо и пр.) и русская (борщ, котлеты и т. д.); готовят и рыбу, что более характерно для прибрежных районов. По религиозным воззрениям калмыки в основном ламаисты, есть и православные христиане, но большинство населения нерелигиозно [Эрдниев, Викторова, 1963; Эрдниев, 1970].

Буряты Бурятской АССР наряду со скотоводством занимаются земледелием. В настоящее время сельское хозяйство бурят многоотраслевое, развивается на промышленной основе, что способствует исчезновению некоторых традиционных черт в материальной культуре и быту. Одежда, как правило, городского типа. Рубленые дома появились у бурят давно, обстановка в доме фабричного производства. Буряты — ламаисты, но кое-где сохранилось и шаманство [Вяткина, 1969б; Герасимова, 1957, 1964; Тугутов, 1978]. Однако религия утратила былое значение в жизни населения.

Монголы КНР подразделяются на этнографические группы (чахары, хорчины, тумуты, барины, харачины и др.). У них нет единого типа хозяйства и материальной культуры. Значительная доля населения занимается скотоводством, как и монголы МНР, но часть, живущая смешанно с китайцами, восприняла многие черты их хозяйства и быта (занимается земледелием, живет в фанзах, бытовой уклад сходен с китайским), двуязычна (в быту наряду с монгольским пользуется китайским языком). По религиозной принадлежности ламаисты [Вяткина, 1965; Lattimor, 1935; Torgii, 1957].

Дунсяне (пров. Ганьсу в КНР) и баоани (Ганьсу и Цинхай) по типу хозяйства, быту, материальной и духовной культуре близки к соседнему населению — дунганам и китайцам. Дунсяне и баоани — оседлые, земледельческие народы. Скотоводство существует как подсобное занятие. Живут в домах из сырцового смешанного с саманом кирпича, отапливаются канами. Одежда и женский головной убор такие же, как у дунган. По религиозной принадлежности дунсяне и баоани Ганьсу — мусульмане-сунниты, а баоани Цинхая — ламаисты. Дунсяне с 1956 г. имеют письменность, разработанную на основе их языка. Баоани не имеют своей письменности и пользуются китайской. Обучение в школах ведется на китайском языке [Стратанович, 1965б; Тодаева, 1960, 1965].

Монголы (ту) — также земледельческий народ, живущий в основном в КНР, в пров. Цинхай. Основные занятия — земледелие и огородничество. Материальная культура сочетает в себе черты скотоводческой (сохранилось традиционное валяние вой-

лока) и земледельческой традиций. У монголов, как у китайцев и других народов тех же районов, дома каркасно-столбовой конструкции, со стенами, заполненными сырцовым кирпичом, окруженные глинобитными стенами усадьбы и пр. По религии монгоры — ламаисты. Своей письменности нет, пользуются тибетской и китайской [Стратанович, 1965а, с. 662—665; Schram, 1954; Schröder, 1932—1945, 1952, 1953].

Дахуры живут в пров. Хэйлунцзян, во Внутренней Монголии и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. По типу хозяйства они земледельцы и скотоводы. В материальной культуре много сходного с маньчжурами: дома каркасно-столбовой конструкции, отапливающиеся канами; в одежде наблюдается устойчивое сочетание элементов монгольского и маньчжурского костюмов. До 1957 г. дахуры пользовались маньчжурской письменностью, а начиная с 1957 г. — собственной, созданной на русской графической основе. По религиозной принадлежности большинство дахуров — шаманисты, но часть — ламаисты [Журавлева, Стариков, 1965, с. 668—671; Тодаева, 1960, с. 9].

Плотность населения и этническая территория каждого из монгольских народов неодинаковы: наряду с относительно большими, компактно живущими народами, как монголы, калмыки и буряты, встречаются небольшие народности, расселенные малыми группами (или дисперсно) в инонациональной среде. Хотя все эти народы связаны происхождением и языком с древнемонгольской этнолингвистической общностью, однако они постепенно утрачивают или уже утратили общие черты. Время и причины этого обособления у каждого из народов различны.

На основании языковых материалов и некоторых письменных источников ученые полагают, что раньше всех обособились этнические общности, сохранившие архаические элементы в языке (например, начальное *h* и *f*) [Санжеев, 1953]. К таким народам в первую очередь относятся дунсяне, баоани, монгоры, которых еще в конце XIX в. Г. Н. Потанин объединил в единую общность широнгол-монголов [Потанин, 1893, с. 340—344, 360], а также дахуры, монголы Юньнани и моголы Афганистана. Все они сохранили некоторые особенности, свойственные монгольскому языковому миру XIII—XV вв. [Лигети, 1954; Санжеев, 1953, гл. 1; Тодаева, 1960].

Формирование монголов МНР, калмыков, бурят и отделившихся от них групп происходило в исторически хорошо обозримый период. Небольшие группы, такие, как буряты в МНР, сарт-калмаки в Киргизии, попадали в окружение народов той же языковой семьи, что способствовало процессу слияния с этими народами. Тенденцию этнического развития в значительной мере определило и политическое положение. Так, переселившиеся в XVII в. предки калмыков первоначально образовали феодальное Калмыцкое ханство в составе Российской империи, которое впоследствии было ликвидировано и включено

в состав административных единиц царской России [Очерки..., 1967; История Бурятской АССР, 1954].

Аналогично складывалась судьба монголов МНР, для которых условия консолидации в единую социалистическую нацию были созданы в результате падения в 1911 г. империи Цин и победы революции в 1921 г. [Ширендыб, 1956]. Все три социалистические нации — монголы в МНР, калмыки и буряты в СССР — имеют теперь не только единый для всей нации язык (монгольский, калмыцкий, бурятский), но и экономику с развитым внутренним рынком, свою культуру и этническое сознание. При этом следует отметить, что степень консолидации у всех трех наций неодинакова, а пережитки старого родо-племенного и удельного дробления у западных монголов выражены отчетливее, чем, например, у калмыков [Вяткина, Ральдин, 1965, с. 699—705; Эрдниева, 1967].

Монгольские народы, расселенные в КНР, отличаются большей таксономической дробностью, чем описанные выше. Среди них численно преобладают монголы, живущие в Автономном районе Внутренняя Монголия, где они составляют примерно $\frac{1}{4}$, а по более поздним данным — $\frac{1}{7}$ часть населения. В районах, пригодных для земледелия, монголы живут смешанно с китайцами, близкое и давнее соседство с которыми наложило отпечаток на все стороны их хозяйства, культуры и быта.

Народностью, сохраняющей самобытные черты, можно считать дахуров, хотя в их культуре прослеживаются элементы сходства с их давними соседями — маньчжурами. Тенденция к сближению с окружающим населением наблюдается и у других групп, таких, как монгоры, дунсяне, баоани. Смешанные браки у этих групп предпочтительнее заключаются не с представителями родственных генетически и по языку монгольских групп населения, а с инонациональными единоверцами. Это содействует не только укреплению конфессиональной общности, но и слиянию разных по происхождению и языку народов.

Для дунсяней и баоаней характерна утрата старого этнического самосознания: их названия носят уже не этнический, а административно-территориальный характер. Постепенная утрата ими монгольского языка (они двуязычны, не имеют своей письменности, в школах обучение ведется не на родном языке), общие черты культуры, быта, хозяйства и религии с дунганями могут привести со временем к их слиянию с последними, что позволяет рассматривать эти группы как общности переходного типа.

К такого же типа общностям относятся этнографические группы сарт-калмаков и шира-югуров, которые постепенно сливаются: первые — с киргизами, вторые — с тюркоязычными юйгу, а также моголы Афганистана, постепенно утрачивающие монгольский язык, и монголы Юньнани.

Тот факт, что монголоязычные народы образуют этнические

общности, столь различные в хозяйственном, культурном, языковом, религиозном отношениях, указывает на длительный и сложный процесс их формирования и этнического развития. Вместе с тем общая языковая основа, общие сюжеты фольклора, общие легенды о происхождении, сохранение в ряде случаев вариантов общего самоназвания «монгол» и отдельных общих элементов бытовой культуры позволяют признать справедливым мнение о том, что современные народы, охарактеризованные выше, формировались если и не на единой, то на близкородственной основе. Трудami многих исследователей установлено, что все современные монгольские народы формировались после XIII—XIV вв. Их предки были составной частью единого этнополитического объединения монголов, существовавшего в период империи Чингизидов и переставшего существовать после ее распада. На основе обособившихся групп впоследствии и сформировались современные монгольские народы [Златкин, 1964; Ишжамц, 1965; Румянцев, 1962; Санжеев, 1953; Эрдниев, 1970]. Поэтому общий термин «монголы» до сих пор употребляется по отношению ко всем монголоязычным народам.

Глава 2

ПИЩА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЮ ЭЛЕМЕНТЫ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ, ВЫСТУПАЮЩИЕ КАК ЭТНИЧЕСКИЕ РАЗГРАНИЧИТЕЛИ

В комплексе бытовой культуры монголов пища служит, пожалуй, наиболее устойчивым и характерным элементом. Классификация пищевых продуктов, их выбор для повседневного и праздничного стола, способ приготовления, порядок принятия пищи, обряды и запреты, связанные с пищей, наглядно демонстрируют этническую специфику монголов. Все эти особенности отличают их не только от соседних земледельческих народов, но и от других кочевых народов Центральной Азии. Вместе с тем такие черты бытовой культуры являются индексами, позволяющими установить генетическое родство между монголами и их этническими предшественниками. Оно не может быть выявлено только при помощи письменных или археологических материалов.

Контраст между бытовой культурой оседлых земледельцев и скотоводов-кочевников прежде всего проявляется в наборе пищевых продуктов и количественном соотношении потребляемых видов пищи. Для всех центральноазиатских кочевников основу питания составляют молоко и мясо. В этом монголы сходны с другими кочевыми народами. Однако у монголов с давних пор существует своя классификация пищевых продуктов, выражен-

ная цветовой символикой. В основе этой символики лежит многовековой опыт народа, вначале освященный шаманскими верованиями, а затем, очевидно, переосмысленный и закреплённый буддийскими канонами.

1. *Цаган идээ* (белая пища) — молоко и молочные продукты (*өрөм, аруул, бяслаг, хурут, архи*) — считается чистой пищей; ее так и называют *ариун идээ* (чистая пища).

2. *Шар идээ* (желтая пища) — масло, *шар тос* (масло топленое) — также чистая пища. Из масла делают специальные фигуры, которые потом ставят перед божествами буддийского пантеона.

3. *Ногоо идээ* (зеленая пища) — нейтральная пища, не основная, употребляется в качестве приправ; это различные виды лука, а также дикорастущие корни и травы (ревень, сульхир и т. п.).

4. *Улаан идээ* (красная пища) — *цус* (кровь), *элиг* (печень), *мах* (мясо) и мясные продукты. Это основная пища зимой, но (по понятиям буддистов) нечистая, или греховная.

5. *Хар идээ* (черная пища) — чай без молока, бульон мясной, чистая вода считается плохой пищей, гостя угощать ею (особенно водой и чаем без молока) нельзя, это считается оскорбительным.

Мы не будем детально описывать все виды пищи монголов, остановимся лишь на тех из них, которые являлись национальной спецификой и на протяжении веков служили внешним отличием «своих» от «чужих» (см. [Вяткина, 1960; Майский, 1921; Цевель, 1936]). Пищевой рацион монголов восходит к глубокой древности. Поэтому истоки этого элемента бытовой культуры монголов могут быть установлены только при сопоставлении их с описаниями, сохранившимися в письменных источниках о монголах, а также в памятниках материальной культуры МНР.

Пища монгольских народов, у которых кочевое скотоводство является основой хозяйства, приготавливалась из ограниченного набора продуктов [Тугутов, 1958; Хангалов, 1900; Эрдниев, 1970, и др.]. Обычный рацион большинства населения состоял (и сейчас состоит) из молочных и мясных блюд с небольшим добавлением растительной пищи.

Молочная пища монгольских народов очень разнообразна по составу и способам приготовления. В пищу идет молоко (*суу*) всех видов скота: коров, кобыл, овец, коз, верблюдиц. Все сорта молока, кроме кобыльего, которое считается чистым, употребляются после долгого кипячения в котле. Из сырого кобыльего молока изготавливают кумыс (*айриг*): молоко очень долго сбивают, пока не получится пенистая кисловатая жидкость типа пахты, оставляющая во рту привкус миндаля и прекрасно утоляющая жажду.

Кипяченое молоко употребляют обычно с чаем. «Хотя чай и жидкий, но он начало пищи», — гласит одна из пословиц. В от-

личие от китайцев, японцев и оседлых народов Средней Азии, которые заливают чай кипятком и пьют чистый настой, подавая к нему вяленые фрукты, ягоды и т. п., монгольские народы бросают чай в горячую воду и довольно долго кипятят его в котле, затем доливают молоко и снова кипятят. Нередко в молочный чай добавляют немного соли, поджаренной муки и масла или бараньего сала. Обычно чай пьют перед едой, а основное горячее блюдо (*хоол*) подается после чая.

Из кипяченого молока получают разнообразные продукты, которые или употребляют свежими, или же заготавливают впрок на зиму, подвергая простейшим способам консервации. В свежем виде молоко и молочные продукты употребляют, как правило, в летний период. К таким летним видам пищи относятся: *тараг* — кипяченое молоко со снятой пенкой, сквашенное специальной закваской; *бяслаг* — род сыра, приготовленного из пресного творога без соли, отжатого и спрессованного в виде четырехугольного пласта; *өрөм* — толстые пенки, образующиеся путем длительного кипячения молока в котле на медленном огне.

Консервируют молочные продукты двумя основными способами.

1. Кипяченое молоко сквашивают, отжимают сыворотку, а творог разрезают ниткой из конского волоса на тонкие кружки и сушат на солнце. Эти круги называют *аруул*. Часто творог сушат мелкими комочками (*грут*). Грут более твердый, чем аруул, и долго сохраняется. Его размачивают в кипяченой воде и употребляют вместе с ней.

2. Молоко долго медленно кипятят до образования толстой и плотной пенки. Пенку снимают, высушивают и так хранят.

Аруул и грут имели такое же значение в жизни монгольского населения, какое имеет хлеб у земледельческих народов России или рис у японцев и китайцев. Именно поэтому аруул и другие виды молочной пищи стали частью религиозного ритуала при богослужении и жертвоприношении, а также символом благополучия, наградой победителю на состязаниях в борьбе, стрельбе из лука, скачках во время праздников.

Из молочных продуктов монголы изготавливали и *архи* (*цаган архи* или *сютэ архи*), т. е. молочный самогон¹.

Из молочных пенек, образовывавшихся после длительного кипячения, путем высушивания или вытапливания получали масло. Его сливали в промытые бараньи желудки или толстые кишки и сохраняли на зиму.

Появление способа консервации молочной пищи у предков монголов можно связать с эпохой неолита и ранней бронзы, когда происходило одомашнивание скота [Дорж, 1970]. Известно, что костные останки тех же видов скота, что разводят и поныне, найдены в погребениях эпохи неолита, бронзы и железа в МНР. Очевидно, уже во II—I тысячелетиях до н. э. необ-

ходимость сохранять избыток молока и молочных продуктов привела к изобретению простейших способов их консервации (кипячение, сквашивание, сушка, перетапливание). Употребление в пищу только кипяченого молока — особенность центральноазиатских кочевников, выработавшаяся, видимо, как профилактическая мера против инфекционных болезней, возникавших при большой массе скота.

Мясная пища больше употреблялась в зимнее время, когда нет свежих молочных продуктов (в другие сезоны предпочтение отдается молочному рациону).

Скот, который разводят монгольские народы, подразделяется на две категории: скот с горячим дыханием (*халуун хошуу мал*), т. е. кони и овцы, и скот с холодным дыханием (*хүйтэн хошуу мал*), т. е. крупный рогатый скот, козы и верблюды. Мясо барана считается целебным и часто применяется в народной медицине для лечения некоторых заболеваний. В пищу употребляется мясо всех видов домашнего скота, а летом и осенью — еще и мясо диких животных, добываемых на охоте, например антилоп-дзеренов и тарбаганов.

Порядок убоя разных видов домашнего скота, разделка туши строго регламентированы традицией. Для примера приведу разделку туши барана [Викторова, 1969, № 841].

Барана валят на спину, затем делают острым ножом разрез под грудиной. В разрез просовывают правую руку, разрывают диафрагму и затем согнутым указательным пальцем обрывают спинную артерию. При таком способе кровь не выливается на землю. Отверстие зажимают, протыкая оба края раны острой палочкой, после чего начинают снимать шкуру. Ее снимают, отслаивая рукой сначала с передних ног, затем с задних, причем ободранная туша лежит на шкуре, как на подстилке, оставаясь чистой и без крови. Обрезают сухожилия, отделяют нижние части ног по коленным суставам. Затем вспарывают брюшную полость, вынимают желудок, освобождают его от содержимого где-нибудь подальше от места разделки туши и несколько раз промывают.

Все промытые и очищенные внутренности складывают в широкий котел или таз. Подрезают тонкий слой грудобрюшной части и продевают в отверстие заднюю ногу, после чего выбирают и выбрасывают сгустки крови и сливают в сосуд чистую кровь из передней части. Затем вынимают заднюю ногу из разреза, выбирают сгустки и вычерпывают кровь из задней части туши, сливая в тот же сосуд. После этого вытаскивают сердце вместе с легкими, надрезают околосердечную сумку и вынимают из нее сердце. Обрезают тонкие части брюшины, вырезают по хрящам ребер грудную кость и все вместе вешают на заранее подготовленное место (например, на колья с протянутой между ними веревкой). Потом отделяют заднюю часть от передней (перерезая хрящи между позвонками хребта), а переднюю — вместе

с шеей от головы. У головы обрезают кожу по линии продолжения губ, после чего ударяют по челюстям, распластывают и очищают рот.

Женщины выбрасывают оставшиеся сгустки крови, а чистую кровь смешивают с *мянгиром*, *таном*, *сонгино* (сорта дикого лука), мукой и солью. Кишки очищают, выжимая их содержимое плотно сжатыми пальцами (кишки во время очистки не отрезают от пленки, к которой они прикреплены). Затем их хорошо промывают в теплой воде, потом в холодной, наливая ее через толстую кишку. Желудок разрезают по спирали лентами в 2—3 см шириной; так же нарезают и брюшину. Этими лентами набивают среднюю кишку, выворачивая ее так, чтобы верхняя часть с жировой пленкой оказалась внутри. Часть тонких кишок кладут туда же вместе с очищенными внутренностями.

Основной мешок желудка тщательно моют, отскребывая ножом его внутреннюю часть, пока он не станет чистым и белым; то же делают со вторым, жвачным мешком. В жвачный мешок наливают заготовленную ранее кровь, предварительно вывернув его на левую сторону вместе с продолжающей его тонкой кишкой, которая остается внутри вместе с солевой пленкой, прикрепленной к ней. Ее кончик заматывается в узел сверху.

Тонкие кишки также заливаются кровью, из них делаются кровяные колбасы (*цусан хиам*). Из тонких кишок делают еще катушку, наматывая ее на кусок печени и легкого. Все это вместе с почками, сердцем, легкими кладется в котел с горячей водой, стоящий на очаге, и варится. Тонкий слой мяса с брюшной части, печень, брюшную солевую пленку, лук мелко режут ножом, кладут соль, льют немного воды и делают колбасу (*холмох*).

Все колбасы (кроме тонких кровяных, лежащих заготовленными в тазу) и внутренности варят в одном котле. Околосердечная сумка тоже набивается кусочками мяса и варится в котле. Примерно через час-полтора котел снимается с огня, внутренности (*доотур*) вынимают, а в бульон кладут тонкие кровяные колбасы и варят около 10—15 минут.

Баранью голову опаливают на огне, предварительно отделив верхнюю часть от нижней; из нижней челюсти вырезается горловина вместе с языком. Опаливают и ноги, после чего чистят ножом, отскабливают дочиста шерсть и снимают копыта; палят и очищают грудину и хвост с куском жира. Печень без соли завертывают в кусочек брюшины и на палочках держат несколько минут на огне. Это блюдо называется *шарсан элиг*.

Потом начинают разделять баранью тушу: предварительно срезав мясо, ребра и шею отделяют ножом от спинного хребта, заднюю часть расчленивают посередине по копчику. Затем снимают мясо с костей передних ног и с лопатки. Передняя нога разделяется так: делают надрез с задней стороны ноги и от мосолыжки к лопатке. Очищают от мяса внутреннюю и

внешнюю части ноги. Ногу по суставам отделяют ножом от лопатки, но не до конца. Ляжку обрезают от мяса, отделяя ее по суставам от таза. От голенного сустава вверх, вдоль кости бедра, делают надрез с внутренней стороны, очищая бедро и мениск. Затем делается надрез вдоль голени. Большая берцовая кость отделяется от сухожилий (они остаются в мясе). Хребет вместе с хвостом надрезается в трех частях по суставам. Все кости вешают на веревку, как белье (по сгибам недорезанных суставов и сухожилий). Практически от туши никаких отходов, кроме прямой кишки (которую выбрасывают), копыт и костей, не остается, а кожу подготавливают для дальнейшей обработки, расстилая мехом к земле, распластывая и давая просохнуть [Викторова, 1969].

Мясо, снятое со всех частей, режут на длинные полосы шириной 2—3 см, вешают на веревку, сушат несколько дней и получают *борц*, т. е. сушеное мясо, описанное еще в XIII в. европейцами. Летний *борц* (*эунчийн борц*) отличается от зимнего (*оволийн борц*): он быстрее сохнет, на солнце становится темного цвета. Зимний *борц* вялится и сохнет на ветру, он светлее, вкуснее и ценится больше. Жирное мясо для приготовления *борца* не годится, так как оно плохо вялится. *Борц* делают не только из бараньего мяса, но из любого другого, даже из птичьего. В «Сокровенном сказании» упоминается о том, что предок монголов Бодончар заготавливал впрок мясо диких уток, развешивая его на деревьях [«Сокровенное сказание», § 27].

Борц можно подогреть над огнем очага (но так его употребляют изредка). Обычно *борц*, накрошенный мелкими кусочками, бросают в котел с кипящей водой, варят 10—15 минут, добавляя очень немного соли, крупы и лука. Такая похлебка — *шөл* — также упоминается в «Сокровенном сказании».

Зимой мясо не только высушивали, но и замораживали. Освежеванную тушу расчленили, заворачивали в шкуру и клали в повозку, где она сохранялась всю зиму. По мере надобности от нее отрезали куски и варили.

Описанный выше способ убоя скота у монголов считается традиционным. Он был закреплен еще в XIII в. указом хана Угэдэя как обязательный для всего населения Монгольской империи [Рашид ад-дин, 1960, с. 49].

Сохранявшие шаманские и анимистические верования древние монголы полагали, что в крови содержится душа живого существа и ее нельзя выпускать: если не выпущена кровь, то не нарушена целостность организма, животное как бы спит. А если животное спит, оно временно перешло в тот, невидимый, но вполне реальный мир, а потом может снова возродиться в своих потомках, и убыли в стаде не произойдет. Нарушение же целостности, отделение тела от души (выпускание крови, нарушение целостности костей), прерывало цепь перерождений, т. е. наносило непоправимый ущерб хозяйству, где скот был главным

богатством (в XIII в. слово «*mal*» обозначало «скот» и «богатство» [Монгольский словарь, с. 127 и далее])².

Монголы насчитывали в туше семь частей (четыре ноги, грудина, зад и позвоночник). При этом ноги делились по суставам: из четырех ног (в каждой по три сустава) выходило 12 основных блюд, так как каждый сустав ноги считался отдельным блюдом. Голова также составляла отдельное блюдо, которое подавалось наиболее почетному из гостей. Позвоночник и шея шли в качестве прибавки к основному блюду. Наиболее почетной частью, кроме головы, считалась лопатка (*дал*). Она употреблялась при гаданиях и жертвоприношениях; ее подавали духовным лицам, а до введения буддизма — шаманам. Лопатку нельзя было съесть одному и нельзя было поделить с женщиной. Если поблизости не было другого мужчины, лопатку нужно было переложить из одной руки в другую, как бы разделив ее с собеседником-соседом. Следующими по степени почетности были локтевые кости (*хариту*). Их подавали гостям из другой страны или незнакомым. За ними шли лучевые кости (*бокту чимуген*), которые имели значение в ряде обрядов³.

В XIX в., согласно свадебному обряду, жених и невеста должны были держаться за плечевую кость, что сулило счастье и благоденствие вновь образующейся семье. Само слово «сватать» — *боктолоху* — произошло от названия плечевой кости.

Людам среднего звания подавали кости крестца (*сэгүджи*), а также бедер, женщинам — заднюю часть (*огоца*) и поясничные позвонки, девицам и молодым замужним женщинам — грудину.

Основные блюда дополнялись ребрами (наиболее почетными считали первые четыре, и, чем длиннее ребро, тем почетнее) и мелко нарезанными кусками баранины. Кости позвоночника, шеи и брюшина шли на добавку к блюдам среднего достоинства. Первый позвонок шеи брал сам хозяин и, после того как съедал мясо, бросал кость в огонь. Почки и сердце отдавали малым детям, кончик курдюка — хозяйке. Внутренности гостям не подавались: печень и легкое съедали родственники, помогавшие готовить мясо. Курдюк также не было принято подавать на стол.

Мясо для пира распределяли столтники — *баурчи* (этот титул упоминается и в «Сокровенном сказании»). Гости садились в юрте по степени их признанного достоинства. Самый почетный из присутствующих занимал место за очагом, в северной половине юрты, лицом к югу. Ему подносили голову, опаленную, чисто выскобленную ножом, хорошо сваренную. На коже лба, на обеих щеках и за ухом делали надрезы. Голову без надрезов почетный гость не принимал. Баурчи подносил голову почетному гостю обеими руками, преклонив колени. Гость, взяв голову, отрывал кусочек надрезанной кожи со лба, бросал его вверх, шепча обращение к небу с просьбой о благополучии. Затем

брал кусочек кожи с левого уха и щек, не трогая правого, после чего отдавал голову хозяину дома, а тот, отбив затылочную кость, клал внутрь ребро и снова, теперь уже сам, подносил голову почетному гостю. Гость, приняв ее, несколько раз кончиком ребра зачерпывал и отвеживал мозг и отдавал голову своему соседу. Так голова обходила круг и возвращалась к хозяину, который ее доедал [Гомбоев, 1860].

Обычай распределения мяса на пиру у монголов был описан Плано Карпини и Рубруком: «От мяса одного барана они дают есть 50 или 100 человекам, именно они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой — другой приправы они не делают, — а затем острием ножика или вилочки, сделанных нарочно для этого... они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка, сообразно с количеством вкушающих» [Путешествия..., с. 96].

Однако европейские путешественники заметили только внешнюю сторону обряда, не обратив внимания на то, что мясо на пиру распределялось в зависимости от степени близости родства и деления мужчин-воинов на два крыла и центр. В «Сборнике летописей» и в «Сокровенном сказании» неоднократно упоминается о пиршествах, на которых баурчи подавали кушанья и напитки, строго сообразуясь с местом каждого в иерархической структуре монгольского общества, право на которое давала степень родства. Каждый из кровных родственников имел право только на закрепленный за его ветвью рода кусок мяса, на раз и навсегда определенную очередность при раздаче чаш с кумысом или вином. Женщины у монголов также присутствовали на пиру и получали свою долю.

Каждый монгол, по свидетельству Рашид ад-дина, с детства знал свое место в системе рода и место своего рода в структуре всех монгольских родов: «Ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие своих предков и учат и наставляют в знании родословия каждого появившегося на свет ребенка. Таким образом они делают собственностью народа слово о нем, и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени и происхождения» [Рашид ад-дин, 1952, с. 13]. Поэтому любое нарушение в порядке подачи и распределения пищи и питья воспринималось как оскорбление члена рода, тяжкая обида, и обычно в качестве баурчи на пирах выступали известные знатоки родословных. Если на пир собирався не один, а несколько родов, то каждая из сторон выставила своего баурчи.

Мясо и питье у монголов получали не только живые сородичи, но и давно умершие предки. Для них раз в году устраивали специальное жертвоприношение в местах погребений, которые считали заповедными обителями духов предков. В них могли принимать участие только сородичи.

Монголы в X—XIII вв. в качестве жертвенного животного

закалывали коня. Мясо коня съедали за упокой души умершего, а шкуру и голову оставляли на шесте возле могилы. Мясо коня распределяли по описанной выше схеме. Умершему в могилу клали полагавшуюся ему при жизни часть мяса. Эта традиция у монгольских племен особенно ясно прослеживается в погребальных комплексах на территории Восточной Монголии⁴.

В инвентаре погребальных комплексов археологи встречаются остатки посуды, в которой когда-то варили пищу. Употребление вареного мяса характерно и для современных монголов. В жареном виде обычно употреблялось мясо диких животных, добытых на охоте.

Потребление жареного мяса добытого на охоте зверя восходит, видимо, к глубокой древности. Сохранились древнейшие способы жарения мяса на огне или путем использования раскаленных камней. Только с появлением керамической посуды стало возможно широкое применение вареной пищи. Распространение керамики относится уже к неолитическому периоду, когда произошло одомашнивание мелкого и крупного рогатого скота и мясо домашних животных, как правило, стало употребляться в вареном виде.

Еще средневековые путешественники упоминали о том, что монголы едят «фараоновых мышей» (сурков). И сейчас охотники употребляют мясо этого травоядного животного в пищу — иногда вареным, а иногда приготавливая из него своеобразное блюдо — *боодог* (мясо в шкуре убитого животного).

С убитого зверька снимают шкуру чулком, частично с мясом, вынимают и выбрасывают внутренности, а затем кости вместе с кусками мяса и диким луком в определенном порядке укладывают в шкуру вперемишку с предварительно раскаленной на огне галькой. Галька подбирается специально у реки или ручья, она должна быть из мелкокристаллической породы и хорошо окатана, чтобы не рассыпаться от перемены температуры. Гальку сначала плотно забивают в нижние конечности, потом заполняют середину и, наконец, передние лапы. Тушка от жары раздувается, из нее начинает вылезать шерсть. Шерсть выщипывают руками, затем начисто отскабливают кожу ножом и очищенную тушку поджаривают над огнем, пока она не подрумянится равномерно со всех сторон. Примерно через 30—40 минут боодог готов, кожица образует румяную корочку. Тогда тушку разрезают с брюшка, в отверстие вливают кружку воды, вынимают камни, выливают в чашу образовавшийся крепкий бульон и режут ножом на куски. Боодог из сурка обязательно запивают холодной ключевой водой. Иногда для приготовления боодога берут козу. Такой боодог нельзя запивать холодной водой, только горячим чаем. Из овцы боодог не делают, поскольку ее шкура слишком тонка и рвется при варке мяса.

Из растений кроме дикого лука монголы употребляли в

пищу дикий тмин, ревень, корни сараны, семена сульхира. Стебли ревеня ели печеными, сдабривая пенками; корни сараны также запекали. Ревенем можно было заквашивать и другие продукты. На зиму собирали головки дикого лука и сушили, а зеленые стебли, нарезав, засаливали. Соль (*давс*) в Восточной Монголии бралась из соляных озер (ее выпаривали на солнце). В целом же растительная пища в жизни кочевого населения имела меньшее значение, чем у земледельческих народов.

Растительная пища (в частности, дикорастущие культуры) была тем не менее известна в Центральной Азии с глубокой древности⁵. Мучные блюда у монголов не отличались таким большим разнообразием, как у оседлых, земледельческих народов. Но они употребляли дикорастущие злаки, из зерен которых мололи муку. Первоначально муку приготавливали, растирая зерна на зернотерках (их находки часты на территории МНР), а позднее размалывая на ручных мельницах (*дэгэргэ*) или в ступах. (Эти предметы также часто встречаются в составе археологических материалов, имеются в экспозициях музеев МНР, в археологической лаборатории Института истории АН МНР.) Наиболее древним, восходящим, очевидно, к неолитическому периоду, является способ заготовки муки (*гулир*) впрок. Муку просушивали, прожаривали в котле до розового цвета, а затем, остудив, ссыпали в мешочек, где она и хранилась. Ее употребляли, либо разводя в чашке с горячей водой, либо перемешивая с маслом.

Глава 3

ОДЕЖДА И ЕЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Одежда на протяжении многих веков объединяла людей одной этнической общности, противопоставляя их всем остальным. Как любое явление бытовой культуры, такое противопоставление играло существенную роль в сохранении и упрочении этнического самосознания [Поршнева, 1974, с. 4]. Одежда, как паспорт, указывала на этническую, половую, возрастную принадлежность и была символом, отмечавшим социальное положение человека [Гаген-Торн, 1933, с. 122].

Одежду монголов различных групп описывали неоднократно [Викторова, 1977; Вяткина, 1960; Георги, 1784; Кочешков, 1973; Майский, 1921; Монгольский народный костюм, 1967; Позднеев, 1896; Потанин, 1893; Рона-Таш, 1964; Badamkhatan, 1959; Hansen, 1950]. Однако ведущие признаки, которыми определяется сходство или отличие монгольской традиционной одежды от одежды других кочевых народов Азии, почти не привлекали

внимания исследователей. К таким признакам относятся система кроя и соотношение отдельных частей одежды между собой. Именно они создали неповторимый облик монгольского народного костюма.

Стиль традиционного костюма монголов определяется его силуэтом, который, как и у любого костюма, создается соотношением линии плеча и формы рукавов с длиной талии, а также с формой и длиной юбки (а у мужчин — брюк) [Киреева, 1970, с. 6].

Монгольская одежда отражает эстетические идеалы, которые складывались в зависимости от конкретно-исторических причин. В разные периоды истории под влиянием политической или религиозной ситуации монгольская одежда воспринимала отдельные детали или даже целые комплекты костюма у соседних народов. К таким напластованиям относятся некоторые элементы одежды монгольского ламаистского духовенства, светских феодалов и чиновников, а в послереволюционный период — универсальная одежда так называемого городского типа: брюки, куртки, пиджаки, юбки, платья и т. п.

Вместе с заимствованными элементами сохраняется традиционный костюм. Он приспособлен к выполнению основной утилитарной функции: прост, целесообразен, прекрасно защищает тело от резких колебаний температуры, ветров и насекомых, которых всегда много возле скота на пастбищах. Монгольский костюм четко отражает и национальный эстетический идеал, народное представление о красоте.

У монголов и их предков костюм всегда был внешней формой выражения этнического сознания, стойким этническим определителем, отличавшим «своих» от «чужих», соплеменников от иноплеменников, сородичей от чужеродцев. Система кроя, пропорции и манера ношения одежды, характер отделки, выбор материала, цвет, украшения придавали каждой этнической и даже родовой группе своеобразие и неповторимость, выделяя ее среди других.

Важную роль играли материал и техника изготовления, менявшиеся в зависимости от уровня развития производства, от характера монгольского общества.

Наиболее древними по происхождению были одежды из шкур диких, а впоследствии и домашних животных, которые предки монголов обрабатывали способом, сохранившимся и в настоящее время. Кожу тщательно очищали от жира, намазывали несколько раз кислым молоком, затем высушивали и разминали простейшей кожмялкой (*хидэргэ*).

Овчина как простой и наиболее доступный материал для шитья одежды употребляется и в настоящее время. Наиболее распространены различные сорта овечьего меха (овчина, мерлушка, каракуль) для шитья зимней мужской, женской и детской одежды. Употребляются козьи, жеребьячи, лисьи и другие

шкур для шитья и отделки одежды и головных уборов, предназначенных на холодное время года, а в более теплое — кожа и замша, обработанные очень искусно и подвеченные или окрашенные естественными красками¹.

Далекие предки монголов были знакомы и с тканями из шелка и шерсти. Их привозили из Китая и Передней Азии [Umemura, 1960].

Основной одеждой монголов является халат без плечевого шва. Силуэт его создается соотношением ширины подола к ширине плеча (3 : 1), длины по оси симметрии к ширине подола (4 : 3), длины поперечной оси симметрии к продольной (2 : 3), ширины рукава к длине (1 : 3).

Система выкройки монгольского халата из ткани очень проста, экономна и целесообразна. Покрой народной традиционной одежды отличается продуманностью и отсутствием лишних деталей. При выкраивании халата практически не остается лишних лоскутков. Ткань складывают в три слоя по всей длине изделия, строго выверяя рисунок по кромке — оси симметрии. Обе половины (правую и левую) спинки и передка кроют одинаково. Из третьего полотнища выкраивается дополнительная правая пола, а из остатка — надставки на рукава (если недостаточна ширина материала), подшивка борта, воротник, подворотничок, одна из сторон манжеты, подшивка подола. В отличие от европейской одежды подшивка подола в монгольской одежде всегда бывает подкройной. Также кроится и подкладка, но на нее расходуют меньше ткани. На один халат идет 4—5 м ткани обычной ширины.

Длина халата, как правило, бывает до щиколотки: таковы халаты у монголов, изображенные на многочисленных средневековых китайских и персидских рисунках, а также одежды каменных изваяний Монголии различных эпох. Мужская одежда у всех групп сходна между собой, отличается лишь деталями. Поверх халата князья и дворяне часто надевали широкую, застегивающуюся на груди кофту с длинными широкими рукавами (*курму*), заимствованную у маньчжуров. У князей и чиновников различных рангов были в употреблении широкие халаты китайского и маньчжурского образца с ткаными и вышитыми символическими орнаментами и изображениями, отражавшими положение, занимаемое тем или иным из них в социальной иерархии. Вообще, привилегией знати были одежды из шелка и парчи, тогда как простолудины летом носили одежду из хлопчатобумажных тканей.

Халат подпоясывали мягким матерчатым поясом (*бүс*) длиной 7—8 м, шириной 40 см. За пояс мужчины заправляли кисет для табака (*далин*). Далин обычно шили с подкладкой. Он имел вид вытянутого четырехугольника с разрезом в центре, украшенного по коротким сторонам парчовой нашивкой или вышивкой. Его носили за поясом, так, чтобы орнаментированные

части выступали наружу одна над другой. У мужчин была еще и трубка для курения, прибор для очистки гари из трубки в виде металлического крючка серповидной формы и другие мелочи.

Кроме описанных предметов на поясе носили и просто украшения в виде бархатной полоски с прикрепленной к ней орнаментированной бляшкой или более крупной бляхой из камня, а в дорогу брали с собой и деревянную небольшую флягу, обтянутую кожей, с деревянной пробкой.

Непременной принадлежностью традиционного монгольского мужского костюма для всех групп были также нож в ножнах, огниво и кремь. Кресало обычно имело форму сумочки, огниво носили на поясе прикрепленным к нему при помощи пуговицы (*товч*), пряжки (*бэли*) или тесемки (*осор*). Нож (*хутуг*) в железных ножнах (*гэрд*) и теперь носится на поясе с правой стороны [Викторова, 1969]. Ножны прикрепляют к поясу при помощи второй пряжки и тесемки.

Обычным и обязательным дополнением к мужской одежде была шапка.

В непогоду поверх халата надевали плащ (*цув*) из красного сукна с желтой каймой. По покрою он был одинаков с обычным халатом, но у него не было подкладки, сзади от талии почти до низа шел разрез, а передняя пола сверху доходила только до талии. *Цув* был удобен тем, что всадник верхом на лошади, подвернув полы плаща, был хорошо укрыт от дождя и ветра. Плащ обычно носили с капюшоном, который кроили из двух кусков того же сукна. Он имел четырехугольную форму, причем один угол слегка закруглялся на затылке. К передним концам капюшона пришивали тесемки. Сам капюшон к плащу не прикрепляли, а надевали так, чтобы его нижняя часть закрывала воротник. Капюшон обшивали таким же кантом, как и плащ. Изображение головного убора этого типа встречается на средневековых каменных изваяниях Монголии.

Нижняя одежда мужчины состоит из штанов (*өмд*) и рубашки (*цамц*), сшитых из светлой гладкой ткани, обычно из хлопчатобумажной. Прототипом штанов из материи являются штаны из обработанной шкуры. Принцип кроя был простейший: мягкая, хорошо обработанная шкура барана окладывалась в длину пополам, причем гиб приходился на шаговую часть; по линии боковых швов шкура слегка подкраивалась, внизу штанины удлинялись надставками, на талии стягивались ремешком, который был продернут в пришитый по краю пояс. Нижняя одежда женщин была почти такая же, как и мужская. Для холодного времени года штаны шили из овчины, мехом наружу. Бывают штаны и из других сортов меха, а также стеганые, ватные. Их покрой различен, могут быть штаны со швами по бокам, со швами посередине мотни (внутри — по линии шага или с ластовицами в шагу). Несомненно, наиболее ранними по по-

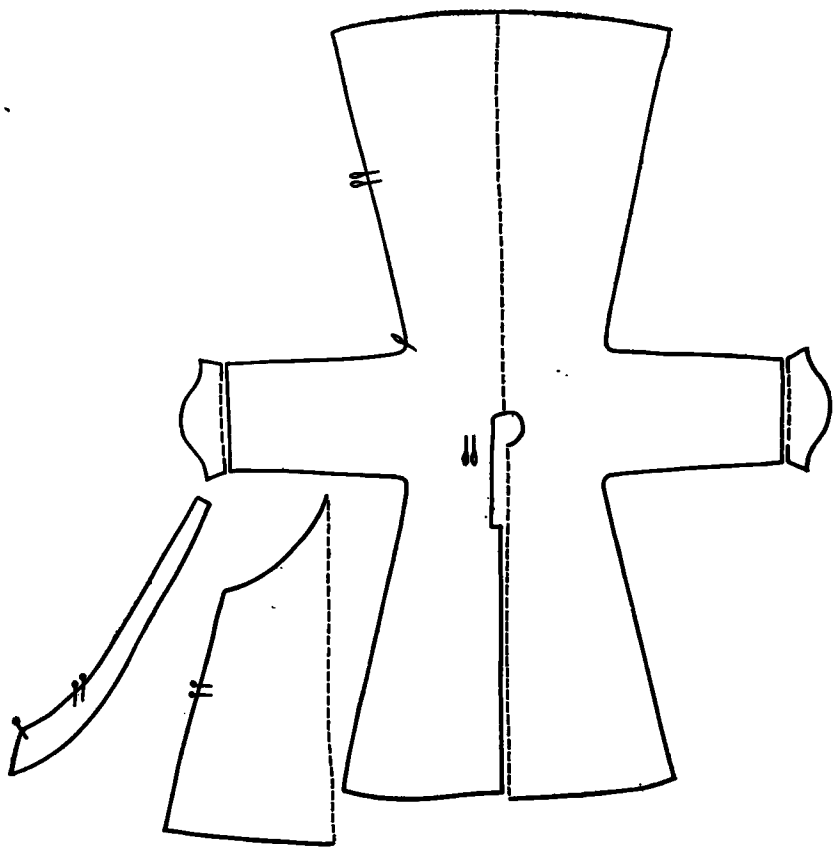

Рис. 1. Схема покроя современного халата лам

крою были штаны из сложенной пополам, предварительно очищенной и выделанной звериной шкуры.

Традиционные черты монгольской одежды сохранились в одеянии монгольских лам (рис. 1). Одежда лам была установлена их первосвященником, потомком Золотого рода Чингизидов, Ундэр-гегеном Занибазаром в XVII в. Основа ее покроя та же, что и остального населения. Она отличается лишь некоторыми деталями, а также цветом. Ламы обязаны носить желтые или красные халаты различных оттенков — от розового и светло-желтого до кирпичного или бордового.

Одежда лам имеет своеобразную форму воротника и выреза ворота. Ворот не образует выступа (*энгэр*), а вырезан от шеи до подмышки по плавной, закругленной внизу линии. Внутренний борт от ворота книзу вырезан по прямой почти до талии.

и образует прямоугольный вырез, в который вшивают воротник. Рукава заканчиваются обшлагами в виде лошадиного копыта (*нудрага*). Отвороты на обшлагах, как правило, летом из грубого шелка (*торго*) или бархата (*хивс*), а зимой — из черного бархата или меховые. Поверх халата накинута полоса материи длиной в три объема бедер, а шириной в расстояние от подмышек до щиколотки (*орхимжи*). Орхимжи должна быть накинута и задрапирована по определенным правилам. На ногах — монгольские сапоги с широкими подошвами и загнутыми вверх носками (*гутал*).

Во время службы в храме поверх обычного одеяния ламы надевают еще одну накидку, красного или желтого цвета, на подкладке, с воротником (*номын хувцас*). Голову ламы украшают различные шапки, в зависимости от ранга, духовного звания и должности, занимаемой ламой.

Описанные элементы одежды лам сочетают в себе традиционную основу древней народной одежды со специфическими для буддистов всего мира особенностями — накидками и плащом-орхимжи, головными уборами лам разных степеней посвящения, различного цвета лентами, в зависимости от обязанностей во время исполнения служб в храме, и т. д.

Элементы одежды монголов складывались на протяжении веков. Корни их уходят в далекое прошлое, о чем свидетельствуют данные письменных источников.

Общий тип одежды и ее отдельные детали могут быть сопоставимы со сведениями китайского путешественника Пэн Дая, который в 1233 г. так описывал одежду монголов: «У их верхнего платья пола запахивается направо, а борт квадратный. Раньше оно шилось из грубого сукна и кожи, а теперь — из полотна, шелка. Цвет выбирается красный, фиолетовый, пурпурный и зеленый. Рисунки на тканях — изображения солнца, луны, дракона и феникса. И это без различий между благородными и подлыми». Очень важное дополнение и пояснение к сообщению Пэн Дая сделано Сюй Тинем: «Борт назван квадратным, потому что он по виду как четырехугольник. Что касается воротничка, то китайцы на своих халатах делают такой же. Татарский правитель, а также чжуншу лин² и другие люди из высшего круга не носят таких халатов. На указанном платье по поясу сделано бесчисленное множество мелких складок... Кроме того, татары скручивают полоску красного или фиолетового шелка и перевязывают платье поперек по талии. Эту полоску шелка называют поясом. Вероятно, они хотят, чтобы у них при езде верхом пояс был туго обтянут, ярко выделялся и выглядел красиво». Он отмечает и некоторые черты сходства одежды монголов того времени с китайской. «Я, Сюй Тин, в свое время также изучал их верхнее платье (черных татар. — *Пер.*). Оно сшито точно как по образцу древнего шанъи. Один только борт как у верхнего платья даосского монаха в нашем

государстве» [Линь Кюн-и и Мункуев, 1960, с. 140]. В комментарии поясняется, что в древнем Китае шан-ти назывался широкий парадный халат, сшитый из 12 полос. Его описание и рисунок помещены в толковом словаре «Цзыюань» [Вайнштейн, Крюков, 1966, с. 184].

Собщения китайских авторов особенно важны, так как подчас считают, что энгэр (передние борта одежды) и стоячий воротничок были заимствованы монголами от маньчжуров не ранее XVII в. Но оказывается, что обе эти детали, встречающиеся и в современной монгольской одежде, были присущи ей еще в XIII в. Тогда же наметилась и другая характерная особенность: монголы в XIII в. носили, как и сейчас, мягкий матерчатый пояс, плотно обернутый вокруг талии. Такой пояс служил как бы мягким корсетом, облегчающим длительные переезды в жестком монгольском седле и позволяющим сохранять осанку.

Многие особенности костюма и прически описываются европейскими путешественниками, например В. Рубруком: «Об одеяниях и платье их знайте, что из Китая и других восточных стран, а также из Персии и других южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом. И зимою они всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, и другую, волос которой находится наружу, к ветру и снегам. Эти шубы по большей части сшиты из шкур волчьих и лисьих или из шкур павианов. Пока татары сидят в доме, они носят другую шубу... более нежную. Бедные готовят верхние шубы из шкур... Они устраивают также шаровары из кож. Богатые подшивают себе платье шелковыми хлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бедные подшивают платье плотной хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой» [Путешествие..., 1957, с. 76].

Наконец, в «Сокровенном сказании» и других монгольских летописях неоднократно упоминаются народная монгольская одежда и головные уборы, причем для многих частей одежды употребляются те же термины, что и в настоящее время [Козин, 1941, § 33, 106, 112, 117]. В «Алтан тобчи», например, говорится, что Оэлун-эхэ после смерти Есугэй-багатура, отца Чингисхана, «надевала *бокто*» и «подпоясывалась» [Шастина, 1973, с. 72, 318—319]. Бокто, шапка замужней женщины, описанная под названием «*бокка*» европейскими путешественниками XIII в., неоднократно изображается на рисунках [Окладников, 1962, с. 70, рис. 19]³.

Много материалов о протомонгольских корнях современной одежды монголов дает изучение одежды ряда древних народов, предшественников монголов. Так, прямые аналогии монгольскому халату имеются и в одежде киданей (рис. 2), о которой можно судить по фрескам, открытым Р. Торин при рас-

Рис. 2. Кидани

копках киданьского мавзолея в Маньчжурii, и по рисункам китайских художников [Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949, с. 229; Torii, 1936]. Это одежда типа монгольского халата с неширокой проймой, небольшим припуском (для свободного облегания), нешироким рукавом, она строго симметричного покроя по поперечной и продольной осям симметрии, с обязательным швом по продольной оси, с пришивным правым (верхним) полотнищем, наглухо застегивающимся под рукой и на правом боку, с вырезом ворота строго по шее.

Эта одежда подразделяется на два вида — с энгэром и без него. Во втором случае при сохранении в целом описанной выше системы кроя правая верхняя пола от оси симметрии скашивается к правой подмышке. По внешней поле, вороту и правой внутренней поле пришивается длинная, чуть скругленная полоса воротника, образующая как бы шалевый воротник (рис. 3, 4). Такого покроя одежда была изучена мною в Восточном аймаке на каменном изваянии у Шонх-Тавын-Тологой (в 10 км к западу от р. Халхин-Гол), в Матад-сумуне и у аэропорта близ г. Ундэр-хана. Киданьский халат с энгэром отличается от описанного выше только деталями верхнего края борта и воротника. При его крое правое верхнее пришивное полотнище первоначально выкраивалось по длине от плеча до подола, затем по шее вырезали ворот, а скос верхней части борта делали прямо от линии ворота (на высоте плеча) и до подмышки. Энгэр получался высоким и остроугольным, с одной пуговицей. Воротник выкраивался из прямой полосы строго по линии ворота, его длина была равна объему шеи. Воротник был стоя-

Рис. 3. Изваяние из мрамора
из Шонх-Тавын-Тологой

чим, высота его не превышала ширины ладони, его края сходились спереди. К правому верхнему борту он не пришивался. Этого покроя халаты⁴ изображены не только на фресках киданьского времени (XI в.), но и на портрете сановника монгольских ханов Елюй Чуцая [Пэрлээ, 1959].

Киданьская одежда, встречающаяся на фресках мавзолея Синцзуна, как и современная монгольская, поражает гармоничностью линий, простотой и строгостью отделки, однотонностью и отсутствием лишних деталей. Пропорции одежды такие же, как и в современной монгольской, но некоторая округлость линий, тяжесть и выпуклость складок указывают на то, что изображенные на фресках одеты в подбитые ватой халаты. Цвет халатов — разные оттенки коричневатожелтого, пояса матерчатые, красные. Это сочетание цветов и сейчас остается одним из

самых распространенных в Монголии.

Одежда киданей, в свою очередь, восходит к формам, бытовавшим у еще более древних протомонгольских племен — южных шивэев, о которых упоминается в «Истории династии Суй»: «Одеяние одинаково с киданьским» [Кюнер, 1953] и унаследовано от их общих предков — сяньбийцев и ухуаньцев. Последние восприняли традиционный тип одежды от своих этнических предшественников — дунхусцев. О них в китайских источниках упоминают начиная с I тысячелетия до н. э., а в IV в. до н. э. правитель царства Чжао повелел своим подданным носить дунхускую одежду [Бичурин, 1950, т. 1, с. 45]. Очевидно, заимствованием некоторых элементов костюма можно объяснить отдельные общие черты в одежде монгольских кочевников и их южных соседей.

В китайских источниках нет описания одежды дунхусцев, но есть краткие описания одежды сяньбийцев и их потомков, переселившихся в IV в. н. э. в район оз. Кукунор, — тогонов, а также ухуаньцев. Об ухуаньцах и их предках сообщается, что одежду они шили из шкур животных, из шерстяных и шелко-

вых тканей. Ухуаньские женщины славились как искусные вышивальщицы, умевшие также пряхать и ткать. Особой пышностью отличался свадебный женский головной убор ухуаньцев, который украшался золотом и лазоревым камнем (или нефритом), жемчужными подвесками [Кюнер, 1961, с. 132]. Этот головной убор качался при ходьбе, так как был высок⁵. Мостэр отождествляет головной убор ухуаньских женщин (*гугу*) с монгольским бокка (бокто), хорошо известным по описаниям и изображениям XIII в. [Мостэр, 1934].

Мужчины и девушки ухуаньцев брили волосы. Девушки к замужеству их отпускали и заплетали в две косы (как это было издавна принято и у монгольских женщин).

Европейские путешественники отмечают, что в XIII в. заплетали волосы в косы, завязывая их за ушами, и мужчины-монголы. Изображение сына Чингисхана, императора Угэдэя (1229—1241), дает представление о причёске монгола в XIII в. [Путешествие..., 1957, с. 32—33]. На обследованных мною в 1969 г. изваяниях из сероватого мрамора в Халхин-Гол-сумуне (рис. 3) и из гранита в Матад-сумуне также отчетливо видны детали причёски и головного убора. Такие изваяния могут быть датированы XIII—XIV вв. Они дают наглядное представление о том, как делалась монгольская мужская причёска в то время. Волосы заплетались в две косы за ушами. Начинали их плести довольно высоко. Затем каждую косу складывали вдвое, подгибая конец внутрь, туго подвязывали у самого основания плетения. На голову надевали шляпу с небольшими полями,

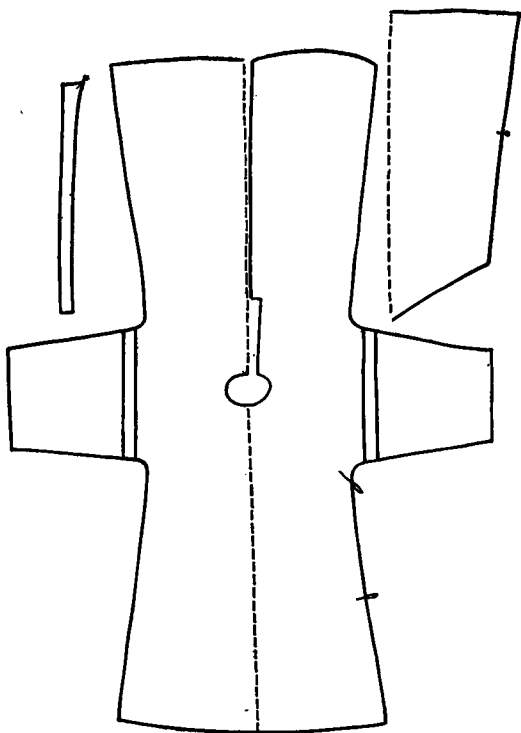

Рис. 4. Схема покроя халата монгольской знати XIII—XIV вв. и киданей

чуть опущенными книзу, и круглой тульей. Сзади, к макушке на шляпе, прикреплялись полоски шелка (*бүчи*), которые свисали на спину. Коса, заплетенная и уложенная особым образом, была отличительным признаком принадлежности к монголам и показателем высокого положения в социальной иерархии. Так, в «Сокровенном сказании» отмечается: «Волосы были заплетены в косы, как у благородных людей». Тюрки, судя по каменным изваяниям, также носили косы. Их перекидывали на спину, связывая у концов. Но кидани, как они изображены на фресках XI в., волосы в косы не заплетали.

Аналогии отдельным элементам монгольской одежды, головного убора и прически есть у маньчжуров, гяляков, ороков, орочей, китайцев, тибетцев. Широкое распространение такого типа одежды вряд ли может быть объяснено только случайностью. Как было показано на примере дунхусцев, здесь большую роль сыграли древние культурные связи народов Центральной Азии.

Известно, что древние и современные народы Центральной Азии по покрою переда и запахиванию одежды четко разграничиваются на тюрков с левосторонним запахом и монголов с правосторонним. К группе монголов относятся в этом плане также барга, маньчжуры, орочи, ороки, нанайцы, различные тунгусо-маньчжурские народы Северо-Восточного Китая, кидани, тогоны и их предки⁶.

Древнетюркская одежда по сравнению с одеждой киданей, шивзев и монголов (т. е. дунхуско-сяньбийской) была как бы ее зеркальным отражением по манере ношения: ее запахивали на левую сторону, верхний борт, верхняя пола были левыми. Это отчетливо видно на фигурах из Кошо-цайдама, а также на древнетюркском изваянии в Халхин-Гол-сумуне. Это изваяние из розоватого, потемневшего и сильно покрытого патиной гранита изображает фигуру, сидящую в кресле с круглой спинкой (форма кресла характерна для многих названий Восточной Монголии), на спине — две косы, связанные концами, пола запахнута налево, на боку — круглый мешочек для мелочей — *каптаргак*, пояс наборный, видны сапожки, они округлые, мягко облегают ступню, толстой подошвы нет.

Указанный тип одежды восходит к одежде хуннов, классический пример которой представлен в хуннском могильнике Ноин-Ула (рис. 5, 6). Ее отличия от монгольской заключаются в том, что она имеет иные пропорции и покрой. Одежда из Ноин-Ула — распашная, без плечевого шва, свободного покроя, расширяющаяся книзу за счет боковых клиньев, что создает немного расклешенный, с фалдами по подолу силуэт. Дополнительная пришивная пола отсутствует, верхняя одежда запахивается на левую сторону за счет свободы облегания. Ширина по линии груди равна $\frac{2}{3}$ длины, т. е. дает очень большую свободу облегания. Рукав прямой, у кисти почти не суживается,

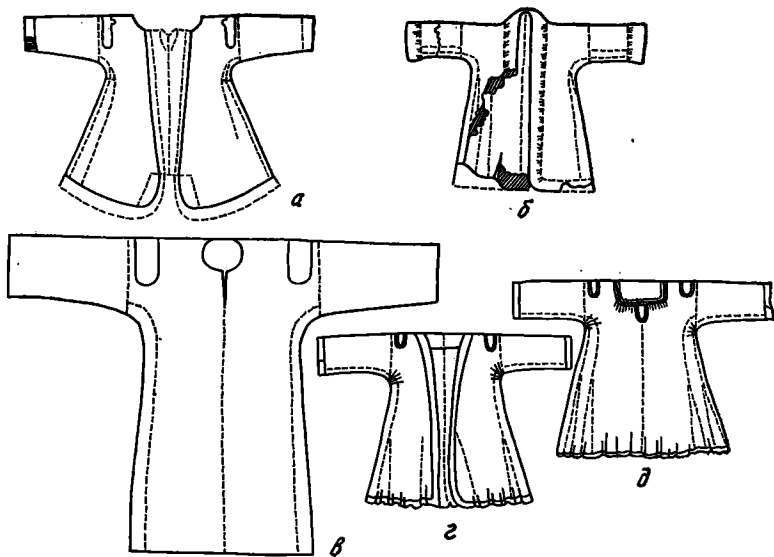

Рис. 5. Одежда хуннов (Ноин-Ула):

а, б — верхние халаты; в — рубашка; г — халат; вид спереди; д — спинка

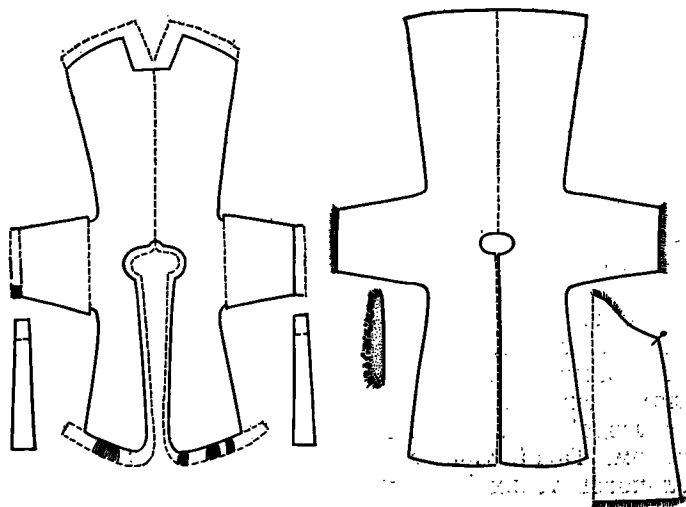

Рис. 6. Тюркско-хуннский тип одежды

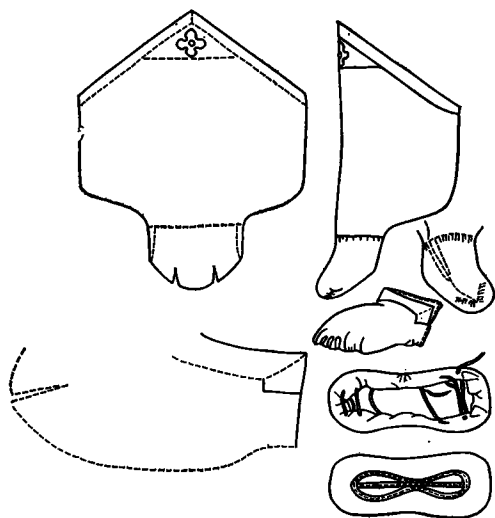

Рис. 7. Тюркско-хуннский тип обуви и ее отдельные детали

на плечах — нашивки четырехугольной формы из меха. Мехом оторочены подол, борта и ворот. По пропорциям и системе кроя она схожа с одеждой древних и современных среднеазиатских народов (узбеков, казахов, киргизов) [Бернштам, 1940, с. 22—23]. Штаны в виде шаровар, стянутые внизу на сборку и обшитые затем тонкой круглой манжетой, длиной ниже колена. Поверх них на ноги надевали ноговицы [Руденко, 1960, с. 40], которые прикреплялись спереди к поясу. Они были в

верхней части широкими, образуя мешок, а внизу, сзади, немного выше щиколотки, резко суживались. К низу ноговицы пришивалась мягкая войлочная галошка с коротким голенищем. Она мягко облежала ступню; союзки были выкроены из одного куска с подошвой (как носок), а шов шел сзади по пятке к подошве почти до пальцев. Носок находил спереди на подошву, его присбаривали и сшивали с подошвой. Поверх ноговиц надевалась войлочная обувь, покрытая вышитой кожей, скроенная одинаково с галошкой (рис. 7).

Сзади, вверху галошки, оставляли небольшой разрез, а к краям его пришивали тесемки. Их завязывали вокруг щиколотки [Руденко, 1960, рис. 32—35, табл. XII; табл. XIV, XV]. Однако в одежде тюрков и монголов есть и общие черты: плечевая, распашная одежда, которая восходит к накидке из шкуры животного. Эта типологическая общность одежды народов Центральной Азии имеет межэтнический характер и объясняется общностью экологических условий. Центральноазиатский тип одежды сложился самостоятельно, независимо от типа одежды более северных народов, связанных с таежной зоной Сибири. Палеолитические статуэтки из соседних районов Сибири изображают людей в глухой меховой одежде типа комбинезона с капюшоном. Такой тип одежды не имеет аналогий в одежде центральноазиатских кочевников и, видимо, несвойствен их предкам, хотя уже в палеолитический период обитатели Монголии шили одежду из шкур. Об этом говорит большое количество найденных проколов, шильев, использовавшихся для шитья

шкур [Дорж, 1969; Окладников, 1973]. В период палеолита, видимо, можно было обходиться без особо теплой одежды, так как климат был более мягким. Об этом говорят и пещерные росписи палеолитического времени из Хойт-Цэнхэрийн-Агуй, в Манхан-сумуне Кобдоского аймака, на которых изображены теплолюбивые животные (слон, страус и др.) [Дорж, 1973, с. 173—174; Окладников, 1972; Poucha, 1957, с. 189—191].

Для раскрытия древних истоков современной одежды и установления генетических связей монголов с их предками остается рассмотреть еще два вида костюмов — шаманский и борцовский.

Еще в начале XX в. в Монголии было распространено шаманство [Владимирцов, 1927; Вяткина, 1969]. Шаманы (*бөө*) и шаманки (*удган*) на время камлания надевали специальную одежду и головной убор (МАЭ, колл. № 6322). Основой шаманского костюма различных этнографических групп Монголии был традиционный халат [Викторова, 1969, № 843]. К нему пришивали круги и треугольники, металлические предметы в виде колец с подвесками, полосы ткани и т. п.

Б. Я. Владимирцов, посетивший Восточную Монголию в 1925 г., кратко описал костюм халхаского шамана [Владимирцов, 1927, с. 25—27]. Перед камланием шаман надевал короткую безрукавку-накидку, которая покрывала часть спины, грудь и плечи, а спереди завязывалась шнуром (*сахидэнэ хувцас* — одеяние гения-хранителя). На безрукавке были нашиты узоры из темной материи, по краям пришиты полосы ткани — *могой* (змеи), *бүчи* (ленты), а также *хонхо* (бубенцы или колокольчики). На голову шаман надевал *оргоябчи* (*оргой*) — колпак из материи, к которому при помощи бронзовых пряжек прикреплялись два пера черного орла (*тас шову*): *одо* (перо крыла) и *оргулто* (перо из хвоста). К колпаку пришивалось несколько бронзовых бубенцов, а сзади свешивались шелковые ленты, жгуты, полосы материи — *могой* (змеи) или *хорхой* (черви). На лицо шамана ниспадали висюльки из крученых шелковых ниток в виде забрала, черного цвета, которые называются *залаа* (кисть) или *мендас* (шелковинки). Шлемы некоторых шаманов спереди имели пять маленьких черепов.

Для костюма женщины-шаманки (имеющего большое сходство с костюмом мужчины-шамана) характерно наличие нашитых на шапке или одежде раковин каури⁷.

Непременным дополнением к шаманской экипировке были бубен (*хэнгэрэк*) и било (*табуур*) [Владимирцов, 1927, с. 26; Вяткина, 1969а].

Костюмы и аксессуары шаманов разных этнических групп различались между собой знаками-символами, отдельными деталями, которым приписывалось магическое значение и которые передавались из поколения в поколение. Такими символами служили пучки перьев, нашиваемые на плечи дархатского ша-

манского костюма, металлические железные моделики рук на хамнеганском шаманском костюме и т. п. На шаманские костюмы нашивали большое количество полосок ткани, кожи. По форме они напоминают полоски ткани, которые привязывают на *утаган модон* (или *утуган модон*) — шаманское дерево или при помощи палок водружают на вершине обо (кучи камней, которые служат жертвенными местами духам — хозяевам данной местности). Таким образом, можно говорить не только о том, что с этими предметами связана древняя и сложная символика, но и о том, что они имеют одинаковое функциональное значение.

Интересен и борцовский костюм монголов. С возникшими в глубокой древности представлениями о противоборстве сил связан один из любимых видов спортивных состязаний — состязание борцов (*бөх барилдах*). Его первоначальный смысл давно забыт и теперь превратился в соревнования на надоме. Борьба проводится по определенным правилам, имеющим многовековую традицию [Ням-Осор, 1964]. Борцы и их секунданты обычно одеты в костюмы установленной формы. Под халат, на голое тело, борцы надевают специальный борцовский костюм. Борцовский костюм (*зодог шуудаг*) состоит из кофточки на подкладке (*зодог*), которая закрывает руки, верхнюю часть спины и плечи, оставляя открытой грудь, и натазников (*шуудаг*), также на подкладке, типа уже описанных штанов из овчины. Куртка кроится из двух кусков ткани. Плечевого шва у куртки нет, есть только шов на спине, по продольной линии. Натазники по бокам бедер скрепляются шнурами, которые продернуты внизу вокруг ног и наверху по поясу. Они закрывают только бедра, оставляя открытыми талию и живот.

Обязательным дополнением к борцовскому костюму служат шапка (*малгай*), а также сапоги (*гутал*) и войлочные чулки (*оймс*) с нарядно расшитой каймой, на ладонь высовывающиеся поверх сапог. После исполнения ритуального танца, предшествующего борьбе, где борцы подражают движениям парящего орла, шапка снимается и на время борьбы отдается секундантам. После окончания борьбы шапку надевают.

Древнейшие костюмы борцов также восходят к одежде из шкур животных, о чем не раз встречаются упоминания в эпосе монгольских народов и в исторических повествованиях. Например, о борьбе хана Харангуя с богатырем Хатан Цэнгэлем сказано: «Надели они куртки, сшитые из верблюжьих шкур, и штаны, сшитые из шкур изюбра...» [Санжеев, 1937, с. 68].

Еще более красочное описание содержится в эпосе о Дайни-Кюрюль, о борьбе героя с его противником: «Дайни-Кюрюль обнажил совсем свое крепкое тело и надел на толстые белые ляжки красные, как сырое мясо, шаровары, сделанные из отборных хребтов тьмы быков. Натянул он их так, что не мог бы пролезть нос толстого комара. Гашник, сплетенный из разно-

цветного шелка, застегнул он сиво-серебряным шарниром, завязал как раз посередине ловко-преловко узлом, который в этом веке не распустится и под конец потом не развяжется. Сложил он вдвое извивающуюся черную косу величиной с кладеного верблюда вместе с семьюдесятью косичками и закрепил шуршащей светло-желтой повязкой и собрал в пук, точно светло-желтое обо, которому приносят жертву, в пук, которому подивится проезжий человек, которого не развязать ленивому. Снял он затем зеркально-жемчужные серьги величиной с голову верблюжонка.

В то же время тот светло-желтый богатырь обнажил совсем свое крепкое тело и надел на толстые белые ляжки шаровары цвета синего железа, натянув так, что толстый комар не мог бы просунуть носа. Застегнул он узорчатой серебряной пряжкой гашник цвета синего железа, точно шея трехлетнего бычка, и завязал узлом, который в этой жизни не распустится и под конец не развяжется. А светло-желтые свои косички подобрал он над ушами и завязал в пучок, точно крылья ласточки.

После этого пошли они прыгать, как дрофы, красоваться, как журавли, перегибаться, как полевые деревца, колыхаться, как узорчатые цветы...» [Владимирцов, 1923, с. 136].

В халхаском эпосе о хане Харангуе и западномонгольском о Дайни-Кюрюль показаны различия в борцовских костюмах западных и восточных племен Монголии, сложившихся еще в глубокой древности. Известно, что у многих тюркских народов и у некоторых монголов КНР борцы выступают без курток, только в штанах. Очень точно даны описания материала, из которого шили костюм (шкуры диких животных), и некоторые особенности мужской прически (косы, заплетенные и подвязанные за ушами), характерной для предков монголов в древности и раннем средневековье. Указание же на цвет волос подтверждает сведения письменных источников о древнем населении с более светлой пигментацией волос, чем в настоящее время, проживавшем в Центральной Азии.

Покрой восточномонгольской борцовой куртки почти абсолютно точно воспроизводит силуэт орла с распростертыми крыльями. Борец перед началом схватки исполняет и танец, подражая парящему орлу. По-видимому, как и перья орла на шаманском колпаке, все это реликты древних тотемических представлений. Об этих представлениях свидетельствуют и наскальные рисунки эпохи бронзы (Восточная Монголия), где изображены оградки с парящими над ними, как бы охраняющими их орлами [Дорж, 1973, с. 174]. К борцовскому костюму обязательно полагается надевать обувь. Обувь монгольских народов имеет ряд типичных черт и общую для всех групп схему покроя и изготовления (рис. 8). Отличия по этнографическим группам сводятся к деталям фасона и отделки, таким, как форма носка и подошвы, количество кантов, наличие или

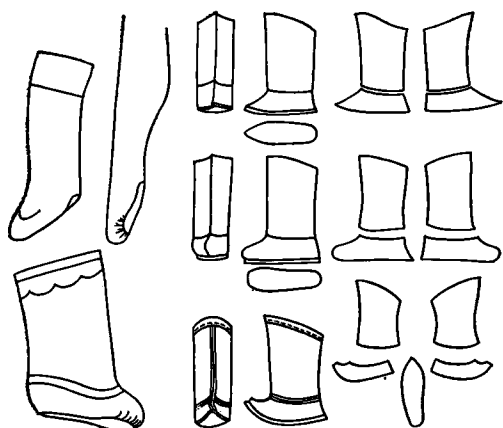

Рис. 8. Монгольский тип сапог и детали их покроя

дов КНР. Конструктивные особенности монгольских сапог, показывающие, что они восходят к самобытным прототипам, таковы: союзки и голенища монгольского сапога кроят из двух симметричных половин. Голенище закрывает всю голень, и его ширина одинакова в верхней и нижней частях. Союзки жесткие, наглухо пришиты к голенищу. Ноговицы отсутствуют. Подошва толстая, негнушаяся, с войлочной прокладкой, жесткий носок загнут вверх. Подошва нашивается на союзку с рантом, сборок на союзке нет.

Монгольские сапоги очень сходны с сапогами тибетцев, бурят. При разнице в некоторых деталях отделки, отражающих особенности этнической среды или социальной иерархии, они в основе имеют общий тип, сложившийся, видимо, в эпоху, когда появились седла со стременами (первоначально деревянными или ремennыми). Деревянные стремена у некоторых групп монголов сохранялись и в XIX в. (МАЭ, колл. № 328).

Вся конструкция монгольских сапог приспособлена для езды в жестком седле при быстрой скачке, стоя в упоре на стремяни, т. е. для определенной, выработанной веками посадки: они исключительно прочны, устойчивы, опорны. Стремя обычно тяжелое, с массивной округлой нижней частью, так что сапог без шпор устойчиво покоится в стремяни (а всадник — в седле, высоком и жестком) и защищает ногу от удара о тяжелое стремя. Сапоги этого типа видны на рисунках с изображением монголов XIII в. и киданей [Wittfogel and Feng Hsia-sheng, 1949, рис. 3] (X—XI вв.), а также на каменных изваяниях монгольского времени из Восточной и Центральной Монголии [Викторова, 1969; Казакевич, 1930, табл. 1, XI].

Сапоги определенного вида были принадлежностью военного

отсутствие орнамента, цветовая гамма, способ прошива подошвы и т. п. [Викторова, 1969, № 841, 845]. Мужская и женская обувь различается размерами, орнаментом, отделкой.

Монгольские сапоги отличаются от тюркских, исходной формой которых был описанный вид хунно-тюркской обуви. Варианты хуннского типа обуви бытуют и теперь у некоторых тюркоязычных народов

костюма у киданей, монголов и их соседей — маньчжуров (ранее — чжурчжэней). Вместе с военным костюмом и снаряжением кочевников они были заимствованы и китайцами.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что наиболее древней по материалу и способу покроя является поясная и плечевая одежда из шкур диких (а затем домашних) животных, представленная меховыми натазниками борцовского костюма и сходными с ними по покрою, но более длинными штанами из овчины. Позднее для их изготовления стали применяться и ткани. На плечи, закрывая часть спины и грудь, натягивалась сложенная вдвое шкура. Позднее на смену ей пришла удлиненная и превратившаяся в рубашку цамц. Во время холодов надевался сшитый по тому же принципу, но из нескольких шкур, сложенных по линии плеч, длинный халат, служивший верхней одеждой. Все это были местные формы одежды, истоки которых восходят к палеолиту. Позже на этой основе создавались и многие другие виды одежды, описанные выше.

Монголы в процессе культурных контактов заимствовали от других народов некоторые из описанных выше типов одежды. Здесь особо следует остановиться на одном из них — на обрядовой одежде буддийского духовенства в Монголии. Это орхимжи, прототипом которой является греческий плащ — гиматий. Известно, что после походов Александра Македонского на Восток (вторая половина IV в. до н. э.) отдельные элементы эллинской культуры (в том числе и одежда) проникли в Переднюю и Среднюю Азию, Восточный Туркестан и Индию, а отсюда — вместе с буддизмом — в соседние области Центральной Азии. Влияние эллинской культуры можно увидеть в изображении божеств, найденных в развалинах тангутского города Харакото [Кочетова, 1947], в росписях из пещер Дуньхуана, в драпировке верхних одежд ламаистского духовенства Тибета. Из Тибета одежда лам в XVI в. проникла в Монголию вместе с учением основателя ламаизма Цзонхавы. Таким образом, гиматий, исчезнувший как одежда в самой Греции и известный там лишь по античным статуям, сохранился в качестве повседневной отличительной особенности одежды лам в глубинных районах Центральной Азии.

Орхимжи и гиматий имеют общий раскрой и размеры: ширина — свыше 1,5 м, длина — около 4 м. Орхимжи носят поверх халата. Он, как и гиматий, сделан из прямоугольного куска ткани, который драпируется вокруг торса, а конец его перекидывается на спину через одно плечо. Из Монголии орхимжи распространился на север (в Восточную Сибирь) и даже на запад, вплоть до междуречья Волги и Дона, что было связано с переселением в XVI—XVII вв. предков калмыков — ойратов.

Многие элементы монгольской одежды в ходе этнокультурных контактов были заимствованы соседними народами и проникли далеко на восток. Так, дунхуско-сяньбийско-киданьский

в основе тип халата стал присущ одежде маньчжуров, а через них и других народов Дальнего Востока. Для монгольской знати в более позднее время было характерным заимствование отдельных элементов одежды из Китая, в том числе от господствовавшей в период Цин маньчжуро-китайской администрации.

В целом же весь комплекс монгольской одежды отличается большой целостностью и устойчивостью и указывает на генетические связи в местной среде, которые прослеживаются до ранних этапов жизни человека в Центральной Азии. Традиционная одежда монголов формировалась как культурно-историческое явление, связанное в первую очередь с адаптацией многих поколений местного населения к окружающей природной среде.

Глава 4

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛИЩ

Для Монголии характерно как наличие городов и стабильных поселений, которые издавна играли роль административных, торговых, религиозных центров и пунктов, где развивалось земледелие, так и преобладание жилищ-юрт и сезонных стоянок [Вяткина, 1960; Щепетильников, 1960, с. 19—32; 60—68], присущих кочевникам. Процесс индустриализации, широко развернувшийся в МНР после второй мировой войны, коснулся городов и поселений, а также привел к модернизации жилищ, к появлению новых центров, строительство которых ведется по современным типовым проектам. В новые центры переместилась часть населения, ранее связанного либо со старыми административными и религиозными центрами (до революции в Монголии насчитывалось около 600 монастырей), либо с кочевым скотоводческим хозяйством. Эти формы культуры не рассматриваются, так как они не связаны с национальной традицией.

Города, которые выросли на базе старых, где еще до революции 1921 г. имелось оседлое население (Улан-Батор, Ундэр-Хан, Чойбалсан и др.), сохраняют многие традиционные черты, связанные с культурными традициями центральноазиатских племен. К ним в первую очередь относится планировка поселения. Судя по изображениям Урги (XVII в.) и Сан-бэйсэ (начало XX в.), традиционная планировка городов была прямоугольная, со строгой ориентацией сторон по странам света. Город четко делился на кварталы; улицы были проложены по направлению запад—восток и север—юг. Кварталы прямоугольные; административные, религиозные, жилые комплексы огорожены стенами из сырцового кирпича или каменной кладки (храмовые, дворцовые комплексы). [Щепетильников, 1960, с. 206] или глущ-

хими дощатыми заборами высотой почти в два человеческих роста.

Улицы, сохранившиеся в старых частях городов, узкие, шириной около 3 м, ограничены двумя высокими заборами. На улицах, которые тянутся с запада на восток, один ряд заборов, ориентированный на север, глухой, а второй, ориентированный на юг, имеет ворота. Улицы, расположенные в направлении север—юг, как правило, ворот не имеют¹.

Жилой комплекс, где обычно живет группа родственников, окружен прямоугольным забором с воротами, выходящими на юг. Внутри ограды расположены юрты (*гэр*) и хозяйственные постройки (обычно это небольшие деревянные сарайчики, похожие на увеличенные сундуки).

Принцип линейно-квартальной планировки характерен и для более ранних поселений. В 1967—1969 гг. были обследованы руины Цоржийн-Ламын-Сумэ (Матад-сумун) XVIII в., Их-Бурхан, по монгольским летописным данным построенный в XIX в. (в районе р. Халхин-Гол), а также Зун-И, Барун-Хэрэм (Мурэн-сумун) и Барс-Хот (три последних памятника относятся к киданьскому времени, т. е. X—началу XII в. [Викторова, 1969]).

Во всех обследованных городах и поселках отчетливо прослеживается система прямоугольной планировки со строгой ориентацией сторон по странам света (отклонения по компасу не превышают 15°). Линейно-квартальная планировка внутри городища или поселения видна в руинах Цоржийн-Ламын-Сумэ. На других она менее заметна, так как комплексы больше разрушены. Пэрлээ была установлена квартальная планировка и некоторых киданьских городов [Пэрлээ, 1957, 1959].

В жилых массивах современных сумунных центров описанный тип планировки виден очень ясно. Сохраняется и деление на центр, правое (западное) и левое (восточное) крыло. Юрты ставятся рядами с запада на восток. По традиции место для самой западной юрты в первом (южном) ряду отводилось старейшему и наиболее уважаемому (социально значимому) члену коллектива. Это место называли *хоймор*. Юрты каждого последующего ряда ставили строго позади юрт предыдущего. Ориентировка входа всегда была на юг. В целом весь жилой комплекс вписывается в прямоугольник, образуя неогороженный квартал. Главная улица, как и в старых сумунных центрах, обычно тянется с запада на восток, создавая две линии дворов или построек, у которых, как и в городах, выход ориентирован на южную сторону (рис. 9).

Ориентировка по частям света всегда строго выдерживалась и была принята в качестве этнического определителя. Этот признак можно проследить уже в конструкции плиточных могил (I тысячелетие до н. э.) в городище Барун-Байдалиг (хуннское время), в некоторых упомянутых ранее киданьских городищах (X—XII вв.), городах XIII—XIV вв., храмовых комплексах

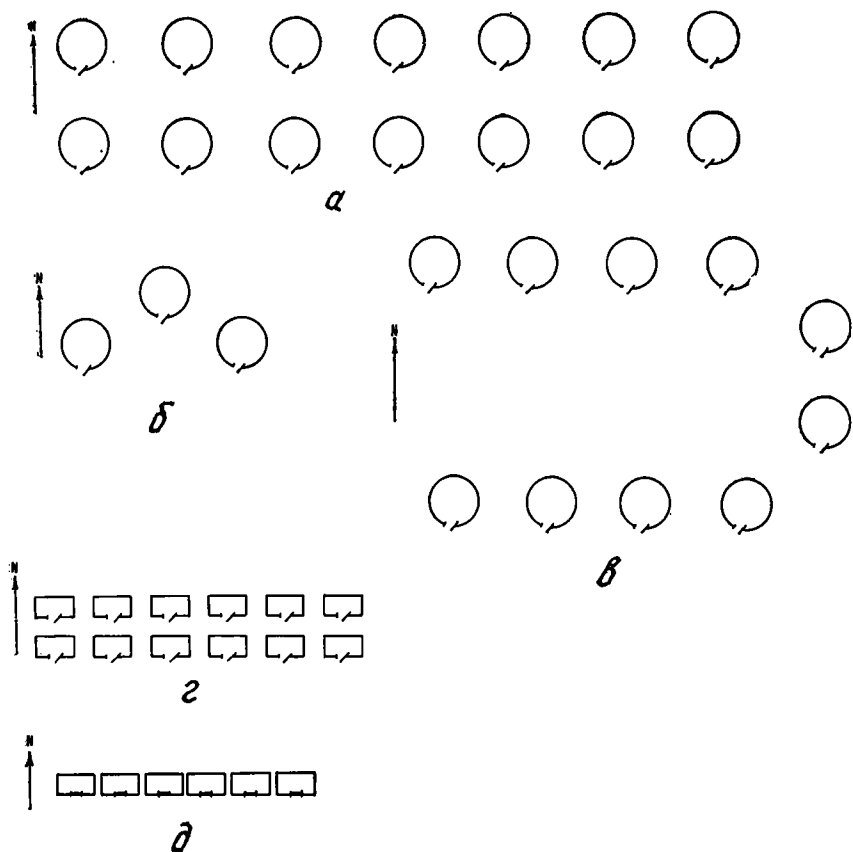

Рис. 9. Традиционные планировки поселения:

а — юрты на равнине; б, в — юрты на местности со сложным рельефом, г, д — постоянные дома на равнине

XVI—XVIII—XIX вв. (Эрдэни-Цзу, Цоржийн-Ламын-Сумэ, Их-Бурхан), в застройке и планах Урги, Сан-Бэйсэ. Традиция эта сложилась в очень раннее время и обнаруживает стабильность на протяжении тысячелетий. Сходные принципы ориентировки, как и отдельные черты планировки (южная ориентация входа, расположение стен по странам света), имеются и у соседних народов Восточной Азии. Однако в своем полном комплексе они уникальны и свойственны на протяжении веков вполне определенной группе народов, генетически связанных с монголами.

Указанные типы планировки характерны и теперь для калхасцев, узэмчинов, бурят, барга. Только в бурятских айлах юрты иногда бывают поставлены входом на восток или при неровностях рельефа тип планировки не соблюдается.

Приемы традиционной монгольской строительной техники, изученные автором в Улан-Баторе, Ундэр-Хане, Чойбалсане, сумунных центрах (Хулэн-Буир, Матад, Баинтумэн и др.), а также по руинам Цоржийн-Ламын-Сумэ, Их-Бурхан и др., показывают единую традицию, существовавшую в течение XVIII—XX вв. Она проявляется в системе кладки стен из камня или сырцового кирпича и фундаментов².

Основным типом жилища, характерным не только для сельской местности, но и для городов, даже для столицы страны Улан-Батора, продолжает оставаться юрта. Это каркасное, с войлочным покрытием разборное жилище, неоднократно описанное в литературе [Вяткина, 1960; Кондратьева, 1935; Майский, 1921, с. 48—50; Щепетильников, 1960]. Этот тип жилья теснейшим образом связан с пастушеским скотоводством и кочеванием у монгольских и тюркских народов [Харузин, 1896].

В настоящее время подавляющее большинство населения городов, сумунов и айлов продолжает пользоваться юртами. Изготавливают их несколько деревообрабатывающих предприятий. Верхний круг юрты (*тооно*) типа *эжил тооно* делают обычно из сосны (*нарьс мод*). *Уни* — жерди, образующие каркас крыши, — встречаются двух типов: с петелькой или с вырезом на утолщенном нижнем конце (уни с вырезом характерны для Восточного аймака). Дверь деревянная, одностворчатая, открывается справа налево. Прежде вместо двери проем занавешивали войлоком. При установке юрты верхний круг ориентируют главной поперечиной (*гол*) по линии запад—восток, а второй (*даага*) — по линии север—юг. Его поддерживают опорные столбики (*багана*), на которые опираются концы гол. Войлочное и верхнее матерчатое покрытия юрты, также изготовленные на государственных предприятиях, приобретаются в магазине. Большинство обследованного населения (узэмчины, халхасцы, буряты, барга) живет в жилищах такого унифицированного типа, но изредка встречаются юрты, сохранившие различия по этнографическим группам [Викторова, 1969].

Общими для всех групп остаются основные элементы, из которых состоит юрта: верхний круг, жерди крыши, решетчатые стены (*ханы*) (обычно от 4 до 6), дверная коробка, обвязки (*буслүүр*), войлочное покрытие [Ширендыб, 1968, с. 34]. Следует отметить, что эти же элементы характерны для юрт не только монгольских народов, но и тувинцев, киргизов, туркменов, т. е. широко распространены и среди кочевых (в прошлом) тюркских народов. Поэтому можно с полным основанием считать, что этот тип жилища в основных чертах сформировался на обширной территории древних прототюркских и протомонгольских племен и связан с их переходом к кочевому скотоводству. Тем не менее при сходстве основных элементов конструкции тюркская юрта отличается от монгольской: у тюрк-

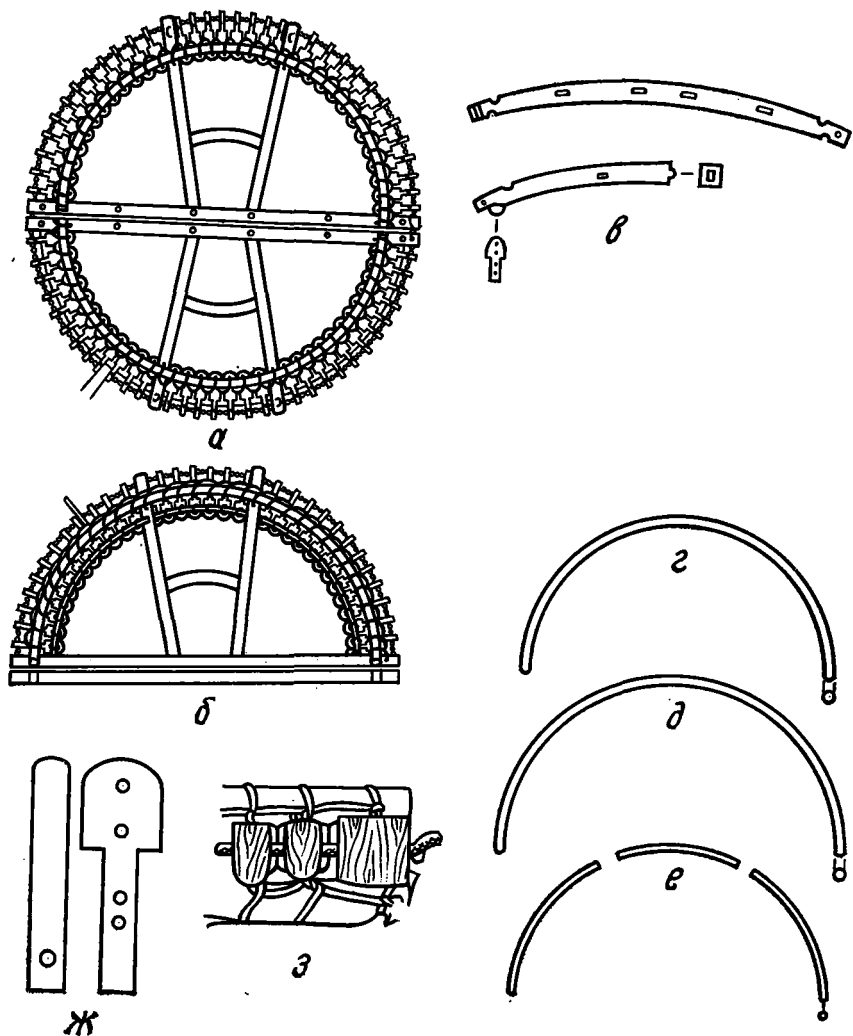

Рис. 10. Тип неразборного круга юрты:

а — общий вид; б — половина круга с обратной стороны; в, г, д, е — основные части несущей конструкции; ж — прокладки, между которыми закрепляются жерди кровли; з — способ крепления деревянных частей

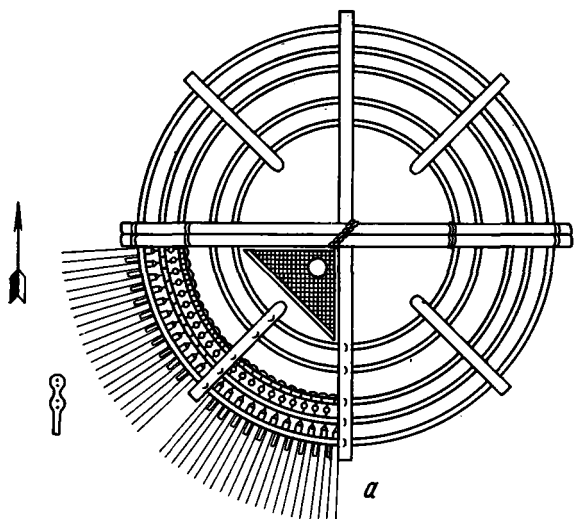

Рис. 11. Верхний круг юрты:
тип «муравьиный» (у узэмчинов)

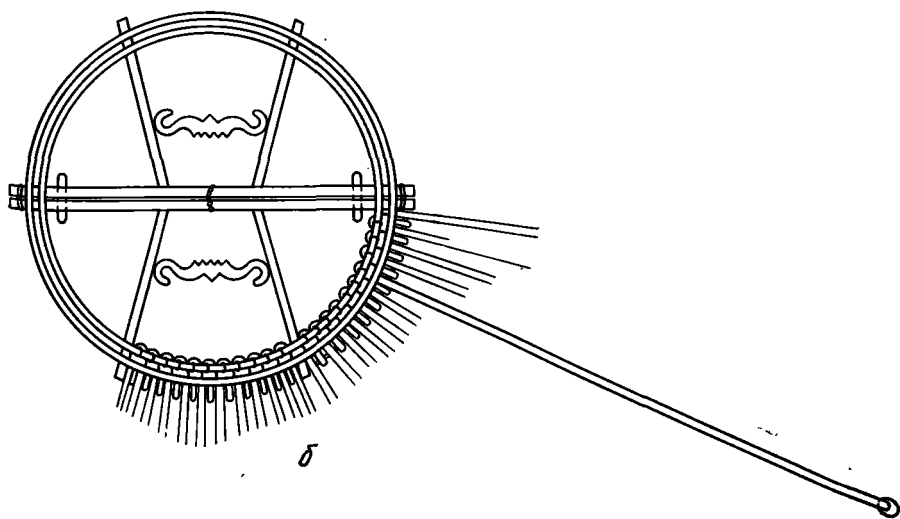

Рис. 12. Верхний круг юрты:
тип «ожерельевый» (у шинэ барга)

ской юрты кровля куполообразная, а у монгольской — конической формы; тюрки ставили юрты входом на восток (так же как и хунны), а монгольские народы — на юг. Различны и названия этого типа жилища у тюрков (*еу*) и монголов (*гэр*). Следует думать, что сходство обоих типов обусловлено сходством экологических условий и хозяйственной деятельности обеих групп народов, а различия объясняются длительным параллельным развитием разных этнокультурных и языковых традиций.

У монголов имеются различия в некоторых деталях конструкции юрты, которые прослеживаются по этнографическим группам. Так, шинэ барга делали две верхние обвязки, а халхасцы — три. Верхний круг юрты у шинэ барга, узэмчинов и халхасцев также отличается по конструкции (рис. 10, 11, 12). Он состоит (у халхасцев и барга) из двух полуокружностей, концы которых соединены слегка выгнутыми планками. Каждая из полуокружностей, в свою очередь, составлена из тонких, круглых в сечении, согнутых прутьев. Прутья образуют внешнюю сторону круга. Они расположены в два слоя, каждый слой имеет два-три ряда (у халхасцев и шинэ барга — два, у узэмчинов — три). Между верхним и нижним слоями прутьев прочно закреплены жерди крыши и прокладки между ними. Прокладка из дерева по форме напоминает лопаточку с закругленным нижним концом, черенком обращенную к внешней стороне круга. Между черенками закреплены жерди, которые вместе с прокладками нанизаны на волосяную веревку, а широкая часть прокладки узкими сыромятными ремешками очень крепко соединена с верхними и нижними слоями прутьев.

Прокладки описанной формы халхасцы и шинэ барга называют *хуруу* (пальцы). Весь верхний круг образуется соединением обоих полукругов с помощью трех ремешков и двух деревянных шпилей, продетых в пазы планок. В зависимости от формы прокладки названия неразборного круга у разных групп разные: *хуруутай* (пальчатый) — у халхасцев, *шорголжийн* (муравьиный) — у узэмчинов и *хэлхээтэй* (ожерельевый) — у шинэ барга [Викторова, 1969]. Общим для всех разновидностей этого типа круга является его конструкция — неразборная кровля.

У хучин барга бытует наиболее простая и архаическая форма круга, состоящего из деревянной окружности шириной в три пальца и слегка выгнутой крестовины, делящей ее на четыре равные части. В боковой части окружности имеются сквозные отверстия, куда вставляются жерди кровли. Величина круга зависит от количества стенных решеток. Такие старинные круги у хучин барга называли *оргони тооно*. Материалом для изготовления круга служила береза (*хус мод*), жерди крыши и стенные решетки делали из ивняка (*удын шугуй*, *бургасны шугуй*) или тальника (*улаан бургас*). Юрты со стенными решетками, сделанными из планок кедра (*хуш мод*), которые широко

распространены в современных жилищах, в прошлом могли иметь лишь богатые и знатные.

Тип юрт с простейшей формой круга имеет прямую аналогию в наскальных изображениях эпохи бронзы, опубликованных А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской и обнаруженных в соседних с Монголией районах Забайкалья. На изображениях виден круг, разделенный крестовиной, четко ориентированной по частям света. По форме и ориентировке крестовины такие типы круга поразительно совпадают с бытующими и в настоящее время оргони тооно у группы хучин барга, что дает основание считать их изображениями верхних кругов юрт у населения Забайкалья эпохи бронзы.

Верхний круг издавна служил как бы символом юрты, домашнего очага. Изображения верхнего круга по принципу «часть вместо целого» можно считать изображением всего жилища-юрты. Количество кругов, видимо, реально соответствовало количеству юрт и служило своего рода картиной-планом поселения забайкальских племен того времени (рис. 13).

Типы круга эжил тооно и оргони тооно генетически связаны с разборными кровлями, а сархинак тооно — с неразборными. Таким образом, юрты по типу каркаса крыши могут быть разделены на два основных вида — разборные и неразборные. Можно предположить, что оба вида восходят к древним прототипам разборных и неразборных юрт, сведения о которых сохранились в письменных источниках XIII в.

Китайский путешественник Сюй Тин в своих записях упоминает о том, что у татар куполообразные хижины были двух видов. Одни имели каркас, сделанный из ивовых прутьев и похожий на дно бамбукового сита. Он сворачивался и разворачивался. Дверь выходила на южную сторону. Верх жилища изнутри был похож на каркас зонта, как и в современных юртах. На самой верхушке каркаса, посередине, проделывалось отвер-

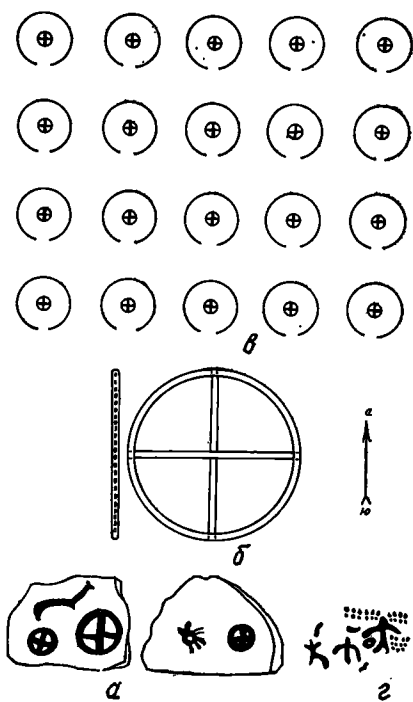

Рис. 13. Простейший тип составных частей юрты (у хучин барга):

а — изображения верхнего круга юрт на писаницах Забайкалья; б — круг юрты у хучин барга; в — традиционная планировка юрт на поселении; г — план поселения на писаницах Забайкалья

ствие, называемое верхним окном. Весь каркас снаружи покрывался войлоком. Такой шатер можно было перевозить на лошадях вьюком. У юрт другого вида были круглые стены, сплетенные из ивовых прутьев и закрепленные волосяными веревками. Они не разбирались, а перевозились на повозках [Линь Кюн-и и Мункуев, 1960, с. 138].

Европейские путешественники XIII в. в своих описаниях монголов также отмечали особенности их жилищ: «Дома у них деревянные, покрывают они их веревками, они круглы, всюду с собой их переносят; переносить их легко, перевязаны они прутьями хорошо и крепко, а когда дома расставляют и устанавливают, вход всегда приходится на юг» [Марко Поло, 1958, с. 88]. П. Карпини и В. Рубрук также оставили свои описания жилищ монголов: «Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев, бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают такой войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал, а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью» [Путешествие..., 1957, с. 69—71].

По этому типу жилищ наблюдается несомненная преемственность его монголами от киданей. Так, уже у киданей современниками отмечены и походные юрты на телегах, и разборные юрты, крытые войлоком. Юрты, употреблявшиеся во время военных походов киданей («военные юрты»), были покрыты черным войлоком [Таскин, 1979, с. 514, 526].

Подробные сведения сообщаются не только о самих жилищах, но и об ориентировке их по странам света: «Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии полетины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между двумя стенами».

Юрты с шейками, описанные путешественниками XIII в., до наших дней в Монголии не сохранились, но они есть у моголов Афганистана — хазарейцев, называются они *ханаи-харга* и по основным конструктивным особенностям связаны с монгольской юртой XIII в. [Schurmann, 1962]. Деревянный остов ее состоит из стен, образуемых двумя рядами поставленных друг на друга решеток, крепко связанных между собой. Решетки верхнего ряда при этом несколько вогнуты, а нижнего — выгнуты. Крышу образуют прямые жерди, которые нижним концом прикреплены к решеткам, а верхним вставлены в отверстия верхнего круга (*сари хона*), имеющего диаметр 60—70 см. К ободку в верхней части кожаными ремешками прикреплено коническое возвышение. Оно состоит из двух крестообразно расположенных

и согнутых посередине деревянных полос, образующих две входящие одна в другую деревянные петли, перехваченные кожаным ремешком [Гафферберг, 1953, с. 79—92]. Так образуется описанная В. Рубруком «шейка наподобие печной трубы», отличающая древний тип монгольской юрты от современного. Покрывается ханаи-хырга войлоками, покроем и расположение которых сходны с покроем и расположением их на современных монгольских юртах.

Судя по наскальным изображениям, юрта с шейкой была распространена значительно раньше XIII в. Изображение ее было обнаружено П. П. Хороших на горе Манхай [Хороших, 1951, с. 191—195, рис. 59]. А. П. Окладников справедливо связывает изображение юрт с шейками в наскальных рисунках XI в. в Прибайкалье с появлением там первых монголов [Окладников, 1958, с. 210 и сл.].

Юрта с шейкой сохранилась также в Ордосе, в Эджэн-Хороо, где она впервые была увидена и описана Г. Н. Потаниным [Потанин, 1881]. Вообще, у генетически связанных с древними монгольскими племенами этнографических групп, проживавших на периферии монгольского мира или вошедших в состав других народов, сохранились многие элементы материальной культуры, уже исчезнувшие у современных монголов МНР. К консервации этих древних форм приводила длительная изоляция в инонациональном окружении³.

Войлочные неразборные юрты были одним из распространенных типов жилищ у протомонгольских племен, перешедших к кочевому скотоводству. Переход этот совершался долгие века путем хозяйственно-культурной адаптации центральноазиатских племен к окружающей природной среде: человеческие коллективы следовали за сезонными миграциями мясных и мясо-молочных животных и постепенно одомашнивали некоторые их виды, т. е., в свою очередь, изменяли природную среду. В этих условиях вырабатывался и тип неразборного подвижного жилища на четырех- и двухколесной телеге или арбе.

Этот тип жилища был известен многим народам. В жилищах на повозках перекочевывали кидани и хунны, а еще ранее — скифы. Изображения повозок с кругом, поставленным на платформу, встречаются среди петроглифов Монголии начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. [Волков, 1967, рис. 33; Я. Наваан, 1974, рис. 55—58; Новгородова, 1978; Таскин, 1979, с. 514]. Можно предположить, что с переходом к кочевому скотоводству у многих древних народов евразийских степей появился сходный тип неразборного жилища в виде шатра на повозке, состоявшего из деревянного плетневого каркаса, крытого войлоком. Такой тип жилища долго сохранялся и у монгольских народов. Он известен еще в XIII в., но позднее необходимость в нем отпала. При переходе к иным формам ведения пастбищного скотоводческого хозяйства с более короткими се-

Рис. 14. Пластовая изба у катайцев (по С. И. Руденко)

зонными перекочевками и более длительными остановками на первый план вышли юрты разборного типа. Разборные жилища — прототипы современной юрты с простой формой верхнего круга и съёмными жердями (тип, изображенный на петроглифах Забайкалья). Разнообразие форм деталей в оформлении традиционных типов верхнего круга у различных этнографических групп говорит о развитии этого жилища в данной этнокультурной среде на протяжении очень длительного периода.

Кроме юрт населению Монголии (и, шире, Центральной Азии) издавна были известны и обычные строения — жилища и постройки общественного назначения (храмы, монастыри и т. п.). Их строили из различного материала. Например, в лесистых местах Северной Монголии это были, видимо, деревянные срубы, о чем говорят находки остатков бревен в киданьском городище в Хэнтэе. Упоминание о том, что кидани строили срубного типа жилища, есть в «Ляоши» [Gabelentz, 1877, гл. I].

В степных местностях это постройки каркасно-столбовой конструкции с различным заполнением, а также строения из сырцового кирпича с каменной кладкой фундамента, а иногда и стен. В городищах XIII—XIV вв. и более ранних эпох встречаются остатки зданий, где при постройке применялся обожженный серый кирпич, довольно плоский, но большого формата [Киселев, 1965]. Серый плоский широкий кирпич Х. Пэрлээ нашел и в киданьских городищах Монголии (X—XI вв.) [Пэрлээ, 1959]. Наиболее примитивным и архаическим типом оседлых жилищ были полуземлянки четырехугольной формы (рис. 14)⁴. Этот древнейший тип оседлых жилищ не имеет аналогий в современной Восточной Монголии. Но в прошлом он, судя по некоторым косвенным данным, был распространен весьма широко.

Следует отметить, что и в современных городах Монголии, поселках городского и сельского типа, в храмовых комплексах недавнего прошлого четко прослеживается сочетание именно

этих двух типов построек: зданий (*байшын*) из камня, кирпича, сырцового кирпича, даже срубов (в северных лесистых районах) и юрт (*гэр*), разборных жилищ, занимающих значительную площадь населенных пунктов. Даже в столице страны Улан-Баторе традиционное жилище кочевников — юрта — соседствует с современными зданиями и составляет очень живописную часть городского пейзажа. Когда юрта становилась жилищем оседлого городского населения, она дополнялась рядом деталей: ставилась на некоторое подобие фундамента, имела разборный деревянный пол (*шал*), пристройку в виде сеней к дверной коробке, утепляющей жилище на зиму, и т. п. [Майдар, 1972; Ширендыб, 1968, с. 28; Щепетильников, 1960].

О том, что такова была и древняя традиция городской застройки у предков монгольского населения Центральной Азии, можно судить по памятнику XIX в. Их-Бурхан, где отчетливо видна не только четырехугольная в плане кладка стен некогда бывших здесь храмовых комплексов, но и круглые каменные фундаменты юрт с входом, ориентированным на юг, выложенным оградкой из камней.

В монастыре Эрдэни-Цзу (XVI в.), внутри ограды, на свободном от построек пространстве перед храмами, хорошо сохранился круглый фундамент, на котором, по преданию, стояла юрта основателя монастыря Сайн Абатай-хана [Викторова, 1969, № 840]. И на остальных городищах монгольского, киданьского, сяньбийского круга памятников (Хара-Хоринь, Бар-Хот, Авраг-Ус, Улугчин-Хэрэм, Зун-И, Барун-Хэрэм, Барун-Байдалиг и др.) можно обнаружить всхолмления, оставленные обрушившимися зданиями, однако значительная часть территории городищ не имеет признаков постоянных зданий. Это говорит о том, что часть территории бывшего когда-то города была занята юртами, видимо так же располагавшимися по кварталам, как и в более поздних и даже современных городах.

Тот же тип города был и в монгольских владениях на Волге (в Золотой Орде). Перед богатым оседлым домом, расположенным в Новом Сарае, на мощеном дворе, были обнаружены юрты [Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1960, с. 71]. Такое сочетание оседлых жилищ с кочевыми в поселках и больших городах в течение тысячелетий — характерная черта Монголии [Майдар, 1972; Щепетильников, 1960].

Изложенные материалы позволяют сделать весьма важные выводы. Параметрами, определяющими этническое родство или отличие современных монгольских народов от народов древности и других кочевых племен Центральной Азии, являются следующие: форма юрты и ориентировка ее входа; устройство отдельных деталей; название жилища; планировка временного и постоянного поселений; приемы строительной техники; ориентировка стен (городских, внутриквартальных, отдельных построек).

По этим параметрам, выражающим этническую специфику жилищного и городского строительства монголов, обнаруживается несомненное родство между современным населением Восточной Монголии, монголами XIII в., киданями и предками этих народов, освоивших кочевое скотоводство к I тысячелетию до н. э. Таким образом, мы имеем возможность выявить наличие протомонгольского этнокультурного пласта на территории Восточной Монголии и в прилегающих районах, основываясь на данных исторической этнографии.

По этим же параметрам выявляется по меньшей мере столь же древнее параллельное развитие древнетюркского этнокультурного комплекса. Каждый из них имеет отдельные черты сходства между собой и с соседними народами, но в целом каждый из них оригинален и неповторим.

Глава 5

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССАХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В духовной культуре монголов в результате широкого влияния северной ветви буддизма (ламаизма) сохранились лишь отдельные элементы, которые позволяют судить о генетических связях монголов с их этническими предшественниками.

Важнейшим компонентом духовной культуры монгольских народов являются разнообразные по жанрам произведения устного народного творчества. К ним относятся крупные эпические произведения, такие, как героический эпос о Гэсэре, Джангаре или циклы баллад о подвигах Бум-Эрдэни, хане Харангуе, Аучжам-Мэргэне и др. К произведениям малых форм относятся сказки, пословицы и поговорки, песни, плачи, восхваления различного типа, сложенные по какому-нибудь конкретному случаю (так называемые *магтал* или *ерол*), устные речи послов, загадки и т. п. [Владимирцов, 1923; Дамдинсурэн, 1957; Козин, 1936; 1941, с. 29—75; 1948; Санжеев, 1937; Тодаева, 1973, с. 179—302, и др.]. В исторические хроники монголов включено множество стихотворных произведений, а также загадок, пословиц, поговорок, свадебных песен, притч, легенд и преданий, сложившихся задолго до появления письменности и письменной литературной традиции. В основе многих произведений героического эпоса лежат реальные исторические события. Так, монгольским исследователем Ц. Дамдинсурэном было установлено, что сюжетная канва эпоса о Гэсэре восходит к исторической ситуации XI в., возникшей в пограничных районах Северо-Восточного Тибета [Дамдинсурэн, 1957, с. 213—228].

Эпические произведения обычно имеют в основе реальный факт, приуроченный к определенной эпохе, ситуации и географическому региону. Поэтому эпос монгольских народов позволяет судить об общих тенденциях этнического развития, о круге дружественных или враждебных монголам народов. В фольклорных произведениях всегда в несколько идеализированной форме отражались особенности окружающего ландшафта, хозяйственной деятельности, обрядов и обычаев, условий, в которых герой совершал подвиги. Вместе с устным народным творчеством от одного поколения к другому переходила система определенного образного мышления, связанного с художественным восприятием окружающей действительности.

Монгольские фольклорные произведения воспевают жизнь кочевника-скотовода, красоту степей и прозрачных рек, гор и долин. Реки в монгольском фольклоре всегда чисты, они выступают в качестве идеализированного водопоя. Воспета зелень, свежесть и густота цветущих ароматных трав — идеальный образ пастбища. Среди этой прекрасной природы расположены юрты-дворцы, где герои пируют, поедая мясо и запивая его кумысом.

Монгольский фольклор, несомненно, свидетельствует о том, что он глубочайшими корнями связан с жизнью именно степного скотоводческого народа.

Все это позволяет заключить, что эпические традиции, восходя к очень ранним прототипам, служили выражением этнической общности, осознаваемого этнического, языкового и культурного родства, т. е. были интегрирующим фактором духовной культуры. Интеграции способствовало и наличие специальных исполнителей эпических произведений, которые перекочевывали от одного племени к другому, передавая широкому кругу слушателей сюжеты и манеру исполнения. Часто среди слушателей находились талантливые, поэтически одаренные люди, которые становились учениками такого сказителя. Они с голоса заучивали сначала отдельные эпизоды, а потом и весь эпос, а впоследствии добавляли к нему свои метафоры и сравнения, а иногда и новые эпизоды, обогащая старый текст.

Некоторые фольклорные мотивы были связаны с обрядами, посвященными культу предков. Так, весной полагалось проводить обряд поминовения усопших. Во время этого обряда душам покойных приносилась в жертву пища. Часть пищи распределялась между живыми членами рода в соответствии со степенью близости родства. В качестве жертвенного животного закалывали лошадь, мясо которой съедали, а шкуру вешали на шест возле места погребения предков. При жертвоприношении предкам исполнялись песнопения, которые в «Сокровенном сказании» и «Алтан тобчи» назывались «Великая мелодия»¹.

Во время песнопений, очевидно, призывались духи предков, которым старейший рода, хранивший все заветы старины, а

Рис. 15. Простейший тип обо

также следивший за событиями (рождениями, браками, смертью сородичей, их подвигами или провинностями), докладывал о происшедшем за год, дабы живущие в «том мире» были в курсе всех земных дел. Эти «доклады» облекались в форму эпического повествования, которое исполнялось на протяжный, торжественный мотив.

Такой обряд был одной из важных функций общественной жизни монгольских племен древности. Его исполнение как бы фиксировало историю рода, пополняло родословные книги, отмечало выдающиеся события, прославляло отличившихся и осуждало недостойных, т. е. публично выражало общественное мнение, формировало его. В дописьменный период это была одна из важнейших форм передачи наследственной социальной информации в определенной этнической среде.

После исполнения торжественной части обряда устраивались соревнования, где проверялись сила и мужество (скачки, стрельба из лука, борьба). Завершалось все общим пиром. Яства для него готовили жены и матери сородичей, которые не имели права принимать участие в самой церемонии, связанной с исполнением «Великой мелодии» и жертвоприношением предкам, так как они вследствие строго соблюдавшегося обычая родовой экзогамии были из чужих родов, а обряд совершался лишь кровными родственниками по отцовской линии².

Естественно, что в древности, когда кровнородственные связи имели в жизни населения решающее значение и определяли все стороны социальной структуры, роль обрядов, относящихся

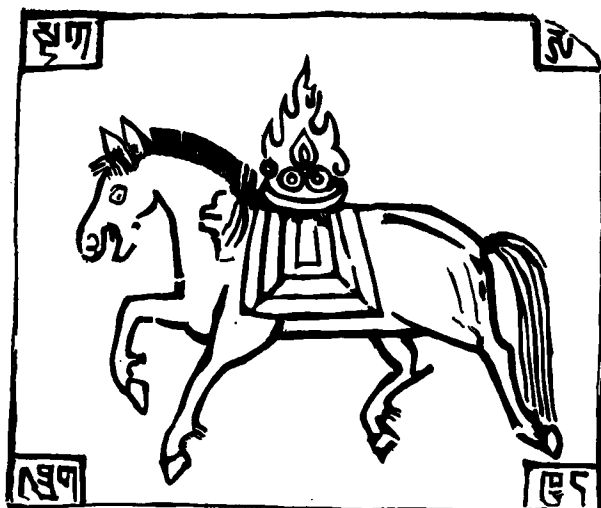

Рис. 16. Хий морь

к культу предков, была намного выше, чем в XVII—XIX вв. Со временем культ предков слился с вошедшим в практику ламаизма культом обо (монг. *обица* — «насыпь» (рис. 15). Обо в Монголии (в ее восточной части, в Трехречье), как правило, располагались на возвышенных местах или на горе, откуда открывался вид на всю прилегающую округу. Такие обо были сложным сооружением.

Обо складывали из камней в виде холма около 10 м высотой. На южной стороне холма сооружали специальный жертвенник, четыре стены которого были ориентированы по странам света. В южной стене оставляли проход, а внутри ограды помещали плиту, на которой, очевидно, совершалось жертвоприношение. На вершине каменного холма ставили шест с изображением воздушного коня (*хий морь*), который в древности сопровождал, как считалось, духа предка (рис. 16). По склонам горы, расходясь от центрального обо, как лучи, выкладывались кучки небольших камней, спускавшиеся почти до подножия. Такого типа обо было, например, сооружено около 300 лет назад севернее Ундэр-хана после погребения там влиятельного феодального властителя Цэцэн-хана, первого владельца аймака.

Другой тип обо был обследован в 1967 г. в Биндэр-сумуне Хэнтейского аймака. Это сооружение на восточном склоне горы представляло собой кучу камней около 1,5 м высотой, от которой в каждую из четырех сторон расходились по три выложенных из камня луча. В центре размещались изображения воздушного коня, принесенные в жертву пряди лошадиной гривы

и др. Выше по склону, ближе к вершине, на крупном блоке из камня, возле скального выхода, лежал череп быка, а западнее жертвенника, на растущем здесь же дереве, висели полоски белой ткани. Сам жертвенник был обращен к востоку. Это обо местные жители считали бурятским³.

Близким по типу к описанным выше было Баян-обо в Мункэ-хан-сумуне Хэнтейского аймака, обследованное мною в 1967 г. По типу сооружения оно напоминает Биндэр-обо (большая центральная насыпь и по три меньшие с четырех сторон), но жертвенник располагался на южной стороне. Это обо, сооруженное на высоком южном берегу р. Керулен, также господствовало над окружающей местностью. На южной стороне скальных выходов близ обо были расположены выбитые на камне точечной техникой рисунки, среди которых особенно заметным было прекрасное реалистическое изображение благородного оленя с ветвистыми рогами в окружении ланей [Викторова, 1969].

Большинство почитаемых обо, на которые было запрещено подниматься женщинам, расположены возле древних или более поздних погребальных комплексов. Значительная часть их сооружалась уже в исторически обозримый период. При обследовании 17 обо в 1969 г. информаторы в большинстве случаев могли припомнить, кто, по преданиям, был погребен возле обо и в какое время. Как правило, поздние обо сооружались 150—200 лет назад и были жертвенными местами возле погребений владельцев хошунов. Эти погребения, расположенные на склоне горы или холма, имели вид овальных куч камней. В определенные дни каждого года здесь приносили жертвы (мясо, голова коня или барана, молочные продукты и т. п.), сопровождаемые религиозными обрядами, которые совершал лама, заменивший прежнего старейшину кровнородственного коллектива. Читая молитву, он обходил вокруг обо, затем начиналось возложение жертвы. После окончания торжественного обряда проводился надом (состязания в стрельбе из лука, борьба, скачки). Торжества заканчивались пиром. На пиру ели мясо, распределяя его по старинным, установленным обычаем правилам, пили кумыс. В это время проводили шуточные состязания (кто больше выпьет кумыса или съест мяса). На таких праздниках теперь встречались уже не только сородичи (как в древности при обряде поминовения предков), а все жители аймака или хошуна. Здесь же обменивались новостями, присматривали невест и женихов. Погребенные же на горе владельцы хошунов и аймаков считались теперь *зэнами* — духами — хозяевами местностей, принадлежавших им при жизни. Считалось, что они покровительствуют обитателям хошуна или аймака. Так ламаизированный обряд заменил древние обряды родового общества, первоначальное значение которых понемногу забывалось: место предка занял феодальный правитель.

К числу древнейших элементов духовной культуры, которые тесно связаны с повседневной хозяйственной практикой, относится календарь (о календаре см. [Захарова, 1960, с. 32—65]). Традиционным для монгольского бытового календаря является летосчисление, в основу которого положено наблюдение за фазами луны. Во всех монгольских летописях начиная с XIII в. определение времени давалось обычно по трем признакам: сезону года, порядковому числу месяца внутри сезона и дню в месяце. Год обозначался двумя словами: *он*⁴, употреблявшимся в документах при упоминании девизов правления императоров, годов эры, и *жил*⁵ — астрономический год. Год делился на четыре сезона — весна, лето, осень, зима, причем сезоны объединялись в летне-осенний и зимне-весенний. Это связано с особенностями климата и циклов традиционных занятий. Новый год начинался с конца зимы (обычно с февраля), этот первый месяц нового года был праздником и назывался *цаган сар* — белый месяц.

Месяцы (12 месяцев по 30 дней в каждом плюс тринадцатый, дополнительный месяц в високосном году) делились на три декады, которые соответствовали фазам луны и носили их названия: 1 — *шинэ сар* — новолуние; 2 — *дэльгэр сар* — полнолуние; 3 — *сарын хууч* — старость месяца. В последнюю декаду старались не предпринимать никаких важных дел, считая, что они могут окончиться неудачей, так как луна на ущербе и может отрицательно повлиять на исход дела. Дни обычно обозначали порядковым номером (в месяце или декаде).

Годы делились на твердые (мужские) и мягкие (женские), и каждый имел название одного из животных:

1) <i>хулгана</i> (мышь),	5) <i>луу</i> (дракон),	9) <i>мэч</i> (обезьяна),
2) <i>үхэр</i> (бык),	6) <i>могой</i> (змея),	10) <i>тахиа</i> (курица),
3) <i>бар</i> (тигр),	7) <i>морь</i> (конь),	11) <i>нохой</i> (собака),
4) <i>туулай</i> (заяц),	8) <i>хонь</i> (овца),	12) <i>гахай</i> (свинья).

Двенадцать лет составляли малый цикл — *мочлог* [МХТТ, с. 348]; пять малых циклов — один большой шестидесятилетний круг (*орчил*). Для обозначения места года малого цикла в большом круге каждый малый цикл имел еще дополнительное определение — одну из пяти стихий: 1) *модо* — дерево, 2) *гал* — огонь, 3) *шороо* — земля, 4) *төмөр* — железо, 5) *ус* (*ан*) — вода. Каждая стихия символизировалась определенным цветом: дерево — синим, огонь — красным, земля — желтым, железо — белым, вода — черным.

Летосчисление по шестидесятичному циклу характерно не только для монгольских народов. Оно широко бытовало (и сейчас еще бытует) у многих народов алтайской, китайско-тибетской, индоевропейской языковых семей. Такое широкое распространение единого принципа, положенного в основу системы

летосчисления разных народов, указывает на ее глубокую древность.

Традиционный календарь, бытовавший у монголов, одновременно служил нескольким целям. Он содержал комплекс народных знаний по астрономии, сельскому хозяйству, исчислению времени, включая установление праздников сельскохозяйственного цикла; сохранял народные приметы и поверья и даже предлагал способы гадания; имел мнемонические приемы, с помощью которых закреплялись необходимые знания и бытовые навыки данной этнической среды⁶.

Монгольские календари XIII—XIX вв. генетически связаны с календарем скотоводческих племен Центральной Азии, сведения о котором, хотя и отрывочные, сохранились в источниках. Так, в китайских сообщениях о хуннах говорится, что у них был лунный календарь, где время праздников, жертвоприношений, подсчета скота, совместных облавных охот строго регламентировалось, распределяясь по сезонам. Кроме того, учитывалось положение звезд и луны, благоприятное и неблагоприятное. В зависимости от этого принимались или откладывались важные решения и действия [Таскин, 1968, с. 40, 46]. Благоприятным у хуннов, как позднее и у монголов, считалось полнолуние, а неблагоприятным — луна на ущербе. В основу лунного календаря было положено сочетание природных явлений с фазами луны и наблюдениями над положением звезд.

Календарь ухуаньцев, потомков дунху, тоже был лунным [Кюннер, 1961, с. 142—144]. В «Саньгочжи» («Троецарствие») приводится его краткое описание. Год делился на четыре сезона. Сельскохозяйственный годовой цикл был связан, с одной стороны, с кочевым скотоводством и охотой («знают время, когда птицы и животные несут плод и кормят»), а с другой — с полевым земледелием («пахут и сеют», «почва пригодна для зеленого [неклеякого] проса и дунцяна. Дунцян походит на растение пынцао; семена как у куйцзы (подсолнечника). В 10-ю луну [дунцян] созревает»).

В годичном цикле большое значение отводилось жертвоприношениям небу, земле, солнцу, луне, созвездиям, горам, рекам, духам и прежним правителям («Если есть сильные и прославленные люди, им также одновременно приносят жертвы») [Кюннер, 1961, с. 139—140].

Лунным был календарь и у сяньбийцев. Об этом можно судить по отдельным упоминаниям о том, что беременность сяньбийских женщин исчислялась десятью лунными месяцами с момента зачатия, как позднее и у монголов. Из праздников в календаре особо упоминается праздник, связанный с водой, так называемое веселье на воде. Он проводился в последний месяц весны.

Календарь киданей, у которых было развито земледелие, садоводство, возделывались бахчевые и технические культуры,

занимал как бы промежуточное положение между монгольским и китайским [Таскин, 1979, с. 336—342].

Зависимость традиционного народного календаря от природной и хозяйственной зоны выступает особенно ярко, если сравнить календари у народов с разными типами хозяйства. Так, у охотников и рыболовов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока (например, у нганасанов) счет времени велся лунными месяцами, как и у скотоводов Центральной Азии, но год делился на два сезона — летний и зимний (т. е. в пересчете на монгольское исчисление времени, в одном астрономическом году у нганасанов было как бы два года). Количество дней в месяцах было не всегда определенным, так как облачность, пурга, туман не всегда позволяли точно наблюдать фазы луны [Попов, 1948, с. 15—17]. В лунном календаре нганасанов очень ясно видна связь между календарем и непосредственными наблюдениями природных явлений и зависимость хозяйства от последних. Этот календарь очень архаический, стадияльно предшествовавший календарям скотоводов-кочевников Центральной Азии⁷.

Соседние на юго-востоке с монгольскими народами земледельцы-корейцы имели заимствованный от китайцев официальный календарь, связанный с годичным циклом сельскохозяйственных работ.

Каждое время года у корейцев делилось на 6 периодов по 15 дней в каждом. В году было, таким образом, 24 периода, обозначавшиеся как «начало весны», «дождь для семян», «начало лета» и т. п. Каждый из периодов был чем-нибудь отмечен. Так, начало весны и посева отмечалось приготовлением хлебов из пяти злаков, танцами и т. п. В праздник лета (5-го числа 5-го лунного месяца устраивались состязания на качелях (любимое развлечение девушек и женщин у предков корейцев еще в III—IV вв. н. э.) [Ионова, Джарылгасинова, 1965, с. 827—828].

Сравнение традиционных бытовых календарей народов Азии с различными типами хозяйства — охотников-рыболовов (нганасаны), кочевников-скотоводов (монголы, хунны, жунско-диские племена) и оседлых земледельцев (корейцы) — показывает, что они состоят как бы из двух пластов. Первый пласт — общий для всех — это исчисление годичного цикла по фазам луны. Именно он, видимо, и является древнейшим, возникшим еще до появления кочевого скотоводства и земледелия, и был связан с охотой и рыболовством, т. е. с первичными присваивающими типами хозяйственной деятельности человека. Можно полагать, что первые годичные лунные календари, знание которых передавалось изустно от поколения к поколению, возникли уже у палеолитического населения Центральной Азии. Но так как они не были зафиксированы в вещественных памятниках, то, естественно, дошли до нас со множеством позднейших напластований. Таковыми напластованиями было влияние календарей, которые свя-

заны с переходом к производящим типам хозяйства, в первую очередь к земледелию. Народы, создавшие земледельческие культуры долины Хуанхэ, рек Индии, Месопотамии, Египта, горных долин Кореи и других регионов, зафиксировали в своих календарях циклы земледельческих сельскохозяйственных работ, связанных в большей степени не с лунным, а с солнечным календарем.

Возникновение и развитие календарей у монгольских народов происходило постепенно, в течение нескольких тысяч лет. Наиболее ранней основой календаря, видимо, был природный календарь, связанный с земными природными годовыми циклами и биологическими циклами промысловых животных. По нему устанавливалось время охоты, рыбной ловли, обработки полученных продуктов, зависевшее от непосредственных наблюдений за фазами луны и соотношений между лунными месяцами и физиологическими циклами у людей и животных.

Календарные сведения передавались от поколения к поколению изустно. К этому наиболее раннему периоду относится и отсчет времени по фалангам пальцев, который отражал древнейшее представление о времени как о сумме повторяющихся суточных, месячных и годовых циклов. Этот этап познания был целиком связан с повседневной конкретной практической деятельностью человека, еще не оторвавшегося от окружающей природной среды и от непосредственного наблюдения природных явлений.

В древнейший период у народов Центральной Азии луна как показатель деления года на месяцы и солнце как сила, которая делила год на сезоны, от которых зависели тепло и холод, состояние трав и воды, смена морозов теплом, обожествлялись. От этих сил слишком непосредственно зависела вся жизнь древнейших обитателей Центральной Азии, и даже в самых ранних сообщениях о кочевниках степей мы находим сведения о жертвоприношениях и поклонении солнцу и луне. На протяжении многих веков это было присуще всем центральноазиатским скотоводческим народам и их соседям, а изображения солнца и луны на фоне неба стали символами космоса.

Происхождение монгольского календаря часто связывают с заимствованием его у китайского, тибетского и индийского народов [Тубянский, 1933, с. 45]. Однако народные календари монгольских племен создавались, как уже упоминалось, самостоятельно. Можно говорить лишь о влиянии последующих напластований, связанных с солнечным календарем земледельцев.

Календарь в империи монголов XIII в. был, видимо, тесно связан с киданьским, так как первый календарь монгольской династии был составлен киданьским сановником Елюй Чуцаем [Тубянский, 1933, с. 44—45].

Календарь киданей, генетически связанный с предшествующими календарями народов центральноазиатского круга [Пэр-

лээ, 1959а, с. 17], был официально утвержден в империи Ляо в 994 г. Основанный на двенадцатилетнем цикле, как и другие календари Центральной и Восточной Азии, он вместе с тем в большом, шестидесятилетнем цикле отличался по порядку элементов от китайского [Таскин, 1963, с. 136—143]. Однако важно учесть, что это был календарь отчасти земледельческого народа. Многие праздники по государственному календарю киданей были связаны с земледелием, а не со скотоводством. Позднее монголы приспособили этот календарь к своим нуждам, связанным прежде всего со скотоводством.

Вообще, календарь у монголов, как и у каждого народа, играл всегда важную роль элемента национального самосознания. Каждый из народов стремился в календаре закрепить и передать последующим поколениям накопленные знания о природе, навыки ведения хозяйства, приметы и т. п. Система народного календаря имела стойкую традицию как в древности, так и в средневековье.

Для каждого народа было важно иметь свой календарь, чтобы сохранить содержащуюся в нем сумму опыта и знаний в качестве наследственной социальной информации, как одну из основных культурных ценностей, которая служит целям интеграции этнической общности и дифференциации ее с другими. Поэтому становятся понятными часто упоминаемые в китайских летописях межгосударственные споры, когда шла речь о введении чужого календаря.

Китайские источники и записи китайских путешественников о монголах и других народах не случайно всегда содержат хотя бы фрагментарные сведения об отличительных чертах традиционного календаря. Именно эти нюансы и являются этноразличителями внутри одинакового хозяйственно-культурного типа, создают его локальные варианты, длительное время сохраняющие исходные традиционные черты. Без знания этих особенностей традиционных народных календарей остаются зашифрованными сведения китайских источников о том, почему претендующее на самостоятельность государственное образование прежде всего стремилось утвердить законодательным актом свой календарь. Так поступали сяньбийцы, их потомки — кидани, монголы, а также тангуты, чжурчжэни, маньчжуры. Становление династии и государства не мыслилось без утверждения своего календаря. Следование чужому календарю рассматривалось как один из основных признаков утраты независимости. Поэтому обычно завоевание или вступление в подданство символизировалось принятием календаря народа-победителя. С помощью календаря победители навязывали покоренному народу свои представления об окружающем мире, что способствовало культурной интеграции покоренных народов, стиранию этнических границ, постепенному слиянию с народом-победителем. Такова была в общих чертах роль календаря как важного эле-

мента духовной культуры в этнических процессах древности, в этнической истории предков монголов и других народов Центральной Азии.

Глава 6

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОНГОЛЬСКОГО АРЕАЛА В СИСТЕМЕ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Язык — один из важнейших структурных элементов в системе этноса. Поэтому при постановке и решении проблем этногенеза и этнической истории лингвистические данные необходимы. Однако использование их для анализа языковой ситуации в Центральной Азии и определения языковой принадлежности конкретных племен в дописьменный период наталкивается на множество сложных вопросов. Они теснейшим образом связаны с проблемой происхождения и развития алтайских языков, которая не решена и остается остродискуссионной. Для того чтобы уяснить основные направления дискуссии, остановимся на гипотезе алтайской языковой семьи.

Во второй половине XIX и первой половине XX в. исследователи установили несомненное родство между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. По ряду признаков эти языки были объединены в языковую семью, которая получила название алтайской, а сама область исследований — алтаистики. Признаки, по которым были объединены языки, следующие. В лексике — большое количество общих слов. В фонетике — гармония гласных (монг. *темөр* — «железо», *хөдөлмөр* — «труд», *дархан* — «кузнец», *улаан* — «красный»; тюрк. *кардаш* — «товарищ», *кара* — «черный» и т. п.); неустойчивость конечных н и нг (монг. *модо* (н) — «дерево», *ус* (ан) — «вода», *санан* (г) — «мудрый», *байшин* (г) — «здание»); отсутствие нескольких согласных в начале слова и т. д. В морфологии — отсутствие грамматического рода, наличие только двух чисел, агглютинативный строй, наличие послелогов, сходство для всех групп аффиксов местного и родительного падежей и личных местоимений. В синтаксисе — порядок слов в предложении (определяемое стоит после определения, второстепенные члены предложения предшествуют главным, причем функции придаточных предложений выполняют группы слов, оканчивающихся именными формами глагола — причастиями, деепричастиями и др.); очень мало союзов и относительных местоимений. Установление родства алтайских языков и выделение признаков, определяющих это родство, связаны с именами крупнейших русских и зарубежных ученых А. Кастрена, В. Котвича, В. К. Мэтьюса, Е. Д. Поливанова, Г. И. Рамstedта, Р. Раска, В. Шотта и др.

Согласно алтайской гипотезе, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки произошли от единого праязыка, или языка-основы. Однако еще никто не смог определить этот язык-основу, и многие алтаисты ведут исследования для установления древнего состояния этого праязыка и праформы как общеалтайских, так и отдельных языковых ветвей (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской).

Алтайская гипотеза уже в начале XX в. была подвергнута сомнениям [Владимирцов, 1911], которые возросли после выхода в свет обобщающих работ по сравнительной грамматике алтайских языков, так как тезис о генетическом родстве алтайских языков оказался недоказуемым. Английские исследователи Д. Шинор и особенно Дж. Клоусон проявили скептицизм по отношению к основному постулату алтайской гипотезы, и этот скепсис начинают разделять все большее число исследователей [Клоусон, 1969; Рона-Таш, 1974; Санжеев, 1965; Щербак, 1966, 1971, и др.].

Взамен теории алтайского праязыка Дж. Клоусон и А. М. Щербак предложили иную гипотезу. А. М. Щербаком было установлено, что значительная часть базовой лексики в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках различна [Щербак, 1966]. К аналогичному выводу на основе лексико-статистического анализа базовой лексики тюркского, монгольского и маньчжурского языков пришел и Дж. Клоусон [Клоусон, 1969]. Оба исследователя полагают, что тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки не являются генетически родственными, а сходства в них обусловлены заимствованиями вследствие длительных контактов народов-носителей. Временем наиболее интенсивных контактов Дж. Клоусон считает для тюркских и монгольских языков периоды возвышения тюркского племени табгач (тоба), основавшего династию Северная Вэй (386—535), вассальной зависимости киданей от тюрок (до середины VIII в.), интенсивных контактов тюрок и монголов в Прибайкалье и частичной ассимиляции тюрками северных монгольских племен в VII—XII вв. (уйгуро-монгольские культурные связи в разных районах Туркестана в XII—XIV вв.); для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков — время существования империи киданей и чжурчжэней (X—XII вв.). Тюркские, тунгусские, маньчжурские языки взаимно влияли друг на друга предположительно в VII—X вв. — в период существования государства Бохай.

Однако при строго корректном подходе к языковым фактам следует признать, что наличие закона сингармонизма, агглютинативный строй морфологии, единая в основном синтаксическая система и значительное число лексических корреспонденций говорят в пользу теории генетического родства алтайских языков. Имеются и вполне определенные закономерности при переходе от тунгусо-маньчжурских к монгольским и тюркским

языкам. П. Аальто отмечает, что начальному F в маньчжурском соответствует H в монгольском (среднего периода) и отсутствие инициали в тюркском. Развитие этой инициали хронологически шло, по его мнению, в алтайских языках по линии $P \rightarrow F \rightarrow H \rightarrow O$.

Вместе с тем теория алтайского праязыка (или языка-основы) не может пока объяснить, почему большинство слов базисной, наиболее ранней лексики, обозначающих предметы и явления окружающего мира, различны у тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, а внутри этих групп варьируют очень незначительно. Когда и почему из единого алтайского праязыка образовались различные системы числительных? Наконец, на какой территории и в какое время существовал этот язык-основа, когда и почему он распался? Почему при столь интенсивных контактах из единого языка образовались разные языки?

Алтайская гипотеза не дает ответа на эти вопросы, решение их осложняется еще и тем, что почти все источники по алтайским языкам и связанные тексты, которыми располагают исследователи, довольно поздние и разновременные, на что неоднократно указывалось многими исследователями [Клоусон, 1969, с. 31; Лигети, 1971, с. 23]. Так, древнетюркские тексты в основном представлены VIII в., монгольские — XIII в., а маньчжурские — XVII в. Правда, сохранилось некоторое количество слов в китайской транскрипции, относящихся к началу нашей эры. Однако при наличии сходных лексем во всех трех группах языков алтайской семьи эти глоссы могут быть использованы для доказательства любого априорного взгляда того или иного исследователя на этническую историю древних народов Центральной Азии и их языковую атрибуцию. Примером могут служить дискуссии по языкам хуннов, сяньбийцев, тукюе, уйгуров, найманов, где зачастую монголисты отстаивали их монголоязычие, а тюркологи — их тюркоязычие.

Длительность и оживленность дискуссий и накал полемики говорят о том, насколько актуальна проблема формирования алтайских языков для этнической истории народов Центральной Азии в дописьменный период. При очень ограниченном количестве отдельных глосс, сохранившихся в иноязычных транскрипциях, а также при наличии многих взаимоисключающих точек зрения и недостаточной разработанности методов исследования несомненна и трудность поисков для решения этой проблемы.

А. М. Щербак полагает, что тюркологам, монголоведам и специалистам по тунгусо-маньчжурским языкам прежде всего следует выяснить праязыковое состояние своих языков, а затем уже делать общие выводы.

Исследованием конкретных монгольских языков, их истории, классификации, взаимодействия с другими языками алтайской семьи, а также с языками индоевропейской и китайско-тибет-

ской семей занимаются начиная с XX в. многие ученые-монголоведы.

В 1953 г. была опубликована «Сравнительная грамматика монгольских языков» Г. Д. Санжеева. В ней автор рассматривал современные монгольские языки как генетически родственные и связанные происхождением с общемонгольским языком XIII—XIV вв. Однако Л. Лигети указал на то, что в период, предшествующий XIII в., когда была создана империя монголов, единого общемонгольского языка не было [Лигети, 1955]. Основываясь на палеолингвистическом анализе отдельных монгольских глосс, сохранившихся в иноязычных памятниках, этот ученый установил, что в I тысячелетии н. э. было три отличавшихся между собой по некоторым фонетическим особенностям центра монгольской речи: сяньбийско-тую-хуньский (или а-жа), киданьский (юго-восточный. — Л. В.) и шивэйско-монгольский. Автором настоящей работы на основании данных, полученных при анализе исторических источников, было установлено, что в XI—XII вв. в Средней Азии (в Семиречье) в результате миграций туда киданей образовался четвертый центр монгольского языка — запанокиданьский, или каракитайский [Викторова, 1958, 1961].

Таким образом, в I — начале II тысячелетия н. э. существовали пространственные языковые отличия внутри монгольских языков. Уже тогда, как отмечено Л. Лигети, были различия и в уровне развития монгольских языков (например, в одних языках произошел перелом *i* в первом слоге, а в других — еще нет; у одних групп племен начальный *h* существовал еще в форме *p*, как у киданей, а у других он развился в *h* и т. д.). Публикации и исследования средневековых глоссариев и других памятников монгольского языка также указывают на имеющиеся в них различия. Однако в фонетике, лексике, морфологии они незначительны в количественном отношении и не влияют на основные структурные элементы, образующие систему монгольских языков. Вместе с тем они не дают оснований к заключению об имевшемся когда-то в древности едином праязыке, распавшемся лишь впоследствии на отдельные диалекты. Можно с уверенностью предполагать лишь наличие определенных типологических особенностей, характерных для языков, на которых общались далекие предки монгольских и других центральноазиатских народов.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что лингвистический материал и чисто лингвистический подход недостаточны, чтобы дать четкий ответ на вопрос о происхождении и развитии алтайских языков.

Попытка доказать отсутствие генетического родства между алтайскими языками с позиций лексико-статистического метода была сделана Дж. Клоусоном. Лексико-статистический анализ Дж. Клоусона опирается на глоттохронологическую теорию

А. Сводеша, широко применяемую для определения времени расхождения родственных языков и определения языкового родства. Глоттохронология имеет в основе естественнонаучный подход к языковым фактам, и ее принцип аналогичен датировке археологических памятников, содержащих органические остатки, методом радиоуглерода. Однако можно ли перенести закон органической химии на развитие языка, неотъемлемого от развития общества носителей языков? Общество не развивается с такой же неумолимой равномерностью, с какой утрачивается в органических остатках радиоуглерод. Темпы исторического развития даже одного и того же народа неравномерны; бывают периоды, насыщенные бурными историческими событиями и усилением контактов с другими народами, а бывают периоды затишья, характеризующиеся внутренней стабилизацией. Перенос закономерностей, установленных естественными или точными науками, на историю языка недостаточно обоснован. На это противоречие в глоттохронологии обратил внимание и сам Дж. Клоусон.

Для лексико-статистического анализа Клоусон выбрал из монгольского, тюркского и маньчжурского языков по 100 диагностических и 100 дополнительных (или контрольных) единиц, относящихся к базовому лексическому составу языка, выражающих одинаковые понятия. Оказалось, что процент сходства в них так мал, что не дает оснований говорить о генетическом родстве алтайских языков [Клоусон, 1969]. Вместе с тем лексико-статистический анализ Клоусона с бесспорностью установил (и это особенно важно), что тюркские языки XX в. в базовой лексике почти не отошли от состояния X в. н. э., т. е. почти тысячу лет сохраняют стабильность. В таком же положении находятся и монгольские языки, но так как памятники письменности монгольского языка относятся к XIII—XIV вв., то об их устойчивости к изменениям (даже сравнивая язык XIII—XIV вв.) говорится в пределах 700—800 лет [Клоусон, 1969]. Если же взять так называемые окраинные языки, то они, как известно, сохранили и многие фонетические особенности, свойственные памятникам монгольской письменности XIII—XIV вв. [Санжеев, 1953; Тодаева, 1961, 1973].

Устойчивое состояние тунгусо-маньчжурских языков фиксируют так называемые чжурчжэньские глоссы XII в. Они иллюстрируют раннее состояние тунгусо-маньчжурских языков, хотя тексты на маньчжурском языке относятся к более позднему времени (к XVII в.). Это позволяет пользоваться языковыми материалами как для этнолингвистической атрибуции древнего населения Центральной Азии, так и для постановки и хотя бы предварительного решения проблемы места, времени и путей формирования алтайских языков, но не с чисто лингвистических, а с историко-этнографических позиций. Язык поэтому рассматривается здесь лишь как одна из подсистем, определяющих

этническое родство или неродство древнего населения Центральной Азии.

Л. Лигети, сторонник сравнительной алтаистики, нашел некоторые погрешности в отборе диагностических единиц, сделанном Клоусоном, но они незначительны и не могут повлиять на общий вывод. Гораздо важнее основное возражение Лигети, касающееся самого метода исследования: он справедливо отмечает, что язык — сложное явление, включающее в себя звуковой состав (фонетику), словарный запас (лексику), грамматические формы словоизменений (морфологию) и порядок слов в связной речи (синтаксис). Поэтому при определении родства языков нельзя опираться только на лексику, не учитывая остальных элементов, в частности фонетики. Как бы ответом на это высказывание Лигети является исследование монгольской лингвистики Монолжамц, которая доказала древность и устойчивость основных элементов монгольской фонетической системы. У нас, к сожалению, нет связных текстов на монгольском языке, по которым можно было бы судить о полной морфологической структуре древнемонгольских языков. Однако, признавая, что монгольские языки являются системой, т. е. целостностью, наделенной особыми, отличными от других языков свойствами, мы можем судить обо всей системе, если рассмотрим одну, но показательную ее часть.

При сравнении наиболее показательными в морфологии являются числительные, так как они образуют строго очерченную группу в системе языка. Не касаясь чисто лингвистических аспектов проблемы, уже затронутых в языковедческих работах, посвященных системам числительных в алтайских языках, в данной работе ради палеоэтнографических и этногенетических выводов делалось сопоставление числительных трех ветвей алтайской семьи.

Числительное	Письменный монгольский	Калмыцкий	Баоаньский	Дунсянский	Дагурский	Монгольский (хуцзу)
один	nigen	неген	нэгэ	нiэ	нэк (нэг)	ниге
два	хоуар	хойер	гуар	гуа	хојiр (хо р)	гор
три	γurbaп	горвн	гураң	гуран	гуарб а (ң)	гураң
четыре	dörbeп	дервн	дэраң	джiэруан	д/рбэ/ң	дэраң
пять	tabuп	тавн	тавоң	тавуан	tāван	тавен
шесть	jirγuяп	зурган	джiргоң	джыгуан	джiргб(ң)	джiргбн
семь	doloγaп	долан	долоң	долон	долон	долон
восемь	paimaп	нямн	нiмаң	ниамаң	naimāң	ниман
десять	jisün	йесен	jэсоң	jэсун	jicэң	шдзен
десять	arbaп	арвн	харбаң	харауан	харбаң	харван
один-надцать	arbaп	арвн	харбң	шыji	харбаң	харван
двадцать	nigen	нег	нэгэ		нэк	ниге
двадцать	xorin	хорн	хороң	эршы	хорin	хорiң
сто	jaγum	зун	джоң			джоң

Числительное	Шира-югурский	Древнетюркский	Сарыг-югурский	Эвенкийский	Ламутский	Негидальский
один	неге	бір	пер/пыр	умун	úmin	ömön
два	γур	iki	йшыкы/шыкы	дюр	d'ur	зуl
три	γурван	үч	выш/уш	илан	ālan	elan
четыре	дөрвен	tört	т'ört	дэгин	dīn	diγin
пять	тавен	bäsh	пес	тунна	tōgan	toγna
шесть	джурγоң	altı	ал'ты	нюнун	nūñan	ñurun
семь	долон	jēti	йты/т'ыты	надан	nādan	naɖan
восемь	наиман	säkiz	сакыс	дяпкун	zärkan	zarɖun
девять	исен	toɖuz	то'кыс	егин	ūyin	(i)uəγin
десять	харван	он	он	дян	mān	zan
один-надцать	харван-неге	bir-jirima	пырыбырмо	умұкәнделәкә (дян умун)	mān-umin hulik	zan ömön
двадцать	хорен	jirima	йыгырмо	дюр дяр	čur mār	oyin (sulsan)
сто	джун	jüz	пер йуз	нямади	pama taŋgu	

Монгольские языки, как видим, сохранили систему числительных, хорошо известную по памятникам XIII—XIV вв. Наиболее близки по фонетическому оформлению к числительным XIII—XIV вв. числительные языков, сохранивших архаические черты среднего периода развития монгольского языка. Для сравнения были приведены примеры из письменного монгольского языка, современного калмыцкого, а также из языков монголоязычных народов, живущих на территории КНР (дунсяней, баоаней, шира-югуров, дагуров), так как изолированные языки дают большее право судить о состоянии более ранних монгольских языков, чем письменный монгольский¹.

Сравнение внутри монгольских языков проведено только по достаточно репрезентативным группам числительных. При этом они показали почти полное соответствие между собой, несмотря на то что калмыцкий язык, основой которого служили ойратские диалекты XVI—XVII вв., формировался в изоляции на протяжении трех с половиной столетий. Сопоставление числительных современного монгольского языка с числительными, встречающимися в «Сокровенном сказании» (XIII в.), памятниках квадратной письменности (XIII—XIV вв.), дает такую же картину полного совпадения при незначительных фонетических расхождениях.

Для тюркских языков примеры взяты из древнетюркских текстов (VIII—XI вв.) и современного сарыг-югурского. Они, так же как и лексико-статистическая выборка Дж. Клоусона, показывают устойчивость языковой традиции тюркских языков, бытующих на территории Центральной Азии, в непосредственном соседстве с носителями монгольских языков, в течение более тысячи лет. Выборочное сравнение систем счета и числительных показывает, что уже в VIII в. н. э. у тюркских народов морфологически оформилась система числительных, а это пред-

полагает очень длительный процесс развития тюркских народов и языков до VIII в.

Для тунгусо-маньчжурских языков примеры числительных взяты из самобытных языков, где можно предполагать сравнительно небольшое влияние монгольских этнических компонентов и, следовательно, свою устойчивую языковую традицию.

Так как каждый из основных морфологических элементов является структурной единицей целостности, он характеризует и всю систему, что позволяет по такому элементу-индексу определить языковую принадлежность того или иного из древних племен Центральной Азии. В этом случае достаточен единственный, но убедительный факт. Наиболее важным для нас в этом плане является числительное тридцать — *отуз*, встречающееся в древнетюркских рунических памятниках VIII в. часто как определитель этнонима (например, *отуз-татар*). Древнетюркскому и современному *отуз* в монгольских языках XIII в. и современных соответствует *гуч(ин)*, *γučin*; в тунгусских *илан дян*, *ālan tār* (в ламутском) и *elan san* (в негидальском). П. Пельо, а затем и Л. Лигети [Лигети, 1955, с. 138] отметили, что в китайских источниках первой половины I тысячелетия н. э. встречается южносяньбийская глосса — топоним *γučin* («тридцать» по-монгольски). Это указывает на то, что у сяньбийцев была монгольская система числительных, т. е. является морфологическим свидетельством их монголоязычия. Кроме того, такой факт позволяет говорить о том, что в начале I тысячелетия н. э. морфологическая структура монгольских языков Центральной Азии насчитывала длительный период существования и очень давно развивалась параллельно с древнетюркской и тунгусо-маньчжурской.

Легко также заметить, что при близости числительных внутри языковых ветвей (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской) сами эти ветви достаточно далеко отстоят друг от друга. Причем системы числительных, естественно, отразили в языке сложившуюся у разных групп народов систему счета. Так, система счета у тюркских народов, судя по древнетюркским текстам, строилась по схеме: первый десяток + 1, 2, 3, 4, из последующего десятка, например, 12 — *iki jāgirmī*; 17 — *jāti jāgirmī*; 13 — *üč jāgirmī*; 50 — *elig* (от *elig* — кисть руки, рука). Она, несомненно, происходит от счета с помощью пальцев.

Древнетюркская система счета, отраженная в числительных древнетюркских текстов, качественно отличается от систем счета, также имеющих истоком счет по пальцам, но сложившихся у носителей монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. У них счет строится по схеме прибавки единиц к первому (предыдущему) десятку: 10 + 1, 2, 3, 4... до 20. Например: монг. *arban nigen* — 11; *arban хојаг* — 12; *arban γurban* — 13; *arban do-lууаn* — 17 и т. д.

Система счета с помощью пальцев возникла, очевидно, как

и меры длины, у предков алтайских народов тогда же, когда первобытные бродячие охотники стали изготавливать широко тиражированные однотипные изделия из камня, например ножи и наконечники дротиков и копий, имеющие определенную длину и ширину, а также стали употреблять обработанные шкуры в качестве одежды, а затем сшивать эти шкуры с помощью шильев, проколов, а затем и игол, измеряя обрабатываемые материалы с помощью кисти руки для придания им необходимого размера и формы. На большом фактическом материале археологами доказано, что палеолитическое население не только умело считать, но и обладало определенной системой математических знаний. Нет оснований думать, что предки алтайских народов были исключением среди других древних народов.

Проверить предположительное время формирования монгольских языков, хотя и без большой степени точности, можно исходя из лексико-статистического подсчета, сделанного Клоусоном, выводы которого, в общем, подтверждаются приведенными данными по фонетике и морфологии. Даже при сравнительно малой надежности глоттохронологических подсчетов, учитывая стабильность условий природной среды и многих черт хозяйственно-бытового уклада, можно использовать эти данные для определения приблизительной временной протяженности процесса сложения монгольских и тюркских языков. Клоусоном установлено, что за 700 лет в монгольском языке устарел лишь 1% базовой лексики, т. е. найдена константа изменчивости базовой лексики, которую можно назвать константой Клоусона. Используя ее, можно сделать следующий математический расчет: если в течение 700 лет сохранилось употребление 99% базовой лексики, то период, в течение которого должны были замениться все 99 слов, был бы равен $\frac{700}{1} = \frac{x}{100}$, что составляет 70 000 лет (а в тюркских — около 100 000 лет). Таким образом, установленная Клоусоном константа изменчивости базовой лексики монгольских и тюркских языков [Клоусон, 1969, с. 31] позволяет, хотя бы очень приблизительно, отнести начальный период сложения базовой лексики к палеолитической древности.

Предложенные выводы, которые хорошо согласуются с лексико-статистикой и археологией, не могут, однако, объяснить загадочные явления алтаистики: закономерности фонетических соответствий, сходство морфологии и синтаксиса, установленные сравнительным языкознанием. Их слишком просто объяснить заимствованием. Но даже в лексике каждый случай заимствования должен быть всесторонне и внимательно рассмотрен, а время и причины заимствования объяснены [Владимирцов, 1911, с. 153—184; Ligeti, 1955; Rona-Tas, 1966]. Поэтому, прежде чем отвечать на эти вопросы, следует рассмотреть вопрос о территории, на которой в древности формировались монгольские народы и языки.

На вопрос о месте формирования алтайских языков с несомненностью дают ответ прежде всего данные топонимики, в течение многих лет тщательно исследовавшиеся Э. М. Мурзаевым. Он установил, что в топонимике Центральной Азии значительно преобладают монгольские, тюркские, а на ее окраинах — тибетские и китайские названия. Наиболее распространены монгольские, причем даже в таких местностях, где теперь или совсем нет монголоязычных народов, или они составляют незначительный процент населения. Это говорит о том, что именно Центральная Азия была родиной монгольских, тибетских, тюркских народов и что они являются автохтонным населением этой территории. Он справедливо полагает, что в южной части этого региона прамонгольские племена формировались, в частности, в области верховьев рек Хуанхэ, Янцзы и оз. Кукунор. Э. М. Мурзаев ссылается на Г. Е. Грумм-Гржимайло, который считал, что все древнейшие географические названия, встречающиеся в районе Кукунора и в верховьях Хуанхэ и упомянутые в «Вэйшу» («История княжества Вэй», IV в.), а также в других исторических сочинениях до X в., если не тибетские, то монгольские или звучат как монгольские.

Э. М. Мурзаев приводит примеры такого далекого проникновения монгольских географических названий и их устойчивости: в Синьцзяне, Тибете, даже Гималаях очень часто можно встретить монгольские географические названия. В районе оз. Кукунор (Синее озеро) много монгольских названий: Тумурту-Ула (Железная гора), Хара-Нур (Черное озеро), Цайдам (Солончак), Хара-Усу (Черная вода), Джаран-Нур (Шестьдесят озер) и т. д. Река Хуанхэ в своих верховьях известна как Алтан-Гол (Золотая река), верховье Салуена называется Хара-Усу (Черная вода), а протекает река по Одон-Тала (Звездной равнине). Рядом с Лхасой лежит озеро Тэнгри-Нур (Небесное, или Божественное, озеро) [Мурзаев, 1956, с. 197—198].

Проследив на современной карте Центральной Азии географические названия, мы видим, что в Северном Тибете наряду с тибетскими и китайскими названиями бытуют монгольские; например, р. Янцзы называется Улан-Мурэн (Красная река). Озера в истоках Хуанхэ также имеют ярко выраженные монгольские названия — Джаран-Нур и Орин-Нур. В верховьях Янцзы расположено Илису-Нур (Песчаное озеро), Найчи-Гол, впадающая в Давсан-Нур (Соляное озеро). Между Бэйшанем и Алашанью течет река Эдзин-Гол, впадающая в озеро Гашун-Нур и Саго-Нур. *Эдзин* (от монг. «эдэн») переводится как «хозяин» (перен. «дух-хозяин данной местности»), *гашуун* — «горький», *саго* — «небольшой, маленький», т. е. река Хозяина, а озера: одно — Горькое озеро, а другое — Малое (горькое) озеро.

Название Ордос (множественное число на «с» от тюркско-монгольского «ордо») — «помещения пограничных караулов», «дворец», «ставка». Название столицы тангутского государства

Си Ся — Эдзина — легко восстанавливается с монгольского: Эдзэн имеет в среднемонгольском кроме уже указанных еще и значение «владыка, государь», следовательно, название города может быть передано как Город-государь, Город-владыка, т. е. Главная столица. После разгрома его войсками Чингисхана развалины города получили также монгольское имя Хара-Хото, т. е. Черный город (перен. Зловредный).

В МНР и Северо-Восточном Китае много топонимов, аналогичных приведенным (Шара-Мурэн — Желтая река, Ойн-Гол — Лесная река, оз. Баян-Цаган-Нур — Богатое белое озеро и т. д.).

В Западной Монголии, а особенно в Кашгарии и Джунгарии, сохранились тюркские названия, например: р. Байдарик (тюрк. Бай-Тарик — Богатое зерно, т. е. река, земли по берегам которой давали хорошие урожаи зерновых), оз. Хубсугул (тюрк. Копсу-Кель — Многоводное озеро), Хиргис-Нур — Киргизское озеро — составлено, видимо, из этнонима жившего здесь в древности народа кыргызов с позднее присоединенным монгольским словом «озеро», т. е. древнетюркские топонимы в этих районах перекрываются позднее монгольскими, что согласуется с данными письменных источников.

Китайские географические названия на карте Центральной Азии, как отмечается Э. М. Мурзаевым, более позднего происхождения. Они часто являются калькой с соответствующих местных названий (например, кит. Цинхай — Синее озеро — калька монгольского Кукунор, означающего то же самое). Местному населению эти китайские кальки малоизвестны или совсем неизвестны. Здесь, как и в Западной Монголии, часто к более раннему названию, данному местным, ныне исчезнувшим населением, прибавлена более поздняя китайская номенклатурная географическая единица (*хэ* — «река», *хай* — «озеро» и т. п.).

Топонимика Восточного Туркестана хранит память о древнем ираноязычном (согдийском или еще более раннем, тохарском, скифо-сакском) населении этих районов (например, иран. дарья — река и т. п.). Тибетцы называют р. Салуен Сог-чу, т. е. Река соков. Сог-по — название, которым тибетцы в древности обозначали сначала согдийцев, а позднее монголов. Истоки реки лежат в горах, причем один из хребтов носит монгольское название Баян-Хара-Ула (Богатая черная гора).

Таким образом, благодаря топонимическим данным устанавливается первоначальный ареал формирования носителей алтайских (монгольских и тюркских) языков в Центральной Азии. Топонимика Северо-Восточного Китая дает частично ареал тунгусо-маньчжурский в сочетании с более поздним китайским, а частично, в западной части, ареал монгольский (например, Улан-Хото — Красный город, Халун-Аршань — Горячий целебный источник, Шара-Мурэн — Желтая река, р. Чол — Пустыня, Далай-Нур — Море-озеро и др.). Вместе с тем в Северной Мон-

голии наряду с собственно монгольскими сохранились некоторые гидронимы, свидетельствующие о когда-то жившем там населении тунгусской языковой принадлежности. Например, р. Селенга, которую под этим названием упоминают китайские источники в I тысячелетии н. э., значит Железная река (от тунгусского слова «сэлэ» — «железо»).

Приведенные примеры, количество которых можно было бы увеличить, четко указывают на то, что зоной формирования монгольских народов были степные и лесостепные районы Центральной и Восточной Монголии, что протомонгольские племена селились в прихинганских районах Маньчжурии и вообще располагались значительно южнее районов современного расселения.

Б. Я. Владимирцовым было установлено, что многие из топонимических названий, упоминаемых в древнетюркских текстах VIII в. н. э., бытуют в Монголии и в XX в. [Владимирцов, 1929, с. 169—174], т. е. обнаруживают ту же устойчивую традицию, что и базовая лексика.

Топонимические данные хорошо согласуются с данными Сы-ма Цяня, отразившего в своем сочинении основную тенденцию в отношениях между предками китайцев, формировавшимися в долине Хуанхэ, и «варварскими племенами» — северными соседями. Постепенно, освоив мягкие плодородные лесовые почвы речной долины, китайцы стали оттеснять «варваров», кочевников, к северу [Таскин, 1968, с. 10—11]. В надписях на иньских гадательных костях (ок. 1500 лет до н. э.) южные пределы земель, занимаемых этими чуждыми Китаю племенами, охватывали районы современных городов Баотоу, Ордос, часть пров. Шэньси и ее стык с Нинся и Суйюань [Позднеев, 1899; Таскин, 1968, с. 6—7].

Эти данные письменных китайских источников также подтверждают, что в Центральной Азии уже в те далекие времена должна была господствовать некитайская топонимика. Интересен сам характер сохранившихся перечисленных выше топонимических названий: они сугубо конкретны и описательны, отмечают особенности и свойства воды, земли, почв, минералов, имеющие хозяйственное значение или служащие ориентиром. Семантика их и теперь ясна. Такой тип образования топонимов един для всех народов мира. Он типичен для древнейшего топонимического пласта и свидетельствует о первичности обитания на данной территории народа, оставившего такие топонимы [Попов, 1965, с. 21—23, 149—167].

Топонимический материал позволяет сделать, хотя и очень предварительные, выводы о том, что древнейшие из сохранившихся топонимов построены по алтайской синтаксической модели. Так, в сложных топонимах (как в XIII в., так и в настоящее время) конструкция определение — определяемое строится таким образом, что определение предшествует определяемому

(например, Хара-Ус-Нур — Черно-водяное озеро). Можно полагать, что позднейшие синтаксические конструкции развивались на основе древних, очень устойчивых форм, в которых проявились элементы общеалтайского сходства. Вместе с тем конкретные топонимические материалы не дают права утверждать, что у всех алтайских языков был единый язык-основа, или праязык, а строго очерчивают три первичных ареала, населенных в древности, очевидно, представителями трех ветвей алтайской языковой семьи. При этом в контактных зонах наблюдается совмещение топонимии: на востоке — тунгусо-маньчжурской и монгольской, на западе — тюркской и монгольской, на юге — монголо-тибетской и монголо-китайской.

Попытаемся реконструировать древнейшую языковую ситуацию с помощью сопоставления языковых и археологических источников. Археологическими исследованиями в Центральной Азии и сопредельных районах было доказано, что на этой территории наиболее ранними видами хозяйственной деятельности древнего населения (в палеолите, мезолите) были охота и собирательство, сочетавшиеся у прибрежных жителей с рыболовством. Сложившись в палеолитический и мезолитический периоды, эти виды присваивающего хозяйства прослеживаются в одних случаях как подсобные (у монголов), а в других — как ведущие типы хозяйственной деятельности (у тунгусов) [Васи-левич, 1969, с. 42].

Известно, что лексика формируется в языке на основании понятий, в которых отражается общественная практика человека. Целесообразно поэтому рассмотреть некоторые данные лексики алтайских языков, которые связаны с занятиями предков. При отборе лексических единиц были учтены указания в письменных источниках видов промысловых животных, к которым относились мясные (верблюд, лошадь, олень) и пушные (белка, заяц, соболь и т. п.), а также упоминания о том, что особая роль в обрядовой практике центральноазиатских племен издавна отводилась собаке и лошади. Поэтому в первую очередь была сопоставлена лексика, связанная с обозначениями этих животных в алтайских языках.

	Киданьский	Монгольский	Тюркский	Тунгусо-маньчжурский
Заяц	təulaʃ	туулай	tauʃqan	маннукан
Белка	—	хэрэм	teʃiŋ	улукй
Соболь	—	булга	kiʃ	чипкан, некэ, дэнкэ
Лисица	—	үнэг (эн)	tülki	сулакй
Олень	—	буга, цаа, ор		орон, буга, бэгон багдака, куярка
Верблюд	—	тэмээ, буур	tewe	тэмэгэн, тэвен
Лошадь	morin	морь(ин)	at	мурин, moyin
Собака	nohoу	нохой	ит	ңинакин
Волк	—	чоно, čino	бури	иргичй, гускэ, гушко
Рыба	—	загас, заҗасун		олло
Охота	—	аб/аба, агнуур гөрөө	балык ав-ава	бэюмэжит, булта

В западномонгольских средневековых памятниках, отражающих языковые нормы XIII—XIV вв., в частности в словаре «Мукаддимат ал-адаб», глоссарии Ибн Муханны, встречаются термины «*adūsun, adūn*», которые употреблялись в значении «скот», «животные», т. е. как собирательные. Вместе с тем уже в чжурчжэньском языке, а затем и в монгольском встречается слово *aγta*, близкое к древнетюркскому *at*, но только в смысле «мерин», «скаковой холощеный конь», т. е. не как собирательное, как это было в древнетюркском, а избирательное, что может косвенно свидетельствовать о заимствовании этого слова у тюрков.

Монгольская терминология, связанная с коневодством, на редкость богата и разнообразна: в ней много оттенков для обозначения возрастных, половых, цветовых (по масти), аллюрных различий лошадей. Все это говорит о чрезвычайно длительном развитии понятий, связанных с лошадью, в монгольских языках. Это подтверждается и археологическими данными, согласно которым лошади еще в палеолите были объектом охоты, а после приручения стали наряду с собакой главными помощниками в ведении пастбищного скотоводческого хозяйства кочевого типа. Названия облавной охоты (*ав-ава*) одинаковы для монгольского и тюркского языков, но в монгольском языке охота загоном называется *агнуур*, а охота на хищных диких животных — *гөрөө*. Это говорит о том, что охотничье хозяйство древнейших предков монгольских народов на территории Центральной Азии прошло несколько этапов: наиболее ранним из них была, очевидно, охота облавой, затем загоном и только потом уже индивидуальная охота с луком и стрелами.

Характерно, что в названиях крупных животных, которые были объектами коллективных облавных охот в древнейший период, наблюдается и межгрупповое сходство, например, в слове *биүи, бугу, бука* — «бык», «олень» [Клеменц и Хангалов, 1910, с. 1]. Для этого времени характерна охота с метательным оружием типа копья или дротиков. В древних видах вооружения наблюдаются общие названия метательного оружия (копье — монг. *jida*, тунг.-барг. *гида*, чаг. *süngü*, ДТС *sünjüg*). Причем, как и в терминах, связанных с охотой, выделяются как бы два ареала — восточный и западный. Так же обстоит дело с названием ножа: монг. *хутга*, *gituga*, тунг.-барг. *kotoyi*, чаг. *pičag*, ДТС *bjčäq*.

Типы оружия, появившиеся в более позднее время (в мезолитический и неолитический периоды), обнаруживают большее разнообразие в названиях. Так, лук для стрельбы (древнее оружие дальнего боя): монг. *нум*, *питип*, чаг. *уај*, ДТС *ја*, негид. *bäjn*, тунг.-барг. *бер*.

С развитием охотничьего хозяйства и включением в объекты охоты большего круга животных расширялся, естественно, и лексический состав соответствующих понятий и представлений,

связанных с охотничьим хозяйством. В наиболее развитом виде он сохранился у тунгусских народов, для которых охота вплоть до XX в. оставалась основным видом хозяйства. В тунгусских языках часто понятия, связанные с охотой, носят вполне конкретный характер и имеют смысл «добыть зверя», причем в каждом случае речь идет о том или ином конкретном звере (соболь, лисица, олень). В зависимости от этого меняются и термины, обозначающие охоту.

У алтайских народов (тюркских, монгольских), перешедши к другим типам хозяйства, такие дифференцированные, конкретные слова, связанные с охотничьим промыслом, не сохранились. Правда, в текстах XIII в. у монголов встречаются термины «соболевщики» или «белковщики» (*bulaγačin, keremüčin*), но они определяли лишь основное занятие некоторой части монгольских лесных племен, на что обратил внимание еще Б. Я. Владимирцов. Вероятно, у этих племен была развита охотничья терминология, но эти народы были бесписьменными, а в исторических сочинениях монголов эта терминология достаточно четкого отражения не нашла.

Сравнительный анализ лексики из словарного состава древнетюркских и древнемонгольских памятников показывает, что целый ряд слов, обозначающих основные понятия, также отражает межгрупповые различия и полную внутригрупповую устойчивость. Например, части человеческого тела:

	Современный монгольский	Старомонгольский	Чагатайский	Древнетюркский
Кость	яс	yasun	süngük	söruk
Кровь	цус	čisun	qan	qep
Глаз	нүд	nidüm	köz	köz
Печень	элиг	eligen	baγır	baγır
Мясо	мах	mahan	et	et

Аналогично обстоит дело и с такими понятиями, как:

	Современный монгольский	Старомонгольский	Чагатайский	Древнетюркский
Этот	энэ	ene	bu	bu
Мать	эх	öke	ana	ana
Отец	эцэг	ecige	ata	ata
Юрта	гэр	ger	ew	ev
Огонь	гал	γal	otnī	ot
Очаг	голумта	γolumta(ы)	oçaq	oçaq, očuq
Трава	өвс	ebesün	ot	öt, ot
Серебро	мөнгө	möngü	kümış	kümüş
Снег	цас	časun	qar	qar
Белый	цаган	čaγan	ak	aq

Названия дня, солнца, частей света, основных элементов материальной культуры и т. п. также различны:

день — монг. *edür*, древнетюрк. *kün*
солнце — монг. *paḡan*, древнетюрк. *kün*
запад — монг. *bāḡān*, древнетюрк. *kühbatuṣ*
одежда — монг. *dei*, древнетюрк. *ton*

Сравнивая понятия наиболее ранней монгольской и тюркской лексики, относящиеся к предметам и явлениям окружающего мира, можно отчетливо увидеть устоявшиеся уже в тот период различия между ними. Сравнение же лексики монголов с лексикой их письменных памятников XIII—XIV вв. дает при одинаковых значениях лишь незначительные, в основном фонетические, расхождения. Таким образом, есть все основания полагать, что параллельное образование и развитие тюркских и монгольских языков — явление весьма раннее.

Не исключено, что рассмотренные слова с течением времени подвергались фонетическим изменениям, однако неизвестно, насколько они были велики. Пока можно констатировать лишь следующее: алтайские глоссы, сохранившиеся от языков древних насельников Центральной Азии — хуннов, сяньбийцев, киданей, читаются вполне ясно на основе современных алтайских языков. Это свидетельствует о том, что базовый лексический состав языков предков современных алтайских народов отражает определенный устойчивый тип хозяйства и культуры и подвергается изменениям ровно настолько, насколько менялись сами формы жизни носителей языков.

Рассмотрим теперь понятия, связанные с направлениями по странам света и ориентировкой на местности по частям света. В древнетюркских памятниках Кюль-тегина, Тоньюкука, Бильге-хана (VIII в.) ориентировка зачастую дается по углам света — *buluḡ*, например: «Живущие по четырем углам народы я все принудил к миру». «Четыре угла все были им врагами» [Малов, 1959]. Примеров можно привести много. Из них видно, что для тюркских народов Центральной Азии в VIII в. характерной была такая ориентировка на местности, при которой за основу бралось понятие замкнутого пространства. Причем формула *tört buluḡ kor* — «четыре угла света» (другими словами, определение востока, юга, запада и севера, т. е. направления по частям света) — была стереотипным понятием.

При сравнении этого понятия ориентировки на плоскости с планировкой некоторых известных нам на территории МНР городищ, датируемых III в. до н. э. — I в. н. э. [Пэрлээ, 1957], оказывается, что планировка значительной части их как бы иллюстрирует стереотипную формулу ориентировки в древнетюркских рунических текстах. Так, многие городища, находящиеся западнее Хэнтейского горного района, которые археологи признают хуннскими, имеют почти квадратную планировку с расположением углов по «углам света», или, по тюркскому определению, *tönt buluḡ kor*. Эта ориентировка относится к стойким

этноразличителям, по которым можно выделить предков древнетюркского населения начиная уже с III в. до н. э., т. е. в дописьменный период, так как по этому признаку наблюдается полное тождество тюрков VIII в. с хуннами — их этническими предшественниками в I тысячелетии до н. э. и ранее.

В памятниках монгольского языка направление по частям света выражается словом *jug*, которое и в современном языке (*зуг*) означает «страна света». В памятниках материальной культуры на территории Восточной Монголии наблюдается такая же устойчивая традиция в планировке городов — как современных, так и древних. Но эта традиция характеризуется иными, отличными от тюркских чертами: прямоугольная планировка с расположением строго по странам света стен, а не углов. Этим она коренным образом отличается от древнетюркской и хуннской. Расположение монгольских городищ и других памятников строго по странам света можно проследить начиная с глубокой древности и до настоящего времени. Следовательно, и по этому признаку сопоставление данных языка и археологии с живой этнографической действительностью дает устойчивую тенденцию.

Вопрос о времени, к которому относится появление понятий, связанных с указанным типом ориентировки на местности, хорошо согласуется с гипотезой о двух ареалах. При том, что у тюркских и монгольских народов в древности были одинаковые понятия о делении на части света (север, юг, восток, запад), осмысление их было очень различным. Так, в памятнике Кюльтегина (VIII в.) встречаем: налево (т. е. на север), вперед (на восток), направо (на юг), назад (на запад). Таким образом, несомненно, что в понимании тюрков того времени «восток» и «перед» были тождественны. В китайских летописях эпохи Хань сообщается, что хуннский шаньюй (глава племени и империи) поклонялся солнцу по утрам. Поклонение хуннов, потомками которых китайские хроники называли тюрков, восходящему солнцу объясняет причину совпадения понятий «перед» и «восток» в древнетюркских текстах.

У монголов ориентировка на местности связана с иными представлениями. В текстах XIII в. и вплоть до настоящего времени понятия «юг» и «перед» у монголов адекватны и выражаются словом *урьд*. Соответственно меняется и расположение остальных частей света по отношению к стоящему человеку: «левый — восточный», «правый — западный», «задний — северный». В «Ляоши» сохранились сведения о поклонении киданей солнцу в зените. Этот обряд отличает предков монгольских народов от их тюркских соседей, а также объясняет причину совпадения понятий «перед» и «юг». Он характерен для целой группы восточноазиатских народов, территориально связанных с Центральной и Восточной Азией, к которым из алтайской семьи относятся монгольские и тунгусо-маньчжурские, а также

многие народы китайско-тибетской языковой семьи. У тибетцев, китайцев, тангутов, как и у монголов в древности и средневековье, существовали обряды, связанные с поклонением солнцу в зените.

Изложенное выше дает основание предположить, что неодинаковые ориентировки по частям света сложились еще в доэтнический период, т. е. задолго до формирования самих китайско-тибетских, алтайских или индоевропейских языковых общностей. При этом древние религиозные анимистические верования, сопровождавшиеся обрядами поклонения солнцу на восходе и связанные с ориентировкой «перед — восток», видимо, были в оппозиции к верованиям населения, поклонявшегося солнцу в зените и ориентировавшегося на «перед — юг». Эти анимистические верования древнейшего населения, возможно, были связаны с двумя крупными историко-культурными областями, которые удалось выявить и определить советско-монгольским археологическим экспедициям на основании изучения археологических памятников эпохи палеолита МНР и сопредельных регионов [Дорж, 1969, 1971; Ларичев, 1968; Окладников, 1973].

Установлено, что еще в раннем палеолите территория Центральной Азии была зоной контактов и взаимодействия носителей двух ареалов культуры: западного, с орудиями типа «ручных рубил», и восточного, в котором доминировали грубо оббитые галечные орудия. А. П. Окладниковым отмечено, что четкие границы ареалов отсутствуют и что происходило взаимопроникновение бродячих групп охотников-собирателей и техники обработки каменных орудий и в западном и в восточном ареалах.

Центральная Азия, таким образом, уже в палеолитический период была обширной зоной контактов носителей обеих культур, которые на этой территории представлены в состоянии диффузии. Здесь пока еще нельзя выделить группы памятников материальной культуры, отличающихся друг от друга четким комплексом разграничительных признаков и по этим признакам резко противостоящих соседним и даже территориально более далеким культурам [Окладников, 1973].

Археологические материалы и построенные на них выводы согласуются с некоторыми данными сравнительного языкознания.

В последнее десятилетие на основе сравнительного метода впервые было доказано родство между шестью большими языковыми семьями Старого Света: алтайской, уральской, индоевропейской, картвельской, семито-хамитской и дравидийской, которые объединяются в ностратическую макросемью. Между упомянутыми языковыми семьями В. М. Илличем-Свитычем были установлены фонетические, морфологические и лексические соответствия. Кроме того, выявлено много лексических и морфологических элементов, общих для всей ностратической макросемьи.

Эти общие выводы базируются на более частных исследованиях, в которых сначала компаративистикой XIX—XX вв. были установлены общие черты (в морфологии, лексике, фонетике, синтаксисе) у территориально смежных языковых семей, а затем из них выведены более общие соответствия. Сходство между уральскими и индоевропейскими языками (И. Куно, Н. Андерсен, Ф. П. Кеппен, К. Виклунд, Д. Шинор и др.), уральскими и алтайскими (В. Шотт, А. Кастрен, М. Ряснен, К. Менгес и др.), индоевропейскими, финно-угорскими и алтайскими (О. Доннер), индоевропейскими и семитскими (Н. Мёллер), индоевропейскими и картвельскими (Г. А. Меликишвили и др.), картвельскими и семитскими (Н. Я. Марр), картвельскими и уральскими (Б. Мункачи, А. Глейе) позволило сделать ряд общих заключений. В XIX в. А. Кастрен так сформулировал идею близости алтайских и уральских языков: «Между финским и монгольским языками есть родственное отношение, хотя и довольно дальнее, гораздо значительнее сродство монгольского языка с тюркским, а в бурятском я тотчас открыл много точек соприкосновения с самоедским.

Хотя и трудно сказать вперед, к каким результатам может привести исследование этих языков, однако ж я считаю весьма вероятным, что тюркские, финские и самоедские народы составляют посредствующее звено или, пожалуй, посредствующую расу между монгольской и кавказской» (цит. по [Владимирцов, 1927, с. 88]).

В начале XX в. Х. Педерсен ввел в научный оборот термин «ностратические языки», включив в их число по предполагаемому родству индоевропейские, урало-алтайские и семито-хамитские языки. Р. Колдуэлл, а затем А. Тромбетти показали элементы сходства в более широком диапазоне языков: семито-хамитских, дравидийских, индоевропейских, уральских, алтайских, а работами И. Ангере в 50-х годах этот диапазон сходств был распространен и на языки юкагирской и чукотско-камчатальной групп.

В. М. Илличем-Свитычем, который в своих работах привлек все языки из перечисленных ранее семей, было доказано их родство и предложено объяснение этого феномена [Иллич-Свитыч, 1971]. На картах, приложенных к изданию 1971 г., наглядно иллюстрируется гипотеза автора. Он не оспаривает теорию праязыка и ностратические языки зачастую сравнивает на праязыковом уровне, который исследователь реконструирует путем выявления праформ. Этот праязык каждой из родственных ностратических языковых семей, по мнению В. М. Иллича-Свитыча, возник в определенных центрах, т. е. каждая из языковых семей, в том числе и алтайская, произошла от своего, единого праязыка. Алтайский праязык, как считает В. М. Иллич-Свитыч, формировался в верховьях великих сибирских рек, на Алтае [Иллич-Свитыч, 1971, с. 45]. Таким образом, получается, что

территория Центральной Азии не входила в зону формирования алтайских языков.

А. Б. Долгопольский показал фонетические соответствия между семито-хамитскими, картвельскими, индоевропейскими, уральскими и алтайскими языками. Его примеры охватили все группы языков и обнаружили близость не только фонетическую, но частично и семантическую, а также показали, что расхождения увеличиваются по мере территориального удаления друг от друга носителей языков. Он неоднократно выступал с позиций ностратического языкознания в ряде работ, однако в отличие от В. М. Иллича-Свитыча возводит генетическое родство всех ностратических семей к единому центру, который на карте помещает в Восточном Средиземноморье [Долгопольский, 1971, с. 106—119]. Таким образом, даже среди самих представителей ностратической теории нет единой точки зрения на истоки родства перечисленных языковых семей, объединяемых в число ностратических.

Следует отметить также, что лингвистические реконструкции единой праязыковой формы очень условны, как это заметили и сами сторонники сравнительного языкознания, а Д. Шинор справедливо рассудил, что, раз тезис алтайского единства недоказуем, значит, есть что-то неправильное в самом этом тезисе, на что обратил внимание А. М. Щербак [Щербак, 1971].

Основным недостатком тезиса о едином праязыке, сформировавшемся где-то в районе Алтая (по А. Кастрену и В. М. Илличу-Свитычу) или в Восточном Средиземноморье (по А. Б. Долгопольскому), представляется его полная несогласуемость с археологическими материалами и историей человеческого общества. Теория праязыка была выдвинута в XIX в. А. Мейе. Она основывалась на данных индоевропейского языкознания, давшего ей лингвистическую основу, а также на мировоззренческой концепции, согласно которой единой прародиной человечества было Восточное Средиземноморье. Сам А. Мейе, вероятно, не ставил своей целью доказать библейскую легенду (которая все же в его концепции присутствует в снятом виде, просто как основа мировоззрения).

Однако уже в XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые исходили из строго проанализированных исторических фактов и материалистического понимания взаимосвязей между уровнем общественного развития и языковой ситуацией, был выдвинут тезис о том, что развитие языков шло от множества к единству, т. е. единый язык формировался на основе сближения, которое происходит в процессе исторического развития общества, его экономики и культуры: «В любом современном развитом языке естественно возникающая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в анг-

лийском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией» [Энгельс, т. 3, с. 427].

Мысль о том, что единый язык, язык общенациональный, есть явление, связанное с развитием капиталистического рынка, т. е. вызывается к жизни потребностями высокоорганизованного, экономически спаянного общества, высказана и В. И. Лениным: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем» [Ленин, т. 25, с. 258—259].

Таким образом, основоположники марксизма-ленинизма указали на связь между развитием языка и уровнем экономического и политического развития человеческого общества, на то, что единство языка достигается в ходе длительного, сложного и неоднозначного процесса общественной эволюции. Вместе с тем основоположники марксизма указывали на то, что «язык так же древен, как и сознание» [Энгельс, т. 3, с. 29], причем наиболее ранней формой языкового развития была, по их мнению, естественно возникшая речь.

Эти теоретические положения основоположников марксизма целиком подтверждаются полученными в конце XIX — в XX в. этнографическими и археологическими материалами. Известно, что наибольшую трудность из-за своего разнообразия при классификации представляют бесписьменные языки народов и племен, которые в условиях значительной и длительной изоляции сохранили низкий уровень производства, например папуасы Новой Гвинеи, аборигены Австралии, ряд африканских народов, индейцы Южной Америки и др. Установлено также, что до образования государства Чингизидов в XIII в. у предков монголов, обитавших в Центральной Азии, была обнаружена в VII—XII вв. значительная диалектная дробность [Лигети, 1955].

Наконец, археологическими исследованиями в МНР и на соседних территориях выявлено, что наиболее древней, еще доэтнической формой существования человеческого общества здесь были изолированные, дисперсно расселенные на больших пространствах общины охотников и собирателей с крайне примитивными орудиями труда. Они заселяли территорию современной Центральной Азии, Дальнего Востока, Средней Азии, Китая, бродили в поисках пищи, следуя за естественными миграциями животных. В условиях разъединенности не было и не могло быть экономической, политической и культурно-исторической основы для существования единого языка. Поэтому речь как знаковая система вырабатывалась, очевидно, в узких преде-

дах кровнородственных коллективов, которые вступали в контакты со своими ближайшими соседями. Эти контакты могли быть различны. Они могли приобретать форму брачных связей, военных столкновений или обмена. В этих случаях речь соседних общин, каждая из которых была связана как бы по цепочке с другими соседними общинами, была взаимопонимаемой. Такая языковая ситуация у населения каменного века была охарактеризована советским этнографом С. П. Толстовым [Толстов, 1950] как «первобытная лингвистическая непрерывность». Термин, введенный им, означал ситуацию, при которой соседние первобытные общины, принадлежавшие к разным кровнородственным коллективам, вступали между собой в брачные связи (т. е. отношения свойства). Они говорили на взаимопонимаемых языках, так как языки территориально близких общин мало отличались друг от друга. По мере территориального отдаления разница в языках возрастала до полного непонимания. Г. Д. Санжеев, изучая состояние древнейших монгольских языков, справедливо применил название «родовые языки» [Санжеев, 1950]. Подобная языковая ситуация была продемонстрирована Н. А. Бутиновым на примере аборигенов Австралии [Бутинов, 1951]. К этой гипотезе близка и выдвинутая на материалах финно-угорских языков теория контактов [Бубрих, 1949].

При общих и универсальных для всего человечества закономерностях развития речи (наличие гласных и согласных звуков в слове, деление на слоги, определенное количество смысло-различительных звуков в человеческой речи, определенный предел частотности, воспринимаемой человеческим ухом, и т. п.) этот звуковой материал мог дать и давал значительное количество вариаций. Вместе с тем процесс осмысления мира, освоения природных ресурсов, протекавший в сходных условиях, создавал ряд универсальных форм в значительных пространственных ареалах, чем вырабатывалась известная типологическая общность. Привычка к повторению изученных поколениями предков охотничьих маршрутов способствовала общению передвигавшихся в этом пространстве кровнородственных коллективов и их сначала эпизодическим, а затем и более постоянным связям. Археологами были прослежены на вещественном материале такие связи еще в каменном веке между центральноазиатскими и соседними народами.

В топонимической номенклатуре [Мурзаев, 1956, с. 191] Восточной Азии можно проследить связи между алтайскими и китайско-тибетскими языками, видимо относящиеся к древнейшему состоянию лингвистической непрерывности, предшествовавшему формированию этнолингвистических общностей. Например, понятие «вода-река»: тибет. *чу*, кит. *шуй*, тюрк. *су*, монг. *усун*. Еще на один пример языковых связей указал П. Поуха. Так, в древних текстах у разных народов понятие «небо» (божество-небо) в различных фонетических модифика-

циях прослеживается от Дальнего Востока до Передней Азии с одинаковым значением: древнешум. *дингир*, тюрк.-монг. *тэнгри*, кит. *тянь*. Эти примеры, даже немногочисленные, крайне показательны, так как они, как и примеры А. Б. Долгопольского, относятся не к современным, а к древнейшим языковым явлениям. Причем одна из линий фонетико-семантических связей является северной (типа *mōg/mūr, mūgen*), а другая — южной (типа *шуй — чу — су — усу*), и обе они в равной мере свойственны Центральной Азии, являясь, всего вероятнее, следами былой лингвистической непрерывности, существовавшей в период каменного века. На это же указывает и отсутствие резких языковых границ, и взаимопонимание разных языков в маргинальных зонах, сохранившиеся до сих пор в Центральной Азии.

Алтайскую общность, таким образом, автор настоящей работы не склонен возводить к единому праязыку, распавшемуся впоследствии на ряд самостоятельных языков. Она — результат первобытной лингвистической непрерывности, характерной для всего человеческого общества эпохи палеолита, в том числе и на территории Центральной Азии. Пути формирования языков, объединяемых в группу алтайских, к числу которых относятся и монгольские языки, были более сложны, чем разделение единого языка. Проблема происхождения алтайских языков, очевидно, не может решаться только средствами лингвистики, необходимо учитывать данные смежных наук.

Определение языковой атрибуции древних народов в дописьменный период, тесно связанные с проблемой происхождения алтайских языков и формами их первоначального существования, также не может быть решено вне представления об этносе как о сложной биосоциальной системе, в которой язык — только одна, хотя и важнейшая из подсистем. Формирование языка происходило постепенно в теснейшей связи со становлением человека, его трудовых навыков и психической деятельности, вырабатывавшихся в определенной природной и социальной среде, в которой язык формировался и развивался как необходимое средство коммуникации. Язык прежде всего выполнял функции регулятора отношений в коллективе². И именно поэтому язык можно рассматривать как социально-психологический феномен, который формировался вместе со сложной биосоциальной системой этноса. Древнейшее языковое родство, которое показано сторонниками ностратической теории в Центральной Азии, первоначально восходит не к единому или нескольким языковым центрам, а к первобытной лингвистической непрерывности эпохи палеолита. На ее основе в ходе длительного и сложного процесса исторического развития местных народов формировались и их языки. Она занимала весьма широкий пространственный ареал, на базе которого складывались типологически однородные, но в конкретных проявлениях весьма разнообразные тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Глава I

ПРЕДКИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ В КАМЕННОМ ВЕКЕ (доэтнический период)

Формирование этнолингвистического ареала, на базе которого в дальнейшем путем сложных и длительных процессов спонтанного развития, смешения, дифференциации и интеграции в Центральной Азии образовывались монгольские племена, было тесно связано на начальном этапе с общим процессом антропогенеза. Основываясь на новейших достижениях биологии, психологии, социологии, исследователи полагают, что формирование человека длилось много миллионов лет и о первых людях можно говорить в пределах около 1,5 млн. лет [Ярошевский, 1975, с. 23, 28]. Первые же следы специфически человеческой деятельности (орудия труда и заготовки для них), обнаруженные на территории МНР, относятся к сравнительно позднему времени — к концу нижнего палеолита (200—100 тыс. лет назад). Многолетними усилиями советских и монгольских археологов в различных районах Монголии собраны орудия труда людей каменного века (Н. Доржсурэн, В. Е. Ларичев, В. В. Волков, Д. Наваан, О. Намнандорж, А. П. Окладников, Н. Сэр-Оджав, Б. Ширендыб, Г. Эрдэмбилэг и др.). Множество каменных орудий обнаружено и в соседних регионах.

Исследования стоянок каменного века в Евразии позволили А. П. Окладникову предложить свою концепцию заселения Центральной Азии древним человеком. Он полагает, что к концу нижнего палеолита Центральную Азию заселили группы бродячих охотников-собирателей, хаотически двигавшихся в поисках добычи из двух ареалов, ранее освоенных первобытным человеком. Один поток древних переселенцев был связан с восточным и юго-восточным регионами Азии. Пришедшие оттуда группы принесли в Центральную Азию свою технику обработки камня и традицию изготовления доминирующего типа орудий из грубо

оббитых с одной стороны галек. Много таких галечных орудий (чопперов и чоппингов) найдено в МНР.

Второй поток переселенцев двигался с запада. У них доминировали иные типы орудий труда и техника их обработки — двусторонне обработанные грубыми сколами ручные рубила, сходные с ашельскими. Каждая из традиций продолжала развиваться на территории Монголии и в последующий период, но преобладающим типом были галечные орудия [Окладников, 1962, 1963; Окладников, Ларичев, 1963; Ранов, 1970, с. 22]. Центральная Азия была зоной контактов носителей обеих традиций, о чем говорят находки того и другого типа орудий на территории МНР, одни из них сходны с алтайскими и среднеазиатскими, а другие близки к амурским образцам [Окладников, 1973].

Опубликованные археологами материалы позволяют предположить, что у населения Центральной Азии начиная с нижнего палеолита было несколько разновидностей орудий из камня, которыми можно было производить такие виды работ, как удар, скобление, резание. С помощью этих орудий обрабатывались более мягкие материалы (дерево, кожа, кость).

О культуре населения Центральной Азии этого времени можно судить главным образом по каменной индустрии. Она характеризуется очень небольшим набором грубо обработанных орудий труда, приспособленных для несложного комплекса движений (удар, резание, скобление). Связи между физическим типом древнейших людей и орудиями их труда установлены С. А. Семеновым [Семенов, 1957, гл. IV]. Поэтому, хотя костных останков человека раннего палеолита на территории Монголии пока не обнаружено, о его общем облике можно судить по орудиям труда.

Орудия в нижнем и среднем палеолите были массивными, тяжелыми, крупными. Это позволяет думать, что ими пользовались люди, обладавшие незаурядной физической силой, очень развитой мускулатурой, но недостаточно развитыми сенсомоторными реакциями. Такой вывод подтверждается результатами изучения антропологами отдельных фрагментов костных останков людей нижне- и среднепалеолитического периода, обнаруженных в разных районах Евразии.

150—100 тыс. лет назад на широкой территории — от Тешик-Таша в Средней Азии до нынешних провинций Хэбэй и Шаньси (КНР) — жили люди, у которых еще не было дифференцированных расовых признаков, а лишь намечалась тенденция к такой дифференциации (например, лопатообразные резцы у динцуньского человека, свойственные впоследствии монголоидам) [Окладников, 1949]. Эти древнейшие представители человечества умели пользоваться огнем, жили в пещерах, занимались охотой, в частности на оленей, которых промышляли у водных переправ во время сезонных миграций [Крюков, Че-

боксаров, 1965, с. 38—40]. Очевидно, группы охотников и собирателей, заселившие Монголию 200—100 тыс. лет назад, также умели пользоваться огнем, достаточно хорошо знали повадки животных, время и маршруты их передвижений. Не случайно многие находки чопперов и других орудий с территории МНР сделаны на берегах рек, теперь уже исчезнувших, или в широких речных долинах, где могли в то время располагаться переправы и сезонные пастбища травоядных животных [История МНР, 1967, с. 60].

Основным типом охоты на мясных крупных животных была, очевидно, охота загонном или облавой, в которой участвовали все. Убитое животное затем сообща съедали. Коллектив древних охотников состоял из переходивших с места на место и группировавшихся у общего огня нескольких поколений людей, еще не организованных в экзогамные родовые группы. Однако им должны были быть свойственны формы организации, которые были присущи уже приматам: лидерство, основанное на силе, определенная иерархия в группе, набор звуковых знаков-символов (см. [Тих, 1971]). Можно предполагать, что уже у палеолитических обитателей Монголии активно проявлялись закономерности, установленные французским психологом Э. Дюркгеймом. Речь идет о том, что группа людей думает и чувствует иначе, чем составляющие ее индивиды. Тем самым была выделена группа явлений (коллективных представлений), которые действуют как принудительные внешние нормы, организующие поведение индивида в группе [Дюркгейм, 1899, с. 90].

Перед коллективами людей того времени стоял ряд повседневных задач: организация охоты, распределение добычи, защита от хищных животных и других групп таких же бродячих охотников, освоение окружающей природной среды и передача следующему поколению накопленного коллективного опыта, более богатого, чем опыт отдельного человека. Для решения всех этих задач необходимо было не только создавать нормы поведения, но и совершенствовать понятия об окружающем мире и передавать их с помощью знаков-символов, осознаваемых всеми членами группы.

Передача знаний следующему поколению шла в этот период двумя путями. Одним из них было обучение детей изготовлению орудий труда, охоте, обработке шкур, приготовлению пищи, постройке убежища от холода. Всему этому дети, очевидно, учились играя, путем подражания действиям взрослых. Регуляция отношений внутри группы и вне ее, осмысление предметов и явлений среды обитания осуществлялись при помощи звуковой речи, которая даже 200—100 тыс. лет назад обладала, видимо, достаточным запасом звуковых символов для выражения всего богатства окружающего мира. Солнце и луна, небо и земля, звезды, свет и тьма, текучая вода рек и неподвижная вода озер, горы, покрытые деревьями и травой, олени, слоны, страусы, ло-

шади, верблюды и другие животные, цветы и птицы — весь этот разнообразный мир природы отражался в сознании людей, об-разовывая понятия, которые, в свою очередь, получали названия.

Мир был подвижен, как и сам человек, поэтому названия живым существам часто давали по типу их движения. Не случайно в алтайских языках многие существительные происходят от глаголов, а иногда и строятся по реликтовой модели, указывающей на тип движения. Например, в тунгусо-маньчжурском языке «птица» — это «то, что летает» [Цинциус, 1972]. К древнейшему типу лексики относятся и понятия, связанные с самим человеком, с половозрастными градациями в коллективе, с общими трудовыми действиями, такими, как коллективная охота (и спустя тысячелетия, в XIII в., сохранившая значение в хозяйственной жизни потомков древнего населения Центральной Азии). В нижнем палеолите формировались и понятия, связанные с самим человеком, окружающей средой, действиями и предметами, вовлеченными в сферу повседневной деятельности человеческого коллектива. А основной функцией языка была функция общения и регуляции деятельности коллектива.

Главным средством существования людей палеолита были охота и собирательство съедобных растений. А так как группы охотников-собираателей следовали за сезонными миграциями животных, то не удивительно, что на территории Азии обнаружены два типа памятников, связанных с образом жизни и жильем первобытного человека: 1) временные стоянки, широко известные почти по всей территории МНР и прилегающих районов, и 2) пещеры и укрытия возле гор, в которых можно было жить в холодное время года [Ефремов, 1959].

Жизнь охотников и собирателей заставляла население Центральной Азии быть подвижным, что в той или иной мере способствовало межгрупповому общению, проникновению отдельных знаковых единиц от одной группы к другой, выработке у соседних взаимно общающихся групп сходных знаковых систем в виде необходимого минимума словарного фонда, а также общих фонетических закономерностей, т. е. развитию языковой ситуации, при которой древнейшее языковое родство, названное лингвистами «алтайская общность», имело форму «первобытной лингвистической непрерывности».

В связи с тем, что маршруты сезонных миграций животных, как известно, проходили весной и летом к северу, а осенью и зимой к югу, им должно было соответствовать и передвижение человеческих коллективов, продвигавшихся в поисках добычи на большие расстояния и осваивавших охотничьи угодья на значительной территории. Естественно поэтому, что в круг межгруппового общения вовлекались в первую очередь соседние группы, имеющие близкие маршруты передвижений. Такое положение создавало условия для укрепления постоянных связей,

что требовало у контактирующих групп выработки общих знаковых систем хотя бы в пределах минимума общих понятий и их знакового отображения, которые в нижнем палеолите состояли, очевидно, из небольшого набора недостаточно членораздельных сочетаний гласных и согласных звуков. Но они были в пределах частот, воспринимаемых человеческим ухом, и обладали особенностями сочетания и определенного чередования гласных и согласных звуков, игравших смыслоразличительную роль¹.

Установлено, что количество таких звуков в языках народов мира колеблется в пределах от 14 до 81, но в большинстве языков — 25—30 (Р. Якобсон). Это универсальная особенность человеческой речи и ее родовое отличие от знаковых систем других живых организмов (птиц, животных). Эти фонетические особенности, очевидно, были свойственны уже и первым человеческим коллективам, заселявшим Центральную Азию в конце нижнего палеолита. Из первичных звуковых элементов, которые в алтайских языках по количеству и качеству сходны с большинством известных языков, создавали звуковые сигналы и знаки-символы, которые были тесно связаны с человеческой практикой, развивались, умножались и обогащались вместе с ней и в процессе общения с другими человеческими группами.

Древнейший пласт лексики в алтайских языках, как полагают лингвисты, восходит к однослоговым словам, а в согласных этих лексем преобладают смычные *б, м, т, д* и т. п. [Щербак, 1971]. Например, «огонь» по-монгольски *гал*, по-древнетюркски *от*, по-тунгусски *того*; «я» по-монгольски *би*, по-древнетюркски *бэн, мэн*; по-тунгусски *би*; «этот» по-монгольски *энэ*, по-древнетюркски *бу*, по-тунгусски *тар, эр*; «тот» по-монгольски *тэрэ*, по-древнетюркски *ол*, по-тунгусски *тар*; «коллективная облавная охота» по-монгольски *ав, аб*, по-древнетюркски *ав*, по-тунгусски *эгэлгэ*. Очевидно, однослоговые слова и характеризовали язык древнейших обитателей Центральной Азии, постепенно совершенствовавших звуковую речь. Направления сезонных миграций и их пространственная ограниченность лимитировали общение групп и должны были закреплять сложившиеся связи внутри вытянутого с севера на юг ареала. Естественно, что они были прочнее среди более близких и чаще встречавшихся групп, которые могли обмениваться и предметами материальной культуры, и другими культурными достижениями, например новыми способами обработки материала или вновь освоенными породами поделочного камня, заготовками для орудий или самими орудиями.

В нижнем и среднем палеолите Монголии, по наблюдениям А. П. Окладникова, значительное число памятников падает на мастерские и расположенные по соседству с ними стоянки. Поселки возникали у галечных россыпей и выходов камня, годного для выделки орудий труда (таковы стоянки и мастерские

в Булган-сумуне, Богд-сумуне, а также Отцон-Маньт в Гоби-Алтайском аймаке) [Окладников, 1964, с. 9—16]. Это позволяет думать, что проникавшие на монгольское плато и поселявшиеся там люди не только искали охотничью добычу, но и осваивали сырьевые ресурсы: поделочный камень. Найдя такое сырье, им пользовались поколениями, как, например, в многослойном поселении Мойлтын-ам. Поселявшиеся у выходов камня группы охотников и собирателей получали большие преимущества в виде неограниченных возможностей для изготовления орудий и оружия (для охоты на зверя, обработки и добычи и, наконец, для самозащиты). В худшем положении оказывались группы, не имевшие под руками месторождений поделочного камня. Возможно, что между этими группами происходил обмен, но вероятно и то, что различные орды первобытных охотников в определенное время года приходили к выходам камня и изготавливали орудия, запасаясь ими на длительное время. Этот период и мог быть благоприятным для межгруппового общения, что создавало условия для выработки взаимопонятной речи.

В среднем палеолите (100—40 тыс. лет) на территории Монголии и соседних с нею областей наступило похолодание, связанное с оледенением. Приспосабливаясь к изменившимся условиям, население Центральной Азии освоило гроты, укрытия в горах и пещеры как постоянное жилище и научилось не только пользоваться огнем, но и добывать его. Огонь бережно хранили, с его помощью приготавливали горячую пищу. В среднем палеолите совершенствовались орудия труда, методом «проб и ошибок» вырабатывались новые типы орудий из камня. Широко распространено было изготовление орудий из пластин, сколотых с нуклеусов, остроконечников, которые употреблялись как ножи и наконечники копий, а также скребков для обработки шкур [История МНР, 1967, с. 60—61].

Из шкур в этот период шили одежду, прокалывая ее по краю специальными проколками и соединяя либо жилами, либо тонкими ремешками. Наиболее ранним типом одежды в этих районах были, вероятно, набедренные повязки, натазники и накидки из выделанных шкур. На ноги надевали обувь типа мокасин, закрепляя их на ноге ремешками. Ни кожаные изделия, ни одежда того времени не сохранились. Однако большое количество орудий для обработки кожи, проколов, которые употреблялись как шилья при скреплении отдельных деталей из кожи и шкур, найденных в среднепалеолитических и более поздних памятниках Монголии, говорит о том, что изготовление одежды стало уже повседневным делом. Шкуры животных употреблялись как подстилки, одеяла и плащи, как это было и впоследствии.

Естественным результатом изменения климата было и ограничение подвижности части населения. Охота на мамонта, шерстистого носорога, большерогого оленя и других животных, оби-

тавших тогда в Центральной Азии, требовала концентрированных усилий физически крепкой, закаленной, хорошо обученной, вооруженной и мобильной группы людей. Этим требованиям не соответствовали дети и старики, которые не могли гнаться за зверем по заснеженным пространствам. Поэтому все они, так же как и кормящие матери, должны были оставаться в пещерах и ждать возвращения охотников, чтобы обработать принесенную добычу, помочь в изготовлении орудий труда и оружия для охотников. В их функции входили охрана жилища, поддержание огня и воспитание подрастающего поколения.

Важным последствием холодного климата было и то, что значительное количество времени часть людей стала проводить на сравнительно небольшом пространстве грота, пещеры или иного жилища вокруг огня. Вот почему впечатления и повседневный опыт уходящих на охоту и остававшихся в жилище были различны. Это порождало стремление к обмену впечатлениями. Стремление к общению ради общения, являющееся одним из видов специфически человеческой деятельности, должно было служить очень мощным стимулом к развитию речи.

Благодаря тому что ограничение подвижности высвободило время, которое раньше тратилось на переходы, далекие предки монгольских племен получили возможность посвятить его умственной деятельности. Их восприятие мира было еще синкретическим, а объяснение окружающего — наивным и фантастическим. Тепло очага и его центральное положение в жилище, зависимость «комфорта» и самой жизни от огня легли в основу первых представлений о священном огне как животворной силе. Эти представления сохранились впоследствии в монгольском шаманстве. Была, очевидно, уловлена связь между светом и теплом очага и солнца, что легло в основу идеи о небесном огнебожестве. Отсюда же возникли и широко известные у алтайских народов запреты, связанные с огнем, например запрет на передачу родового огня чужакам.

Зависимость жизни коллектива от удачи в охоте на животных, связь между поеданием таких животных и благополучием коллектива породили мысль о кровном родстве между людьми и животными: вместе с кровью убитого зверя душа его переходила в кровь людей. Эта идея позднее развилась в тотемические мифы о предке-звере (часто таким зверем был бык или олень) ².

Социальная роль женщины, остававшейся в жилище у очага, приготавлившей пищу и выкармливавшей детей, стала истоком идеи о женщине — прародительнице и хранительнице домашнего очага, наделенной особой силой в общении с вечно горящим огнем, а позднее способствовала появлению женского шаманства, сохранившегося у монголов до начала XX в. [Далай, 1959]. Таким образом, период похолодания и вынужденного пребывания в более постоянном жилище психологически и со-

циально подготовил формирование человека верхнепалеолитического времени.

Верхний палеолит на территории Монголии (40—12 тыс. лет назад) был переходным временем от ледникового периода к современной геологической эпохе. Потепление климата дало возможность продвинуться в Центральную Азию южным видам животных (винторогая антилопа, страус), вымерших ныне, но которые встречались наряду с мамонтами, шерстистыми носорогами, большерогими оленями, сайгами, бизонами — обитателями более северных областей. Обилие зверя и потепление климата благоприятствовали дальнейшему развитию человека и совершенствованию человеческой деятельности. Специализированное оружие типа дротика давало возможность поражать цель с дальнего расстояния, а применение ловушек привело к большей производительности охотничьего хозяйства.

Продуктивность охоты позволила, в свою очередь, ограничить территорию охотничьих угодий и привела к большей оседлости всего населения [История МНР, 1967, с. 61—62]. Значительное количество стоянок этого периода, открытых в Монголии и на соседних территориях, говорит и о том, что в верхнем палеолите заметно увеличилась численность населения. В этот же период складывается и новый тип социальной организации — род с матрилинейным счетом родства [История МНР, 1967, с. 63]. Его реликты прослеживаются и теперь в монгольских языках.

Человеку верхнего палеолита была уже знакома пещерная живопись, связанная с ритуальными обрядами. Об этом свидетельствуют петроглифы каменного века, найденные в МНР и представленные пещерной живописью в Хойт-Цэнхэрийн-Агуй, в 25 км к западу от Манхан-сумуна Кобдоского аймака (20—15 тыс. лет назад). Охрой, белой глиной, сажей и их смесями нарисованы различные животные, которые окружали человека той эпохи (бык, горный козел, дикий баран, слон или мамонт, страус, верблюд), а также хвойные деревья, которые там теперь не растут. Страус и верблюд — специфические сюжеты для Центральной Азии, их нет на изображениях в Европе [Дорж, 1973, с. 173, 174; Окладников, 1972; Ser-Ojav, 1973, с. 24]. Характер живописи — оконтуренное двухмерное изображение на плоскости. Оно становится традиционным в изобразительном искусстве Монголии вплоть до XIX—XX вв.

В мезолитический период, как об этом свидетельствуют археологические открытия на территории МНР, население научилось уже делать орудия, сочетая кость и камень. За основу бралась кость, на которой выдалбливались желобки, а в них вставляли тонкие кремневые пластинки. Таким образом, в мезолите предки монгольских племен не только умели моделировать нужные им типы орудий, но и обладали комбинаторными способностями. Они с такой степенью совершенства овладели ис-

кусством обработки кремня, яшмы, халцедона, что изготовленные ими орудия по изяществу отделки можно сравнить с ювелирными изделиями из полудрагоценных камней. К этому времени местным населением были разведаны месторождения различных пород камня (халцедон, кремль, яшма) и изучены его свойства.

В мезолитический период были изобретены простой лук и стрелы. Это изобретение поставило индивидуальную охоту в один ряд с традиционными видами (облава, загон, охота с помощью ловушек), известными еще в палеолите.

Охота с луком и стрелами не только позволяла приносить больше добычи, так как охотники поражали животное скрытно и с дальней дистанции, но и вела к развитию навыков, тесно связанных с психическими процессами, таких, как меткость, умение практически рассчитать траекторию полета стрелы, зоркость, координация движений, т. е. как никогда раньше содействовала развитию индивидуальных способностей человека³. Именно к этому времени следует отнести возникновение таких традиционных состязаний, как стрельба из лука, позволявшая сравнивать людей по их личностным качествам. Эти соревнования устраивались, очевидно, в дни традиционных жертвоприношений предкам возле пещер и гротов, служивших жилищем предкам мезолитического населения, там, где были когда-то созданы наскальные рисунки, изображавшие животных, частично истребленных к мезолитическому периоду.

Неолитический период на территории Монголии изучен более тщательно и полно благодаря большому количеству и разнообразному характеру памятников этого времени. Здесь открыто много неолитических стоянок, найдены поселения и погребения неолитического времени. Население этого периода продолжало пользоваться орудиями из камня, кости, рога и дерева, постепенно усложняя и совершенствуя их, а затем и осваивая новые материалы, такие, как глина, из которой стали делать посуду. Ее обломки — частая находка в неолитических памятниках Монголии III тысячелетия до н. э. и более поздних. Наиболее интересные находки обнаружены в поселении у Тамцаг-Булака, в 9 км от г. Чойбалсана [Дорж, 1971].

В раскопанном здесь жилище (типа землянки подчетырехугольной формы) найдены орудия из камня и кости (среди косяных орудий — гарпун), а также выструганные и шлифованные пластинки от сложных луков, изображения которых остались от неолитического времени⁴. Керамика тонкостенная, с примесью мелкозернистого песка, орнамент — отпечаток шнура и короткие, тонкие, горизонтально прочерченные линии [Дорж, 1969, с. 10].

В поселении на Тамцаг-Булаке одно из жилищ в плане имеет прямоугольную форму (общая площадь — 42,5 м²). По типу оно близко к неолитическим, известным на среднем Амуре и

на Дальнем Востоке [Дорж, 1969, с. 10—11; Дорж, Деревянко, 1970]. Остатки прямоугольных жилищ говорят о появлении наиболее раннего из местных оседлых типов жилища — пластовых изб. Стены их, очевидно, складывались из дерна по краям полуземлянки, а кровля, возможно, из того же дерна (или бересты, шкур крупных животных и другого подсобного материала) и поддерживалась изнутри опорными столбами (*багана*).

Наличие временных стоянок (на севере страны) и постоянных жилищ-землянок (Восточная Монголия) позволяет говорить о том, что люди, жившие в неолитическое время, начали частично переходить к оседлости, которая была связана с развитием земледелия. Находки большого количества ладьевидных зернотерок с журантами⁵, пестов, утяжелителей от палок-копалок, а позднее и мотыг говорят о развитии земледелия у неолитического населения Монголии. От активного собирательства дикорастущих злаков (различных видов проса, ячменя, пшеницы) население перешло к ранним формам комплексного производящего хозяйства — сначала к мотыжному, а впоследствии к плужному земледелию в сочетании с охотой и скотоводством [Дорж, 1971, с. 86—87; Окладников, 1962]. Тип хозяйства зависел от природных условий. По берегам рек и озер население занималось и рыболовством. Однако оно не стало такой важной отраслью хозяйства, как у племен Амура или Прибайкалья того же периода. Земледелие и набор злаковых культур (просо), освоенных в неолите, определили тип земледелия всех последующих народов этой зоны. Оно все более и более стало отличаться от земледелия, свойственного населению неолитического времени плодородных долин среднего течения Хуанхэ.

Наряду с освоением земледелия шел процесс одомашнивания животных (в поселениях найдены остеологические материалы, говорящие о составе стад, где уже в то время преобладали лошади и был крупный рогатый скот). Вместе с тем костные останки дают возможность считать, что охота на антилоп дзюренгов и других диких животных занимала важное место в занятиях населения [Дорж, 1969; Волков, 1967, с. 91—92; Окладников, 1960]. В неолитический период происходило хозяйственное размежевание населения, обитавшего в лессовых районах, с населением более северных районов, возделывавшим злаки более сухой зоны. Это подтверждается тем, что термины для обозначения злаковых культур, освоенных уже в неолите, различны в китайском и алтайских языках, а монгольские названия земледельческих орудий не похожи на китайские [Викторова, 1968, с. 520; Кюннер, 1946; Руднев, 1911].

Неолитическое население Восточной Монголии по антропологическому типу принадлежало к континентальным монголоидам (плоское, высокое и широкое лицо со слабо выступающими носовыми костями, лопатообразными резцами), т. е. генетически было связано с палеолитическим и мезолитическим населением⁶.

Погребения неолитического времени отличались своеобразными чертами: в Восточной Монголии обнаружены засыпанные красной охрой погребения в шахтах. В жилище на поселении в Тамцаг-булаке было обнаружено погребение, которое находилось у северной стенки жилища. Могильная яма вырыта в виде узкой шахты, куда труп был опущен в скрюченном сидячем положении; с костяком найдены мелкие перламутровые бусины, украшения из зубов марала, костяные вкладышевые ножи и игольники из трубчатой кости (с костяными иголками)⁷.

Неолит внес в жизнь населения Центральной Азии большие перемены. На фоне культурных ареалов прошлого формировались локальные культуры [Ларичев, 1960, с. 10—11]. Археологически бесспорно установлено, что в неолитический период на территории МНР, Внутренней Монголии, а также Северо-Восточного Китая сложились ясно очерченные локальные культуры, весьма разнящиеся между собой [Крюков и Чебоксаров, 1965; Ларичев, 1960], которые были связаны с предшествующими непрерывной традицией (в некоторых случаях это многослойные поселения).

Происходили и дальнейшая дифференциация населения, сложение культурных центров, где вырабатывались устойчивые особенности культуры, быта, языка. Передача коллективного опыта и достижений культуры, социальной информации от поколения к поколению в пределах локальной группы способствовала ее интеграции и обособлению от других. Коллективный опыт, как и повседневная трудовая деятельность, естественно, вырабатывал более замкнутые системы, ограниченные пределами общества, состоявшего из нескольких кровнородственных коллективов, охваченных данным типом локальной культуры. Этот процесс должен был идти параллельно с формированием понятий, свойственных только данной общности людей, т. е. в конечном итоге привести к интеграции языков в пределах локальных культур.

Экологические условия на ранних этапах истории Центральной Азии во многом определили локальные отличия в культурах территориально близких групп населения. Границы культуры очерчивали ареал общности, сложившейся к тому времени на базе сходства условий и единообразно протекавших процессов адаптации, которые играли интегрирующую роль внутри общности и ограничивали ее от соседей. Эти общности уже нельзя рассматривать только как аморфные родовые общины палеолита; здесь образовались племена, состоявшие из нескольких, связанных брачными отношениями тотемических родов. Пережитки такого состояния у монгольских народов сохранялись на протяжении многих веков истории.

НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТЕПЕЙ
В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
(период формирования этнолингвистических общностей)

Во II тысячелетии до н. э. на территории Центральной Азии произошли значительные изменения природных условий. Сравнительно мягкий и влажный климат неолитического периода постепенно сменялся сухим и резко континентальным. Высыхали русла водоемов, в гобийских районах шел процесс дюнообразования [Мурзаев, 1956]. Установился климат, характерный для средневековой и современной Монголии: на степных пространствах дули сильные ветры, выпадали ливневые дожди с грозами и градом, зимой были сильные морозы с ветрами, летом стояла жара. Изменившиеся условия на большей части территории были малоприспособленными для дальнейшего развития земледелия, постепенно исчезающего в гобийской зоне. Необходимость приспособления к менявшимся условиям окружающей среды способствовала формированию у предков монгольских и частично тюркских племен особого типа производящего хозяйства — кочевого скотоводства. Этот переход был длительным и происходил у предков монгольских народов в эпоху бронзы. К I тысячелетию до н. э. в степях Центральной Азии сформировался хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников сухих степей Евразии, устойчиво сохранявшийся здесь в течение трех последующих тысячелетий [Чебоксаров, 1965].

В условиях аридной зоны кочевое скотоводство оказалось единственно рентабельным типом хозяйства, так как при малых сравнительно с земледелием затратах мужского труда оно давало практически неограниченные ресурсы мясной и молочной пищи, а также топливо (аргал), шерсть для войлоков, покрывавших жилище, шкуры для одежды, волосяные веревки для установки жилища, кожу для домашней утвари, обуви, ремней и ремешков, уздечек и другой сбруи, т. е. все то, что и по сей день широко употребляется монголами в хозяйстве и быту (рис. 17, 18). Кочевое скотоводство, как и земледелие, было целиком самообеспечивающим типом производящего хозяйства. Оно давало значительно большее, чем земледелие того же (не промышленного) уровня, количество прибавочного продукта [Викторова, 1968], а иное качество этого продукта, по замечанию Ф. Энгельса, сделало возможным регулярный обмен между кочевниками и земледельцами [Энгельс, т. 21, с. 160].

Кочевое скотоводство на территории Центральной Азии как особый хозяйственно-культурный тип формировалось двумя путями, которые соответствовали первоначальному, сложившемуся в неолите размежеванию в широтном направлении ранних нео-

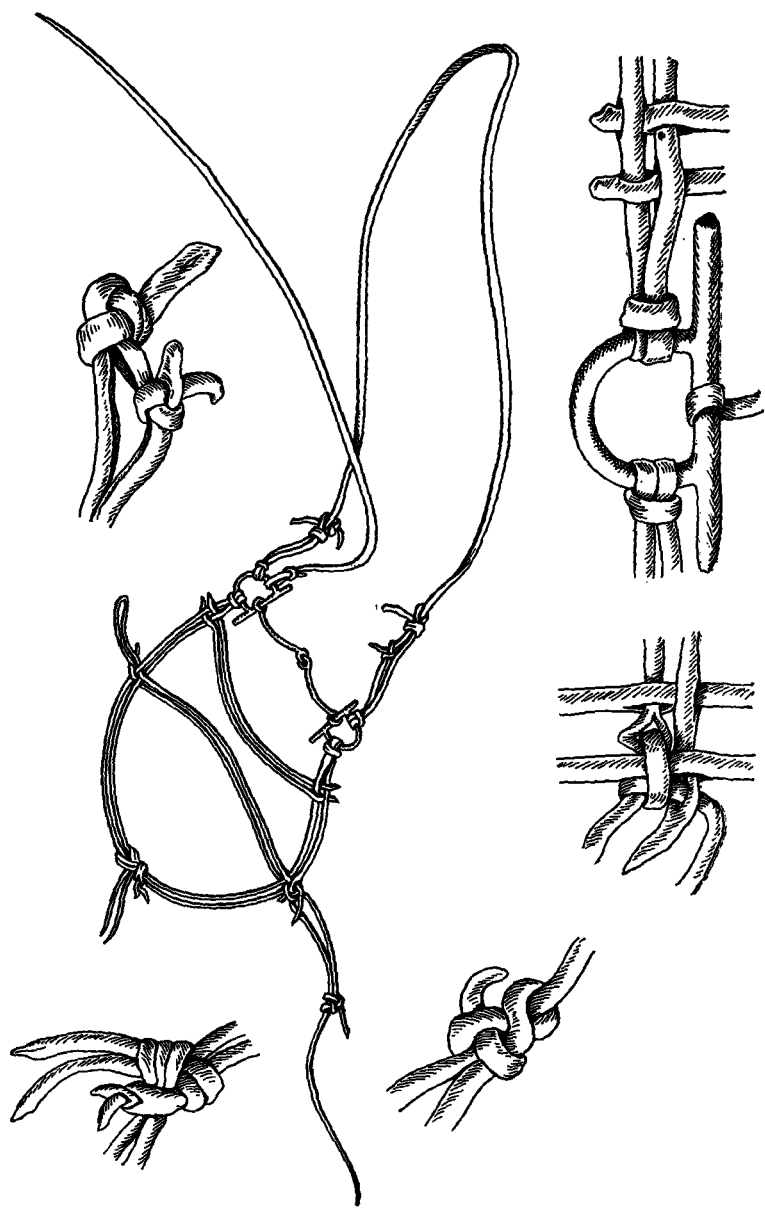

рис. 17. Ременная узда и типы узлов из ремней

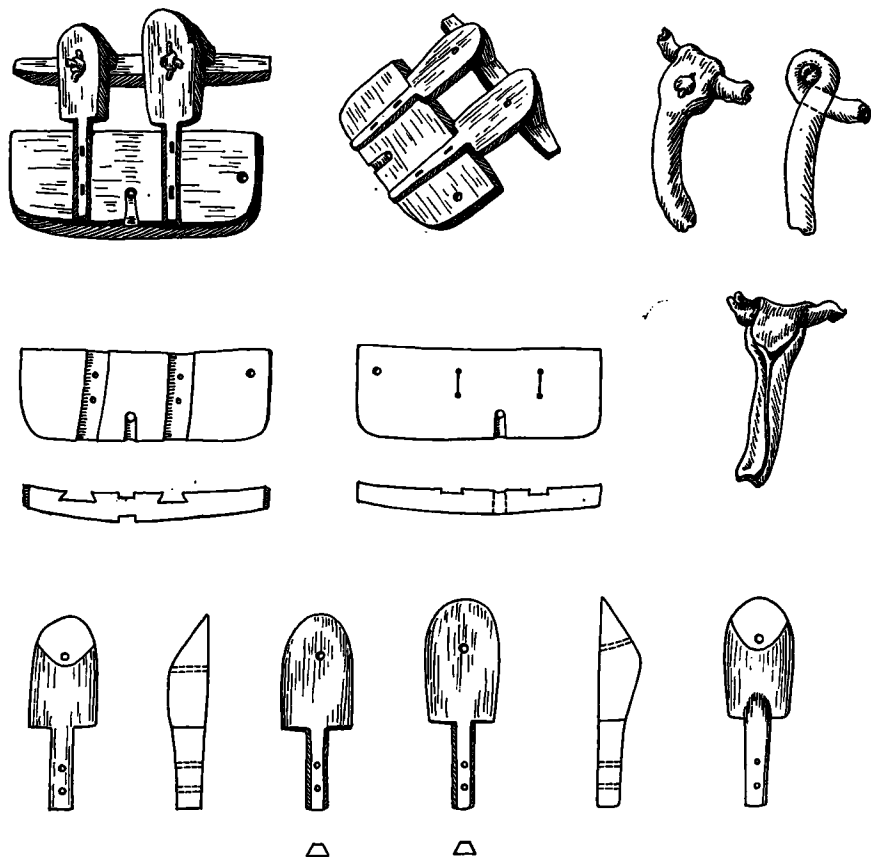

Рис. 18. Деревянное монгольское вьючное седло и его детали

литических земледельцев юга и охотников и собирателей севера.

На юге вследствие усыхания климата и процесса дюнообразования сокращались удобные для посевов земли. Кроме того, во II тысячелетии до н. э. началась колонизация земель, до того обрабатывавшихся предками алтайских народов. Об этом можно судить по изменениям в топонимической номенклатуре этих районов (на древнюю, алтайскую наслаивалась более поздняя, китайская). Переход земледельцев к кочевому скотоводству здесь был вынужденной адаптацией населения к изменившимся условиям среды обитания. Возможно, часть местных племен охотников-собирателей была оттеснена в более северные земли. Очевидно, что отмеченное Э. А. Новгородовой проникно-

вание отдельных локальных групп центральноазиатских кочевников в Южную Сибирь и было связано с такого рода передвижением более южных племен к северу [Новгородова, 1970].

Северные племена и отдельные группы охотников переходили к кочевому скотоводству иным путем — от полуседлого комплексного (скотоводческо-охотничье-земледельческого) хозяйства. Круглогодичный выпас скота с постоянным передвижением населения ранее всего был освоен, видимо, племенами, обитавшими в Западной Монголии и Гобийском Алтае, о чем можно судить по найденным там наскальным изображениям. Среди них преобладают сцены перекочевов с использованием упряжного транспорта [Дорж, 1971].

Важнейшим условием, которое способствовало процессу перехода к кочевому скотоводству, было освоение центральноазиатскими племенами нового материала — бронзы. Изделия из нее на территории Монголии относятся к середине II тысячелетия до н. э. [Волков, 1967, с. 94]. Возможность перехода от каменных орудий к бронзовым, широкое и быстрое их распространение в Монголии и Забайкалье были обусловлены значительными запасами сырья, благоприятными возможностями для добычи и обработки руды [Гришин, 1975]. Преимущества нового материала были несомненны: по сравнению с камнем и костью бронза обладала пластичностью и прочностью. Из металла можно было изготовить орудия с более острым углом резания, а гладкое лезвие ножей, стрел и копий обладало меньшим сопротивлением и большей убойной силой, а при обработке туши зверя разделка ее и снятие шкуры убыстрялись. Наконец, только металлические удила с псалиями дали возможность полностью укротить диких лошадей и с их помощью провести в более широких масштабах domestикацию остальных травоядных животных.

Среди археологических находок на территории Монголии начиная с эпохи поздней бронзы обнаружено много бронзовых удили с разнообразными формами псалий [Волков, 1967, с. 53—54; Наваан, 1971]. Это говорит о том, что лошадь стали широко использовать для верховой езды и при выпасе остальных видов скота, так как с табуном или большим стадом пеший не мог бы справиться.

Древнейшим типом кочевого скотоводства с незавершенной domestикацией на территории Центральной Азии было круглогодичное кочевание всего населения. Сыма Цянь свидетельствует, что еще в эпоху Ся «северные варвары» следовали «за пакущимся скотом» [Таскин, 1968, с. 34].

Археологические исследования в МНР и Забайкалье позволили сделать вывод о том, что переход к кочевому скотоводству в указанных районах закончился к концу II и началу I тысячелетия до н. э. Анализ остеологического материала дал возможность археологам сделать вывод о том, что уже в то

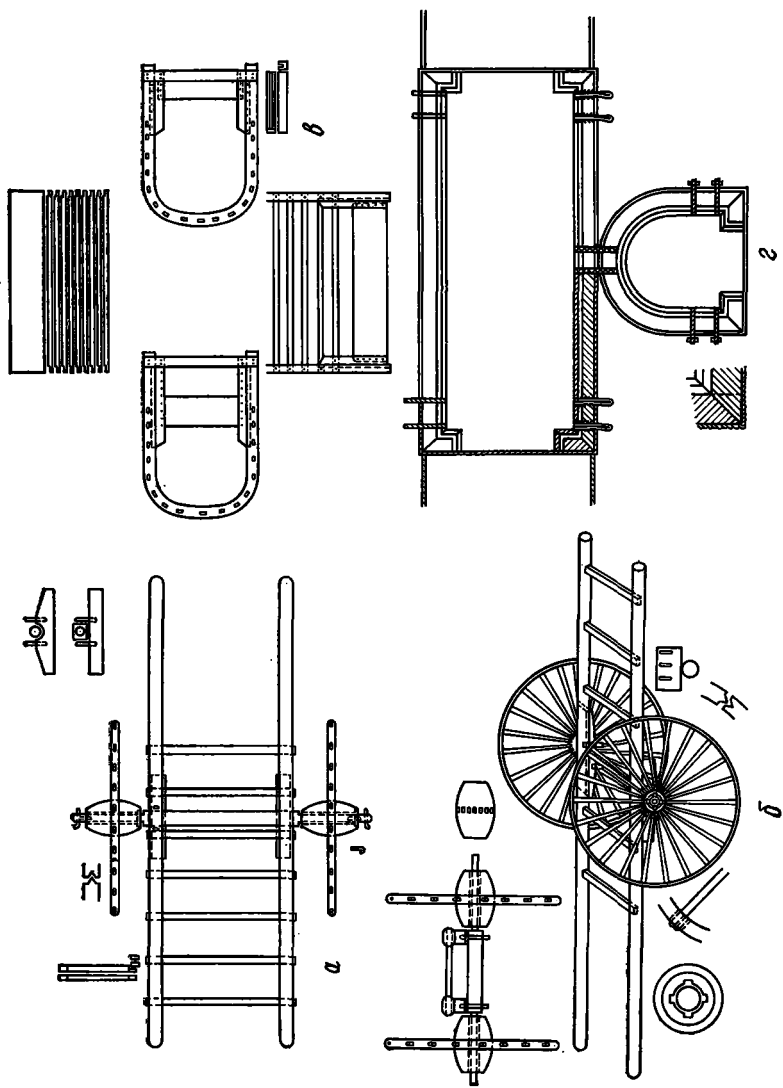

Рис. 19. Повезка и ее составные части:

а, б — платформа с колесами, в — детали деревянного каркаса повозки; г, д — войлочная обшивка повозки

время у кочевников этого района сложился состав стада, характерный и в настоящее время: лошади, овцы, козы, крупный рогатый скот, верблюды. Крупный рогатый скот Монголии связан происхождением с местной дикой породой, обитавшей в древности в северо-западной части Монголии [Волков, 1967, с. 91—92]. Лошади также были местной породы (дикая лошадь и верблюд до сих пор сохранились в гобийских районах МНР); изображения их встречаются уже в неолитическое время в наскальных рисунках старого Ульдзит-сумуна (Центральный аймак) [Дорж, 1973, с. 174].

Кочевое скотоводство способствовало созданию новых форм быта и соответствующих предметов материальной культуры. Были изобретены и стали применяться транспортные средства в виде вьючных седел и разнообразных повозок для перевозки людей и грузов (рис. 19). Своеобразным индексом такого круглогодичного кочевания стало наличие подвижного жилища — юрты на повозке. Этот тип жилища известен у многих народов Евразии и в более позднее время. Основными транспортными животными были лошади, быки или верблюды. Верблюдов было больше в гобийской зоне, где найдено много бронзовых изображений этого животного.

Первые аутентичные источники о типах повозок, применявшихся кочевниками на территории МНР, обнаружены участниками советско-монгольской историко-культурной экспедиции и монгольскими учеными. Это изображения повозок различных видов, которые имеются среди наскальных рисунков Кобдоского (Яман-Ус), Убурхангайского (Бунд-сумун, Тэвш-Ула) аймаков. В настоящее время выявлено около десятка таких изображений, выбитых на скалах [Наваан, 1975, с. 54—55].

На писаницах можно видеть изображения четырех- и двухколесных повозок. Четырехколесная повозка из Тэвш-Улы, как и двухколесные повозки из Яман-Уса, дается в единой манере двухмерного изображения пространства без соблюдения перспективы. Поэтому колеса повозок, животные, которые везут их, и остальные предметы показаны в плане, что позволяет уловить конструктивные особенности повозок. Колеса четырехколесной повозки со спицами укреплены на схематично изображенных осях. На передней части повозки — круг большего диаметра с радиально расходящимися от центра линиями. Очевидно, он изображает верхний круг юрты. Повозку везут две пары животных, впряженных с помощью ярма, которое в средней части скреплено с дышлом. Справа от повозки — воин с луком и стрелой, а слева — какие-то животные [Волков, 1967; Наваан, 1975, рис. 55].

Двухколесные повозки с животными, запряженными с помощью ярма, имеются на писаницах Яман-Уса [Наваан, 1975, рис. 57, 58]. На одной из повозок вместо спиц прикрепленные к ободам поперечные брусья (такого типа колеса встречаются

и теперь у повозок, которые называют *хасаг тэрэг* — «одноколка», казахская телега). На каждой такой повозке на месте скрепления дышла с осью изображен круглый возок — очевидно, небольшая юрта.

Четырех- и двухколесные повозки были распространены на территории Евразии до приволжских степей [Карпини, 1957, с. 27]. Путешественник Барбаро так описывает двухколесные повозки у татаро-монголов: «У этого народа в употреблении бесчисленные повозки на двух колесах, повыше наших... и покрыты одни войлоком, другие сукнами, если принадлежат именитым людям» [Барбаро и Кантарини о России, с. 194]. У. Э. Эрдниев в засыпке погребения в 1971 г. обнаружил ступицы от двух колес. В них было до девятнадцати четырехугольных пазов для спиц. Ступицы, количество пазов и их форма совпадают с такими же у повозок (*тэрэг*), употребляемых в степных районах Восточного аймака группой барга (МНР) и в настоящее время.

Примером такой повозки архаического типа может служить повозка (*тэрэг*) группы барга. Это двухколесные повозки на неподвижной оси. Колеса с большими деревянными втулками, с 18—19 спицами. Обод (*мор*), гнутый из половинки березового ствола, состоит обычно из двух частей. В ободе прорезаны сквозные отверстия (*нүх* [эн]), куда вставляются спицы (*дугуйн хигээс*), закрепленные клинышками, вбитыми с внешней стороны. На неподвижную ось крепятся подставки (*эмээл*) для платформы, которая состоит из двух длинных лесин, расположенных по краям; их передние части выдаются вперед и служат оглоблями. Основа корпуса телеги (*арал*) образуется закрепленными в прорезях лесин поперечными планками (*нуруу*), которые бывают иногда переплетены ивовыми прутьями, параллельно боковым лесинам (у баргутов). Колеса (*дугуй*), ось (*тунгэлиг*) и платформа составляют основу любой повозки и называются *хангкай тэрэг*.

В зависимости от формы и назначения возка различают и по-разному называют такие повозки: *мухлиг тэрэг* — крытый войлоком на деревянном каркасе возок, *чингэлиг* — тип ларя — домика из деревянных досок, *задгай чингэлиг* — открытый деревянный ящик и, наконец, *хангкай тэрэг* — платформа на колесах.

Запрягают в повозки либо крупный рогатый скот (быка, иногда корову), либо верблюда. Но монголы-кочевники, как правило, не запрягали лошадь, которая использовалась как верховая. Порядок перекочевков сложился издавна и был строго определен: во главе перекочевки мухлиг тэрэг, в котором обычно ехали дети и женщины, за ним все чингэлиг тэрэг с более ценным имуществом, затем задгай чингэлиг, куда складывалась утварь (котлы, подставки для них, кухонные принадлежности, топливо), и, наконец, хангкай тэрэг с разобранной и уложенной

юртой. Всадник, ведущий перекочевку, часто ехал верхом на коне с правой стороны [Викторова, 1969].

Отдельные сцены перекочевок встречаются на писаницах Забайкалья, Прибайкалья и Монголии начиная с бронзового века и в более позднее время [Окладников, Запорожская, 1969, табл. 44].

Двухколесные повозки использовали и в средние века. Их изображения встречаются на писаницах XI—XII вв., а упоминания о крытых возках есть в «Сокровенном сказании».

Четырехколесная деревянная повозка с большим радиусом колес, тонким ободом, длинными тонкими спицами и возком из тонких планок была обнаружена С. А. Руденко на Алтае, в Пазырыкских курганах, относящихся ко второй половине I тысячелетия до н. э. Двухколесными повозками, сходными с найденными по технике изготовления деталей, их форме и материалу, пользуются в ряде районов МНР и в настоящее время.

В наиболее древних письменных памятниках, как и в современном языке населения Монголии, обод колеса (*мөр*), оставленный им след, дорога обозначаются сходными словами, имеющими общий корень — *мөр* — (*mör/mür*). В тюркских языках эти же понятия выражали словом *jol*. Названия деталей и отдельных частей повозки в монгольских и наиболее ранних тюркских текстах также не совпадают, что говорит об очень раннем и параллельном употреблении у монголоязычных и тюркоязычных народов этих терминов.

Исследования монгольских и советских археологов (С. В. Киселева, А. П. Окладникова, Н. Сэр-Оджава, Ц. Доржсүрэн, Д. Доржа, Д. Наваана, Х. Пэрлээ, В. В. Волкова, Э. А. Новгородовой, В. Е. Ларичева и др.) показывают, что на территории Монголии во II — начале I тысячелетия до н. э. сформировались и другие элементы хозяйственно-культурного комплекса, свойственного кочевому скотоводству этого района.

Переход к кочевому скотоводству создал новые условия жизни. Прежде всего племена степных пространств Центральной Азии приобрели постоянный и достаточный источник существования, подчас даже избыток высококачественных продуктов и сырья. Количество пищи лимитировалось наличием скота, его продуктивностью и площадью пастбищ, от которых зависело теперь благосостояние коллектива. Менялись прежние представления и появлялось свойственное новому экономическому укладу понятие ценностей. Мерилом ценности, термином, обозначающим богатство, становится скот — *mal*¹, а понятие родины как высшей ценности и единства коллектива выражается биномом «трава-вода» — *ebesün usun*, или его синонимом — *nutug, nuntuγ* — «кочевье», которые в монгольском языке употреблялись часто в тех же значениях даже в XIII—XIV вв., т. е. в период феодального государства.

Качество пастбищ (наличие кормовых трав, водопоев, про-

дуктивность пастбищ, пригодность их в разные сезоны) было неодинаковым, и это вызывало борьбу за пастбища, нередко сопровождавшуюся угоном скота. А так как скот и пастбища — легко отчуждаемое имущество, то у различных коллективов, связанных между собой отношениями родства и свойства, возникла необходимость в постоянной готовности к их защите. Это способствовало существенным изменениям в социальной организации общества. До того община состояла, как правило, из представителей двух-трех матрилинейных тотемических родов, связанных брачными отношениями своих членов и вытекающими из этого взаимными обязательствами (совместная коллективная охота, взаимопомощь, кровная месть, нормы экзогамии).

Экономическая основа кочевого скотоводства стала базой для формирования нового типа общины. Все мужское население у кочевников должно было быть постоянно готовым к защите стад, передвижных жилищ и пастбищ, а отвлечение мужских рабочих рук из сферы производства практически не влияло на продуктивность хозяйства, так как обработка продуктов животноводства производилась в основном женщинами. Поэтому при сохранении кровнородственной основы в общине стали медленно изменяться принципы линейности родства, что было связано с расширением роли и функций мужчин в обществе. Возросла значимость мужчины-воина, умевшего организовать защиту своих сородичей и их имущества, умелого скотовода-знатока, который мог бы сохранить поголовье во время тяжелых зим и летних засух.

Прославившиеся воины становятся знаменитыми, о них слагаются песни и легенды, их подвиги увековечиваются в рисунках на скалах, им ставят посмертные изображения — стелы. После смерти, по поверьям сородичей, они живут в «том мире» — мире предков. Им приносят жертвы, чтобы заручиться их помощью в «этом», видимом мире. Потомки прославленных героев наряду с принадлежностью к прежнему тотемическому роду матери гордятся и происхождением от знаменитого воина и упоминают его.

Так постепенно складывается понятие о двойном родстве, закрепленное в монгольских терминах родства (родство по матери и родство по отцу), причем родство по отцу постепенно выходит на передний план.

На родство по отцовской линии распространяются старые экзогамные нормы. Запрещаются браки с родственниками по отцовской линии. Род и община становятся постепенно патрилинейными, а на смену тотемическому материнскому роду приходит генеалогический отцовский род. Постоянное ядро общины составляет группа родственников разных поколений, принадлежащих к одному отцовскому роду, и их жены из чужих родов, а временными членами общин становятся девушки до вы-

хода замуж и их женихи, которые живут в семье невесты, соблюдая обычай «отработки» за невесту (2—3 года).

Все мужчины в такой общине с детства готовятся стать воинами и по достижении определенного возраста становятся ими. Перекочевки общины со скотом обставляются как походы: вооруженные луками и стрелами всадники охраняют людей, скот и имущество. Коллективные облавные охоты являются в первую очередь военной тренировкой, обязанности во время охоты строго распределены. Вся община спаяна жесткой дисциплиной, беспрекословным подчинением старшему, ведущему облаву.

Все эти явления, сопутствовавшие перестройке общественной организации у народов, генетически связанных с монголами, неоднократно описывались различными источниками и бытовали вплоть до конца I тысячелетия н. э., а отдельные феномены прослеживались и позднее [Владимирцов, 1934, гл. I].

Реконструкция процесса косвенно подтверждается и археологическими памятниками на территории Монголии, Тувы и Забайкалья. Особый интерес в этом отношении имеют так называемые оленные камни. Оленные камни — каменные стелы высотой 2—5 м, покрытые изображениями бегущих оленей с закинутыми на спину ветвистыми рогами (термин «коленный камень» распространяют и на стелы того же типа, но с изображениями рыб, птиц, кабанов, антилоп, лошадей и других животных). Оленный камень, по мнению исследователей, это крайне схематизированная фигура воина [Диков, 1958; Ларичев, 1968; Новгородова, 1973; Членова, 1962]². Верхняя часть напоминает голову человека, хотя черт лица на ней нет. На средней ее части выбиты силуэты оружия: лук, стрелы, налучье, колчан, меч, чекан, т. е. оружие, которое носят на поясе. В. Е. Ларичев предполагает, что изображения животных на стеле — это аппликация на одежде или татуировка на теле воина-вождя [Ларичев, 1968, с. 217—218]. Подобная татуировка обнаружена С. И. Руденко на теле вождя из погребения в Пазырыке на Алтае [Руденко, 1953].

Татуировка на теле или вышивка на одежде, изображающие различных животных, указывали на принадлежность к роду и определяли социальный статус. Изображение не одного, а нескольких животных было указанием на родственные связи с другими родами. Если эти роды были древними и могущественными, связи с ними повышали родовитость погребенного. Похороны таких знатных воинов-вождей обставлялись пышным ритуалом. Над их-то могилой и сооружали заметные издали погребальные комплексы, используя обычно камень как более долговечный материал. Самого такого героя изображали в виде стелы, на которой высекали знаки, соответствовавшие, очевидно, названию рода умершего. Это было подмечено Н. Л. Членовой, которая считает (на наш взгляд, несколько односторонне),

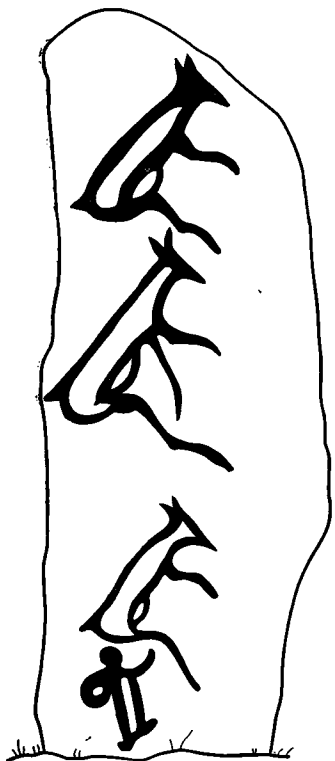

Рис. 20. «Дзеренный» камень
плиточной могилы
из Восточной Монголии
(Сэргэлэн-сумун)

что оленные камни связаны только с проникновением в Центральную Азию скифо-сакских племен, само название которых было тотемом и значило «олень» [Абаев, 1956; Членова, 1962]³.

В Туве, Забайкалье, различных районах Монголии встречаются разные изображения на оленных камнях. Очевидно, ареалы распространения стел — статуй воинов, вождей-героев с определенным типом изображений — символов рода — указывают на реальную территорию обитания родов и племен, к которым принадлежали умершие герои. В более позднее время стела изображала самого героя, рисунок на ней символизировал личное имя или героическое прозвище этого героя-предка, которому посвящалась стела и духу которого приносили жертвы. Наиболее древними в Восточной Монголии, как установил Д. Наваан [Наваан, 1975], являются камни с изображениями дзеренов, которые исследователь предлагает называть «дзеренными» камнями (рис. 20).

Для определения этнолингвистической общности, которая может быть сопоставлена с более поздними народами, генетически связанными с монголами, имеет значение

и ареал распространения различных типов погребальных сооружений. На территории Монголии, а также в Забайкалье, Маньчжурии, в пограничных районах Китая, в предгорьях Наньшаня, в Суйюани, к северу от Хуанхэ и в Тибете обнаружены так называемые плиточные могилы [Волков, 1967; Диков, 1958; Наваан, 1975]⁴. Такое широкое их распространение говорит о прочных традициях в материальной и духовной культуре оставившего их населения.

Ограды могил имеют форму прямоугольников, сооруженных из массивных каменных плит или скальных обломков; высота стенок — около 0,6 м. Большой высотой отличаются только угловые камни-маяки, на которых иногда выбиты изображения животных. Длинной осью плиточные могилы обычно ориентированы строго по линии восток — запад. Могильная яма обложена по стенкам каменными плитами, перекрыта горизонтальными

плитами, уложенными поперек ямы. В некоторых случаях встречается особая кладка: на перекрывающую могильную яму каменную плиту положен замковый камень, придавленный вертикально поставленной плитой. Камни, закрывающие центральную часть могильной ямы, хорошо пригнаны, а могильная яма еще перекрыта большой каменной плитой, трудно сдвигаемой с места [Наваан, 1975]. Глубина могильной ямы варьировала от 80 см до 1 м. Покойника клали с вытянутыми ногами на спину, сводом черепа на восток (лицом на запад). В могилах встречаются остатки жертвенной пищи (остатки костей домашних животных: барана, собаки, лошади и др.). Под голову погребенного, как правило, клали каменную подушку. Часто среди инвентаря плиточных могил встречаются обломки триподов, сделанных из глины и украшенных отпечатками сетки-плетенки [Наваан, 1975, с. 110—111]. Сосуды лепные, обожженные на костре; тесто красноватое в изломе, с большой примесью дресвы.

Плиточные могилы Восточной Монголии отличаются сравнительно большими размерами. Наблюдения над особенностями кладки этих могил, изученных детально, привели Д. Наваана к выводу, что их кладка сходна с кладкой стационарных жилищ, т. е. продолжает традиции неолитических четырехугольных землянок с дерновыми стенами. Д. Наваан установил, что эти могилы часто сооружались на месте древних неолитических стоянок, о чем говорят найденные в них отщепы и нуклеусы, а также кремь, игравший существенную роль в обряде погребения [Наваан, 1975, с. 149].

В Монголии захоронения в плиточных могилах практиковались в течение длительного времени⁵. В наиболее ранних плиточных могилах есть засыпка красной охрой (*улаан зос*), а в погребальном инвентаре имеются изделия из кремня (в Хэнтейском аймаке, в Батширэт-сумуне, в Восточном аймаке) [Викторова, 1969, № 842].

Плиточные могилы обычно ограблены, но в неограбленных редко встречаются костяки с целыми черепами. Можно предположить, что иногда труп клали в могилу уже без головы. Из китайских письменных источников известно, что у хуннов в I тысячелетии до н. э. был обычай, согласно которому воины, доставившие голову врага, получали большую по сравнению с другими часть военной добычи. Из специально обработанного свода черепа хунны делали чаши, украшая их иногда серебром⁶. Очевидно, этот древний обычай наложил своеобразный отпечаток на характер погребений эпохи бронзы, когда воины редко умирали своей смертью. Впрочем, нередко в плиточных могилах нет и костяков, а погребение является символическим. Находят только остатки жертвенной пищи, приносившейся духу погибшего сородича.

От плиточных могил Восточной и Северной Монголии и За-

байкаля, в которых погребены монголоиды, резко отличаются захоронения северо-западных районов Монголии и Тувы I тысячелетия до н. э. Основной тип погребальных сооружений там — каменные курганы, круглые или квадратные в основании, обложенные крупными скальными обломками. Часто курган, в свою очередь, окружен квадратной или круглой оградкой из положенных в один ряд камней, и такие курганы приняты называть керексурами. В каменных курганах и керексурах погребальный обряд совершенно одинаков. В центре, под курганом, находится каменный ящик, или циста, — сооружение из больших плоских камней. Прямо на поверхности земли или в очень неглубокой яме лежит скелет человека на правом или левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад или северо-запад.

По определению Н. Н. Мамоновой, черепа из раскопанных в Западной Монголии курганов такого типа (в Кобдоском и Убсанурском аймаках) европеоидные, лишь с небольшой примесью монголоидности [Мамонова, 1978]. Они ближе всего к черепам из курганов скифского времени Тувы и сако-усуньских погребений Казахстана и Киргизии. Монгольские и тувинские курганы с цистами одинаковы по устройству надмогильных сооружений и по погребальному обряду. В Туве этот тип культуры исследовавшие ее археологи Л. Р. Кызласов и Манай-оол называют уюкской [Манай-оол, 1970]. Антропологический тип населения Северо-Западной Монголии в целом близок восточноказахстанскому того же времени [Волков, 1967; Манай-оол, 1970].

Автор настоящей работы разделяет основную часть гипотезы В. В. Волкова и Д. Наваана, заключающуюся в том, что генетически с монголами были связаны племена «плиточников». Во II—I тысячелетиях до н. э. ареал плиточных могил занимал Восточную и Северную Монголию, Забайкалье, часть Маньчжурии и местами доходил до Ганьсу и Северо-Восточного Тибета.

Племена Центральной Азии II—I тысячелетий до н. э. впервые упоминаются еще в древнекитайских надписях на гадательных костях. В текстах иньских надписей (XIV—XI вв. до н. э.) упоминается около двадцати таких племен: туфаны — в районе современного города Баотоу, люйфаны — в районе Ордоса, куфаны — на стыке провинций Шэньси, Шаньси и Суйюань, гуйфаны — видимо, в северной части провинции Шэньси. «Фан» было общим названием для всех северных соседей иньского и чжоуского Китая [Таскин, 1968, с. 6]. В период энеолита и ранней бронзы в гобийских районах существовала культура, сочетавшая крашеную керамику и зернотерки с микролитическими орудиями, типичными для остальной территории Монголии, что позволило В. В. Волкову выделить этот тип культуры в южногобийский ареал [Волков, 1973]. Сопоставление археологической атрибуции с данными иньских надписей позволяет свя-

зять южномонгольскую культуру энеолита и бронзы с племенами туфан, куфан, гуйфан.

Племена гуйфанов и куфанов во II—I тысячелетиях до н. э. вели борьбу с иньским и раннечжоуским Китаем. В «Ицзине» («Книге перемен») отмечено, что борьба с гуйфанами иньского правителя У-дина продолжалась три года [Таскин, 1968, с. 7]. Пленных, очевидно, убивали для ритуальных захоронений, как об этом свидетельствуют раскопки гробниц в Аньяне [Семенов, 1974]⁷.

Население племен фан у северных границ Китая во II—I тысячелетиях до н. э. было многочисленным, о чем говорит тот факт, что чжоуский Кан-ван захватил в одном сражении с гуйфанами 13 тыс. пленных [Таскин, 1968, с. 7]. В. С. Таскин приводит сведения китайского историка У Цзэ о многочисленных походах иньских правителей против их северных соседей. Против племени туфан было проведено четыре похода, а против куфан — двадцать шесть⁸.

Поздние источники, описывая период Чжоу (XI—III вв. до н. э.), систематизировали ранние сведения. В них соседи чжоусцев распределены по странам света в соответствии с представлениями предков китайцев о том, что их государство является центром, вокруг которого располагаются другие народы. Иноплеменников в Ганьсу и Тибете стали называть жунами, а на севере, в Монголии, — ди. Эти названия не были самоназваниями народов, окружавших Китай того времени, т. е. не имели значения этнических терминов. Они были собирательными и обозначали племена, не входившие в состав государства Чжоу и отличавшиеся от чжоусцев: «Живущие на западе называются жун, они ходят с распущенными волосами и одеваются в шкуры, некоторые из них не употребляют в пищу хлебных злаков; живущие на севере называются ди, они одеваются в шкуры и перья, живут в землянках, некоторые из них не употребляют в пищу хлебных злаков. Народы четырех стран света говорят на разных языках и имеют различные наклонности» [Итс, Крюков, Решетов, Чебоксаров, 1965, с. 136]. В летописи «Чуньцю» о жунах и ди в VI в. до н. э. говорится, что они «живут на траве, ценят богатства и с пренебрежением относятся к земле» (цит. по [Таскин, 1968, с. 7]).

Таким образом, потомков племен, которых в иньских надписях называли куфан, туфан и гуйфан, в чжоуское время стали называть ди и жунами. В этот период еще не все из этих племен перешли к кочевому скотоводству: упоминание о том, что некоторые племена ди живут в землянках, говорит о сохранении традиций поселений неолитического времени типа Тамцаг-Булака.

Разумеется, принцип деления народов по странам света, относящийся к началу династии Чжоу, несовершенен, что справедливо отмечено В. С. Таскиным [Таскин, 1968, с. 7]. Однако

по этим сведениям можно судить о языковом и этнокультурном различиях у соседей Китая во II тысячелетии до н. э. и даже определить территорию, где они жили. В более поздних источниках, как, например, в «Шаньхайцзин», упоминаются и отдаленные племена динлинов, но сведения о них носят полумифический характер. Можно полагать, что динлины были кочевниками, жили далеко и китайцы их тогда плохо знали [Позднеев, 1899, с. 8]. Среди соседей иньского и чжоуского Китая в начале I тысячелетия до н. э. были, очевидно, племена, являвшиеся предками тюркских, монгольских и тибетских народов. Жуны и ди были близки в этнокультурном отношении; они состояли из многих племен: шань-жуны (горные жуны), цюань-жуны (собаки-жуны), си-жуны (западные жуны), мянжуские жуны, ицзюйские, далиские, учжиские и другие жуны, красные ди (чиди) и белые (байди). Эти племена не составляли единого этноса. Большое количество названий по месту обитания говорит о том, что эти племена жили довольно разрозненными группами. Время от времени несколько таких групп объединялось вокруг наиболее сильного племени для каких-либо совместных действий против иньцев, чжоусцев или других соседей. Потом такой союз распадался, так как ранние племена и входящие в них роды не могли составлять прочных и длительных крупных объединений.

В I тысячелетии до н. э. наблюдается процесс оттеснения кочевников от южных границ занимаемых ими земель из-за нехватки плодородных земель в Китае [Таскин, 1968, с. 11]. Это вызывало частые военные столкновения чжоусцев с их северными и западными соседями. Проникновение китайцев на соседние территории шло и путем договоров «мира и родства». В результате заключения брачных связей между главами племен жунов и ди с чжоускими императорами на землях, ранее принадлежавших фанам, шел процесс этнического смешения⁹.

Таким образом, сложный процесс этнических смешений и взаимодействий привел к тому, что во II—I тысячелетиях до н. э. на территории Центральной Азии и в прилегающих районах Забайкалья и Южной Маньчжурии образовались три этнокультурных ареала.

Первый (восточный) характеризуется наличием обряда погребения в плиточных могилах; западными пределами распространения их является примерно меридиан г. Кобдо, на северо-востоке их границы проходят в Восточном Забайкалье, на юго-востоке — в Южной Маньчжурии.

Отдельные группы носителей этой традиции проникают в Ганьсу и даже в Тибет. Это древние племена скотоводов и охотников; частично некоторые из них еще с неолитического времени связаны с земледелием. Антропологический тип их был монголоидным, и многие этнокультурные черты позволяют считать этот этнолингвистический пласт основой формирования поздней-

ших племен и народов, генетически связанных с монголами (цюань-жуны, шань-жуны, бэйди, дунху).

Вторая этнолингвистическая общность занимала часть Северо-Западной и Западной Монголии и Туву. Традицией племен, населявших эту зону, были захоронения преимущественно в круглых курганах. Антропологический тип погребенных характеризуется доминирующими европеоидными чертами, а культурный комплекс сходен во многих элементах с населением сопредельных районов Средней Азии (Восточный Казахстан, Киргизия). Этот этнолингвистический пласт можно отождествить с динлинами китайских хроник, генетически связанными с тюркскими народами.

Третий этнокультурный ареал был расположен у северных границ иньского Китая. Он занимал часть Шаньси, Шэньси, Суйюани, Ордоса, Ганьсу и примыкающие с севера районы Гоби. Здесь было развито земледелие (крашеная керамика сочеталась с находками зернотерок, пестов и других предметов, связанных с обработкой зерна). Население этой зоны обладало большой этнокультурной дробностью и частично было смешанным.

Глава 3

ОБЪЕДИНЕНИЕ ПЛЕМЕН И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.—

ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

В китайских источниках второй половины I тысячелетия до н. э. почти все народы севера стали называться собирательно ху — «варвары». Это понятие включало предков монголов, тюрков и даже ираноязычное население. Все эти народы во второй половине I тысячелетия до н. э. научились плавить и обрабатывать железо, постепенно вытеснявшее бронзовые изделия.

Китайские княжества, расположенные в долинах Хуанхэ, продолжали теснить на север племена дунху, хуннов и других соседей, постепенно захватывая у них земли и огораживая их с севера стенами. По отношению к кочевникам китайцы применяли политику постепенного вытеснения их с занимаемых ранее территорий [Таскин, 1968, с. 10—11]. В. С. Таскин в предисловии к «Материалам по истории сюнну» справедливо замечает, что предки китайцев из долины Хуанхэ стали продвигаться на север только после перехода к пашенному земледелию, так как освоение земель с более твердыми почвами стало возможным лишь с распространением железных орудий.

Царство Чжао в 325—299 гг. до н. э. разбило дунхусцев, огородило с севера стеной свои владения, а захваченные земли

превратило в три пограничные области царства. Царство Цинь (пров. Шэньси и часть Ганьсу) огораживало свои земли вдоль границ с хуннами, которые занимали Ордос. Вытесняемые с юга китайцами, кочевники вынуждены были отступать к северу. Здесь они, очевидно, смешивались с местным населением Южной Сибири, о чем говорит увеличение монголоидных черт у обитателей этих районов [Алексеев, 1962, 1974б; Дебец, 1948].

Границы между монголоидными племенами дунху-«плиточниками» и их европеоидными соседями на западе проходили по западным границам современного Хубсугульского аймака, охватывали восточный выступ Завханского, а южнее чуть отступали к востоку от Гоби-Алтайского аймака [Волков, 1967, рис. 11]. К западу от «плиточников» была расположена зона племен, антропологически и по характеру культуры близких населению Тувы. Северо-западную группу этих племен связывают с динли-нами (предками южных тугю, как считает Л. П. Потапов), родственными европеоидному населению Восточного Казахстана или тюркоязычным усуням. По мнению В. С. Таскина, динлины — тюркоязычный народ, находившийся в зависимости от хуннов. В III в. до н. э. — V в. н. э. динлины кочевали в юго-западном направлении от Байкала и до Алтая. В оазисах Восточного Туркестана в III в. до н. э. жили ираноязычные юэчжи, первоначально занимавшие земли между Шачжоу и Ганьчжоу [Кюннер, 1961, с. 106, примеч. 26], севернее их жили усунь.

Дунхусцы неоднократно заключали союзы с императорскими домами Китая, оказывая давление на внутреннюю политику той или иной группировки при чжоуском дворе, использовали династические распри, стараясь захватить чжоуские земли, а также воевали с царствами Янь и Ци [Таскин, 1968, с. 35]. Борьба с Китаем шла с переменным успехом.

Восточными и северными соседями дунхусцев были жившие в таежной зоне предки тунгусо-маньчжурских народов, занимавшиеся в основном рыболовством, охотой, земледелием. Это были различные оседлые племена. Китайские авторы называли их дунъи — «восточные иноземцы». По культурным традициям и языку эти народы отличались от дунхусцев¹.

Границы между дунъи и дунхусцами были подвижны в пределах контактной зоны и проходили в основном по горным цепям Хинганского хребта и его отрогов.

На Юго-востоке дунхусские племена граничили с земледельческими предками когурёсцев (северных корейцев)². Юго-восточные племена дунху в Ляодуне и пограничных районах Северного Китая, как и их соседи, частично занимались земледелием и имели общие черты в материальной и духовной культуре. В III в. до н. э. дунхусцы, занимавшие обширную территорию, состояли из многих родов и племен, образовавших более или менее постоянный союз. Они господствовали в степях Центральной Азии, где вскоре резко изменилась политическая ситуация.

которая определила ход этнических процессов на несколько столетий. Причиной этих изменений были хунны, этнической территорией которых был Ордос. В течение I тысячелетия н. э. хунны были вынуждены частично уступить его китайцам и отойти на север, т. е. в земли, занятые динлинами. Кроме того, хунны Ордоса зависели от юэцжи и должны были посылать к ним заложников из семьи хуннского правителя [Таскин, 1968, с. 38]. С дунхусцами у хуннов существовали более равноправные отношения. Их разделяла полоса ничейной земли, по обе стороны которой располагались караулы дунхусцев на востоке и хуннов на западе. В 209 г. до н. э. дунхусцы, теснимые Китаем, потребовали у хуннов уступки пограничной полосы земель шириной около 500 км (1000 ли). Это требование послужило поводом к войне, в ходе которой сын вождя хуннов Маодунь подчинил сначала дунхусцев, а затем и племена юэцжи. На юге он захватил Лоуфань и Байян и вернул все земли в Ордосе. На севере хуннам покорились динлины, гэгунь и другие племена. К концу III в. до н. э. хунны создали первое в Центральной Азии раннеклассовое государство.

Западные границы державы хуннов достигали Синьцзяна, на северо-западе была завоевана Западная и частично Северная Монголия, на юго-востоке после захвата земель севернее Хуанхэ границы хуннов простирались до Ляодуна [История МНР, 1967, с. 79; Таскин, 1968, с. 22, 23].

Истории хуннов посвящена большая литература. Однако проблема их этнической и языковой атрибуции до сих пор спорна. Одни (Баскаков, Малов, Гумилев) считают хуннов прямыми предками тюрков, другие (Бичурин, Шмидт, Доржсурэн, Сухэбатор и др.) полагают, что они были этническими предшественниками монголов.

«Тюркская» теория более основательно аргументирована. Рассмотрим ее доказательства. В. С. Таскин выяснил, что для трех видов скота, разводимых хуннами, Сыма Цянь употребил хуннские слова, записав их китайскими иероглифами. Эти названия тюркские: *катір* (лошак), *ту/р/ті* (низкорослая дикая лошадь) и *тән* (дикая лошадь) [Таскин, 1968, с. 13—17]. Два вида из них (*катір* и *ту/р/ті*) восходят к XVIII или XVII в. до н. э. Тюркским было и хуннское слово *kine-lü* («драгоценный меч»), сохранившееся от языка предков хуннов, соприкасавшихся в XII в. до н. э. с западными границами Китая [Таскин, 1968, с. 19]. Китайские источники отмечают, что язык юаньхэ (основного племени уйгурской конфедерации) был хуннским, равно как и язык тюрков. Это подтверждается уйгурскими и тюркскими руническими памятниками VIII—IX вв., где впервые зафиксированы связные тюркские тексты. Китайские династийные истории считают потомками хуннов племя алтайских тюрков VI—VIII вв. н. э. и приводят в подтверждение этого записи тюркских легенд о происхождении тюрков от хуннов.

Этноним «хунну» и в средневековых китайских источниках часто обозначал алтайских тюрков (туцзюе); в древних согдийских документах фонетически близки названия центральноазиатских хунну и тюрков VIII в. [Кляшторный, 1964, с. 108, примеч. 150]. Тюркологи считают вопрос этнолингвистической дефиниции хуннов настолько решенным, что в основу классификации тюркских языков положено деление на восточнохуннские и западнохуннские языки, а наиболее древним родо-племенным объединением признается союз огурских племен, из которого состоял господствующий слой империи хуннов [Баскаков, 1964, с. 1, 3].

Этнокультурные особенности хуннов отражены полнее всего в их погребальном обряде. В. С. Таскин, основываясь на сообщении Сыма Цяня («Для похорон употребляют внешний и внутренний гробы, золото и серебро, одежды и шубы, но не насыпают могильных холмов, не сажают деревьев и не носят траурных одежд»), полагает, что хунны хоронили покойников в могилах, не имеющих внешних признаков [Таскин, 1968, с. 40]. Действительно, хунны не насыпали могильных холмов из земли и не сажали деревьев, т. е. их обряд погребения отличался от ханьского. Но это не означает, что хунны не отмечали мест погребений.

На территории Монголии и соседних районов Сибири и Средней Азии погребальный обряд хуннского времени изучен достаточно полно, в основном советскими и монгольскими археологами [Бернштам, 1940; Доржсурэн, 1961; Козлов, 1928; Коновалов, 1975, 1976; Пэрлээ, 1957; Руденко, 1960, Umehara, 1960, и др.]. Наибольшей информативностью в этнокультурном отношении обладают знаменитые погребения хуннских шаньюев в горах Ноин-Улы (МНР). Хунны хоронили своих покойников, особенно знатных, под курганами с каменной наброской, сооружая возле них жертвенники. Под курганом находилась ориентированная по сторонам света погребальная камера, которая была сделана в виде двух срубов, заключенных один в другой и разделенных коридором, т. е. во внешнем и внутреннем гробах. Гробы ставились во внутренний сруб. Погребенного клали головой на север. С ним хоронили богатый и разнообразный инвентарь, состоявший из оружия, одежды, обуви, головных уборов, украшений и других предметов. Верхняя одежда — одна из важных этнокультурных особенностей, по которой древние народы с первого взгляда различали «своего от чужого», — хорошо сохранилась в Ноин-Уле. С. И. Руденко полагает, что в комплексе ноин-улинские памятники наиболее близки к древним алтайским и западносибирским, а культурная традиция хуннов явно прослеживается у современных казахов, киргизов и башкир в типе одежды, обуви, головных уборов, прикладном искусстве и пр. [Руденко, 1960, с. 39—44, 49, 113]. Судя по китайским древним и средневековым изображениям хунны имели

сходство и с представителями прибайкальского тюркского племени курыкан, а также племен уйгурской конфедерации [Позднеев, 1899, рис. 1; Руденко, 1960, рис. 31].

В целом по погребальному обряду хунны ближе населению Западной Монголии и Тувы, чем «плиточникам» Монголии.

Не менее важный материал для суждений об этнокультурных особенностях хуннов дают городища хуннского времени, сосредоточенные главным образом в Центральной Монголии. Их датируют обычно своеобразная серая керамика с прорисованным узором, наличие волнообразных линий по тулову сосудов, а также арочный орнамент. Традиция украшать бытовые предметы из различного материала арочным орнаментом, как установлено С. В. Ивановым, свойственна тюркским народам (уйгуры, якуты).

Антропологический тип северных хуннов на рубеже нашей эры был монголоидным, как и население Восточной и Северной Монголии в эпоху бронзы [Дебец, 1948, с. 120—123; Руденко, 1960]. Г. Ф. Дебец пришел к выводу, что антропологический тип хуннов (из погребений в срубах) может быть отнесен к палеосибирскому, преобладавшему в более ранних погребениях из Прибайкалья; этот же тип появляется в Венгрии одновременно с проникновением туда хуннов [Дебец, 1948, с. 121]. 12 черепов, добытых А. В. Давыдовой при раскопках Иволгинского городища на Селенге [Давыдова, 1956], были изучены Н. Н. Мамоновой, подтвердившей в целом антропологическую характеристику, данную Г. Ф. Дебецем. Однако наряду с этим новые материалы выявили и неоднородность антропологического типа населения: некоторые черепа оказались с сильной горизонтальной профилировкой и резко выступающим носом, а эти признаки сближают их с европеоидным типом [Гохман, 1960]. Часть хуннов Ордоса отличалась, судя по известным из китайских источников сведениям, «возвышенными носами», т. е. признаком, сходным с отмеченными Н. Н. Мамоновой для населения Западной Монголии и И. И. Гохманом для части населения, жившего к началу нашей эры в Иволгинском городище на Селенге. Монголоидность хуннов в Восточной Монголии на рубеже нашей эры могла быть следствием метисации с местным завоеванным населением³.

Суммируя изложенные факты, следует считать, что хунны были генетически тесно связаны с населением Ордоса, Западной Монголии и Тувы, что они были этническими предками тюрков и уйгуров. Все эти племена лишь частично приняли участие в формировании монгольского народа, но этнолингвистической основой монгольских народов были «плиточники»-дунхусцы и их потомки — сяньбийцы и ухуаньцы.

Носителями этнокультурных традиций дунхусцев стали племена сяньбийцев и ухуаньцев. Кочевое скотоводство в сочетании с пашенным земледелием было основой хозяйства ухуаньцев.

Из полевых культур они сеяли неклеякое «зеленое просо» [Кюннер, 1961, с. 135] и растение типа подсолнечника. Сельскохозяйственный календарь ухуаньцев был лунным и соотносился с циклом работ, связанных со скотоводством, охотой и земледелием. Ухуаньцы, очевидно, делали посевы проса на зимниках, как и другие кочевые народы. Основа питания была мясо-молочная с добавлением растительной пищи. В хозяйстве значительное место занимала охота; сохранялись навыки древних облавных охот. Родственные отношения ухуаньцев отличались определенными особенностями. Господствовало правило минората, т. е. такое положение, когда хранителем домашнего очага (связанного со сферой женской деятельности, а ранее с материнским родом) являлся младший сын. Существовал также левират. Процесс перехода к отцовскому роду не был завершен. У ухуаньцев не было фамилий, как в Китае. «Фамилий постоянных нет, а имя и прозвище старейшины и сильных людей принимают как свою фамилию» [Кюннер, 1961, с. 134].

Социальная структура была несложна. Каждое кочевье и более крупное поселение имели своего старейшину. Большое количество (несколько сот или даже тысяч) кочевий составляли то, что китайские источники называют *бу* (род), который имел старейшин и выборных вождей. Вожди должны были обладать силой, храбростью и умением разумно рассудить тяжбы, возникающие из-за захватов скота, земли и т. п. Большим уважением пользовались молодые и сильные (т. е. воины-бойцы, которые могли отстоять независимость, имущество, земли своего племени). Ухуаньцы делали деревянные дощечки, своего рода удостоверения, которым повиновались. Внутри общины малая семья вела свое индивидуальное хозяйство, и «все, начиная от старейшины, пасут свой скот, и никто никого не употребляет для услуг, и каждый сам распоряжается своим имуществом» [Кюннер, 1961, с. 134].

Жилищем служили легкие переносные жилища типа юрт, которые ставили на восток и ориентировали входом к солнцу: одежду шили из меха и тканей. Девушкам до замужества брили голову, но перед свадьбой отращивали волосы и расчесывали их на пробор, т. е. делали прическу в две косы, характерную для монголоидов более позднего времени. Головной убор женщин был украшен золотом и лазоревым камнем, а мужчины, занимавшие высокое общественное положение, носили шапку красного цвета [Eberhard, 1941, с. 37].

«Вэйчжи» и «Хоу Ханьшу» сообщают, что у ухуаньцев были развиты домашние ремесла: женщины ткали шерстяные ткани, хорошо вышивали шелками. Как впоследствии и у монголов, у них было широко распространено украшение кожаных изделий различными орнаментами, для чего узоры сначала накалывали по трафарету, а потом вышивали. Мужчины делали клееные луки, стрелы, седла, уздечки, умели ковать железо и делать

ювелирные изделия из золота. Вооружение было типичным для кочевников: сложный лук и стрелы. Ремесла развивались на местных сырьевых ресурсах (добыча золота, железа). Об орудиях труда в источниках нигде не говорится, но, судя по описаниям пашенного земледелия, у ухуаньцев была соха или плуг, серпы для уборки урожая, плотничьи и столярные инструменты и т. п.

Более подробно в китайских источниках описаны обряды, особенно свадебные. Сватовство начиналось с того, что юноша, получив согласие девушки, через три-шесть месяцев засылал к ее родителям сватов. Родичам невесты посылали свадебные дары (лошадей, быков, баранов). Затем жених в доме родителей невесты оставался в зятях-женихах (т. е. в работниках) два года. После отработки он с женой возвращался домой. Приданое невесте выделяли ее родичи, и жена сохраняла право на свое имущество и в доме мужа, т. е. обряд сходен с описанным в XIII в. у монголов.

Народной медицине ухуаньцев были известны несложные приемы врачевания с помощью шаманов — прижигание и кровопускание. Смерть человека сопровождалась сложным погребальным обрядом. На покойника надевали одежду и укладывали в гроб. В канун погребения, ночью, родные усопшего приводили лошадь и собаку туда, где обычно совещались старейшины рода. Их заставляли перешагнуть через место, где при жизни сидел умерший. Этот переход символизировал увод души из земного мира в мир духов. В это время пели погребальные песни и оплакивали покойника. Два человека произносили заклинания, чтобы облегчить душе покойного путь к месту вечного успокоения и не позволить злым духам чинить ей препятствия. Собаку кормили мясом. Спустя некоторое время, считавшееся достаточным, чтобы душа покойного покинула тело и достигла Красной горы (на северо-западе Ляодуна), где, как считалось, обитали души усопших членов рода, покойника хоронили. После погребения исполняли пляски и песни. Танцующие изображали предков, принимавших душу сородича. Собаку предварительно связывали цветным шнурком, а затем ее и лошадь убивали, так как эти животные должны были сопровождать покойного в загробный мир. Одежду, которую носил умерший, его вещи и украшения сжигали.

Собака и лошадь должны были помочь душе усопшего приобщиться к духам предков, проводить покойного до обители духов предков — Красной горы. Собака выступала в роли тотема-охранителя, а лошадь — в роли тотема-предка⁴. В отличие от ухуаньцев и сяньбийцев хунны не отводили собаке никакой роли в погребальном обряде [Бичурин, 1950, с. 39—45, 49—50; Кюнер, 1961, с. 135, 142].

Ухуаньцы и сяньбийцы хоронили покойника в деревянном гробу⁵, что также отличает их от хуннов, у которых отмечено

погребение в двойном деревянном гробу. Лошадь, на которой покойный ездил, его одежду, украшения, личные вещи сжигали (хунны хоронили покойника с вещами) [Руденко, 1960]. Соумирающих с покойным, которых убивали для сопровождения, у ухуаньцев не было, что отличает их и от хуннов, и от позднейших монголов, но обычай «соумирания» не этнографическая особенность, а скорее показатель уровня социального развития: он был распространен широко у очень различных народов и в разное время, например, в Шумере в III тысячелетии до н. э. [Тюменев, 1956], в иньском Китае, у хуннов в конце I тысячелетия до н. э., у монголов в XIII в.

Ухуаньцы обожествляли явления природы (у них был распространен культ неба, земли, солнца, луны, духов гор, рек), а также прославившихся старейшин (т. е. они унаследовали культ героев-предков), которым приносили в жертву животных [Бичурин, 1950, с. 50, 76, 142—146, 149—150; Кюннер, 1961, с. 132—137, 142—143].

Ухуаньцы, покорившиеся хуннам, частично попадали в хуннскую этническую среду, что приводило и к этническому слиянию. После подчинения хуннам, несмотря на общность происхождения, этнокультурного облика и языка, ухуаньцы, сяньбийцы и их группы стали постепенно складываться хотя и в родственные, но самостоятельные народы, каждый из которых приобретал характерные локальные черты.

Источники отмечают, что некоторые группы сяньбийцев, поселившись далеко от Ляодуна, мало общались с Китаем и его соседями. Они были самостоятельны; шкуры пушных зверей эти племена обменивали на китайские товары [Кюннер, 1960, с. 142]. Именно эти группы дальше всех проникли на север, в прихинганские районы. Ухуаньцы, жившие ближе к хуннам и Китаю, связанные с древним земледелием, заимствовали, видимо, от своих южных соседей навыки шелкоткачества и другие элементы культуры. Наконец, группа, подчинившаяся хуннам, длительное время была связана с огурской (огузской) группой древнетюркских племен. Неизбежны были ее контакты и с другими народами, покоренными хуннами на юге, западе и севере (ираноязычными, палеоазиатскими и др.) [Шан Юэ, 1959, с. 77—78; G. Clauson, 1960, с. 112—113; Ligeti, 1950]. Это объясняет появление тюркских и иранских элементов, зафиксированных в древнетюркских, а затем и монгольских текстах более позднего времени.

Расчленение дунхусцев на ухуаньцев, сяньбийцев и другие мелкие группы привело к тому, что в конце I тысячелетия до н. э.— начале I тысячелетия н. э. начали складываться вторичные локальные особенности у каждой из разобщенных групп.

Политическое преобладание хуннов в степях Центральной Азии, подчинение им значительной территории, ранее занятой дунхусцами-«плиточниками», оказали несомненное влияние на

культуру центральноазиатских кочевников. В хуннский период происходит изменение некоторых элементов культурного комплекса на всей территории государства хуннов и в соседних регионах. Новыми элементами становятся керамический материал, в том числе черепица, некоторые приемы градостроительства, внешнее оформление погребальных комплексов: на смену погребениям в плиточных могилах в хуннское время появляются погребения в курганах с каменной наброской.

Так, во время экспедиции 1968 г. в районе Бархын-Гол и в верховьях р. Онон были обследованы погребальные комплексы переходного типа. Могильники имели: плиточные могилы, плиточные могилы с каменной наброской и просто курганы, расположенные на одном могильном поле, обычно на склоне горы [Викторова, 1968] ⁶. Вместе с тем археологическими раскопками последних десятилетий обнаружены локальные различия в погребальных комплексах хуннского периода, позволяющие выделить несколько типов погребальных сооружений хуннского времени в Северной, Центральной, Западной и Юго-Западной Монголии [Волков, Гришин, 1970; Доржсурэн, 1961; Новгородова, 1977, с. 29—30]. Археологические материалы хуннского времени по погребальным комплексам еще недостаточно исследованы. Сходные элементы материальной культуры, распространенные в этот период на широкой территории и имеющие межэтнический характер, пока еще смазывают черты этнических отличий хуннов от ухуаньцев и сяньбийцев, зафиксированных письменными источниками. Такие черты по археологическим материалам просвечивают очень смутно.

В хуннское же время на территории Монголии появляется много укрепленных стенами городов-крепостей [Пэрлээ, 1957, 1959]. Целый ряд однотипных городищ, обычно квадратной планировки, ориентированной углами по странам света, тянется в меридиональном направлении от верховьев р. Керулен (Тэрэлжин-Дорвэлжин, Бурхуйн-Дорвэлжин, Хурэн-Дов, Ондэр-Дов, Гуа-Дов). Их близкое расположение одно от другого достаточно ясно, по нашему мнению, показывает линию пограничных укреплений хуннов от северной группы непокоренных сяньбийцев. К востоку от этой линии укреплений имеются городища с другим типом планировки. Так, в сезон 1968 г. экспедицией трех рек АН МНР были обследованы два городища хуннского времени. Одно из них — Баруун-Байдалиг — предвременно датировано X. Пэрлээ началом нашей эры, т. е. временем господства хуннов. Оно расположено в степи, на широкой равнине, с юго-запада перерезано текущей здесь речкой Байдалиг. Городище образовано оплывшими валами, имеет четырехугольную форму, ориентировка сторонами по странам света. В центре валов — воротные проемы; внутри — второй ряд оборонительных стен (в настоящее время образующих невысокие, задернованные валы). В центральной части городища — боль-

шой холм, раскопки которого показали, что здесь был какой-то либо храмовой, либо дворцовый комплекс [Шавкунов, 1973].

Таким образом, по традиционной ориентировке на местности население Восточной Монголии и Забайкалья в хуннский период отличалось от самих хуннов. У последних, как и у древних тюрков, она связывалась с понятием *булун* («угол»), в то время как у монголов закрепилось понятие *зуг* («сторона света»). Ориентировка городищ, одновременных по другим показателям культурного комплекса, пожалуй, пока единственный критерий, по которому с наибольшей долей вероятности можно определить древнемонгольскую (ухуаньско-сяньбийскую) или древнетюркскую принадлежность археологического памятника (в том числе и поминальных оградок), так как она оказалась наглядным и стойким элементом этнопсихологии, имевшим воплощение в материальной культуре и языке. Можно предположить, что большинство городищ хуннского времени с характерной хуннской керамикой, имеющих планировку стенами по странам света, были ставками сяньбийских и ухуаньских вождей, а расположенные углами по частям света принадлежали хуннским наместникам покоренных племен и вождям различных рангов или их сателлитам. Во всяком случае, планировка, этот этнопсихологический и социально-психологический феномен, заслуживает внимания, так как отражает определенные черты самосознания народа.

Сведения китайских источников об ухуаньцах позволяют поставить один из важнейших для нашей темы вопрос — о времени появления у них этнического самосознания и формах его проявления. «Хоу Ханьшу» упоминает, что ухуаньцы в конце I в. до н. э. раскопали курган (погребение) какого-то шаньюя хуннов, чтобы отомстить за поражение, которое нанес шаньюй Маодунь их предкам в III в. до н. э. Этот факт говорит о том, что бесписьменный народ, ухуаньцы, в большинстве своем подчинявшийся хуннам более ста пятидесяти лет, помнил свою историю, ее отдельные события и свои генетические связи с дунхусцами. Несомненно, что сознание этнического единства определенных племенных группировок внутри дунхусской этнолингвистической общности уже тогда было отчетливо и передавалось от поколения к поколению изустно как один из видов духовных ценностей. Эта социально наследуемая информация в устной передаче включала, очевидно, не только «устную науку родословий», но и песенный фольклор, сказания о героических деяниях предков, обрядовые и культовые песни и танцы, шаманские призывы, а также сведения, связанные со сроками сельскохозяйственных работ, о полезных и лекарственных растениях, о свойствах металлов и способах их обработки, о минеральных и растительных красках и т. п. Обо всем этом есть краткие, но выразительные упоминания в китайских источниках [Кюннер, 1961, с. 132—141].

Ухуаньцы и сяньбийцы образовали определенный этнокультурный и этнолингвистический древнемонгольский массив на северных границах тогдашнего Китая, в Восточной и Центральной Монголии. Уже в силу своего географического положения ухуаньцы в большей степени, чем сяньбийцы, подверглись хуннскому влиянию. В течение почти двухсот лет ухуаньцы принимали деятельное участие в исторических событиях того времени. Наконец в начале III в. н. э. они были покорены китайцами и более 10 000 кочевий были поселены в трех пограничных областях Китая [Кюнер, 1961, с. 138—142; Шан Юэ, 1959, с. 115—116], образовав новую, более позднюю волну поселенцев, родственных потомкам коренного населения этих районов — жунско-диским и дунхусским племенам.

Сяньбийцы до I в. н. э. мало интересовали империю Хань. Ее политические интересы были более тесно связаны с ухуаньцами. Усиление сяньбийцев в Центральной Азии относится к 25—27 гг. н. э., когда хунны разделились на северных и южных и начали междоусобную борьбу. Сяньбийцы состояли из многих отдельных народов, формировавшихся из различного сочетания родственных племен, но не образовали единого этноса [Гумилев, 1974, с. 26].

Они были разобщены территориально. Лишь в 93 г. н. э. сяньбийцы овладели землями северных хуннов, а 100 000 семей последних подчинились сяньбийцам и стали себя называть тоже сяньбийцами [Бичурин, 1950, с. 150]. Таким образом, в 93 г. н. э. сяньбийцы и остатки северных хуннов, к тому времени в значительной мере смешавшиеся с аборигенным населением, образовали единое этнополитическое целое. Можно полагать, что северные хунны не утратили полностью свойственных их предкам культурных особенностей и языка, но почти четырехсотлетние связи с дунхусской этнокультурной и языковой средой способствовали взаимопроникновению многих элементов языка и культуры, а та часть хуннов, что приняла «народное имя сяньби», имела, очевидно, с последними уже много общего [Доржсурэн, 1961; Сухэбатор, 1975, с. 12—16].

Роль сяньбийцев в истории народов Центральной Азии чрезвычайно велика. Почти весь дальнейший (вплоть до XII—XIII вв.) процесс формирования этнических предков монгольских народов определялся той или иной группой сяньбийцев, которой удавалось объединить этнически родственные племена, а затем и подчинить своему влиянию все население Центральной Азии. О сяньбийцах в «Вэйшу» сказано, что «сяньби — это подобно ухуань, остаток дунху, их язык, привычки, обычаи одинаковы с ухуань» [Кюнер, 1961, с. 142], т. е. языковая атрибуция и этнокультурная характеристика не вызывают сомнений в их принадлежности к потомкам «плиточников». На востоке границы их земель, в бассейне р. Ляо, были подвижны. Упоминается, что иногда отдельные роды переселялись в верховья

р. Сунгари и в бассейн р. Нонни. На северо-востоке они занимали Забайкалье и верховья Амура, проникая на северо-западе в Прибайкалье и Саяны. На юго-востоке они граничили с Северной Кореей (Когурё, или Гаоли), на востоке — с предками тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов (фуюй, вэймо). Южных сяньбийцев делили по местам расселения на лясоских и лядунских сяньбийцев. Каждая группа состояла из нескольких племен и многих родов [Викторова, 1958, 1961; Пэрлээ, 1959].

Удачно начавшаяся в 93 г. н. э. борьба сяньбийцев с хуннами завершилась их победой во второй половине II в. н. э., с приходом к власти главы сяньбийского объединения Таньшихуая. Ему приданы черты типичного героя богатырского эпоса, его рождению предшествовали необычайные события, свидетельствующие о его «небесном происхождении»; будучи еще ребенком, он совершал необыкновенные подвиги. Пример Таньшихуая показывает, как на основе реальных успехов военного вождя — «знаменитого старейшины» — складывался древнемонгольский героический эпос с типичными для него сюжетом и приемами повествования.

Позднее некоторые из этих сюжетов (угон скота) повторяются в «Сокровенном сказании», в биографии Чингисхана, указывая на дунхуско-сяньбийскую основу позднейшего монгольского эпоса.

Земли, завоеванные Таньшихуаем, на западе стали граничить с владениями усуней, на севере — динлинов, на юге сяньбийцы продвинулись до Ганьсу, Цинхая и Дунхуана. Все земли, принадлежавшие хуннской державе, были покорены сяньбийцами. Под управлением Таньшихуая оказалось много земель с разноплеменным населением, которые административно делились на восточную, среднюю и западную области [Бичурин, 1950, с. 154; Кюнер, 1961, с. 144—145; Шан Юэ, 1959, с. 133]. После смерти Таньшихуая (174 г.) начался распад сяньбийской державы, состоявшей из слишком разнородного населения, обладавшей большой территорией и державшейся на военной силе.

После распада сяньбийской державы сяньбийцы и ухуаньцы остались в степях и в северных провинциях Китая, где они в IV в. н. э. основали ряд самостоятельных государств [Гумилев, 1974; Лигети, 1969], а часть сяньбийцев поселилась в Хэбэе [Шан Юэ, 1959, с. 134].

В конце IV в. в степях Центральной Азии образовался Жужаньский каганат. Различные тюркские племена Алтая, Орхона и Селенги, сяньбийцы на Ононе, Керулуне, Шара-Мурэне и в предгорьях Хингана были его подданными. Самоназвание жужаней и их происхождение неясны, а сведения китайских источников о них противоречивы. Монгольские исследователи Н. Ишжамц и Ц. Хандсурэн, проанализировав жужаньские глоссы,

сохранившиеся в китайском иероглифическом написании, считают, что имена каганов жужаней Мугулюй, Чулохай, Чоуну означают по-монгольски соответственно *мухар* («бритая голова»), *чулуун* («камень») и *чоно* («волк»). От последнего ведет свое происхождение монгольский род Чонос [Хандсурэн, 1973, с. 204], хорошо известный и неоднократно упоминаемый в «Сокровенном сказании».

Ц. Хандсурэн, ссылаясь на «Ляншу», этнической территорией жужаней считает земли, расположенные севернее Великой китайской стены. Жужаньское государство было раннефеодальным и полиэтническим. Его столица Мумочэн была расположена близ бывшей столицы хуннов Лунчэн, на территории современного Арахангайского аймака, севернее р. Тамир, по соседству с р. Хуни-гол [Хандсурэн, 1973, с. 204, 206] ⁷.

Жужани владели территорией современной Монголии вплоть до середины VI в., когда были разбиты своими данниками — алтайскими тюрками. Часть жужаней и их подданных откочевала далеко на запад, где с согласия императора Византии Юстиниана заняла земли в Паннонии. Жужани, переселившиеся в Европу, известны там под именем аваров (об аварах см. [Пигулевская, 1940]). Они были в числе народов, на основе которых впоследствии формировались венгры, и принесли с собой культуру центральноазиатских кочевников и алтайские элементы в языке.

Конец I тысячелетия до н. э. и первая половина I тысячелетия н. э. были важным этапом в этнических процессах на территории Центральной Азии. В этот период сначала сформировалась общая этнокультурная основа племен дунху, которые достигли определенной степени консолидации.

Хуннское завоевание затормозило этот процесс. Однако хунны не могли полностью разрушить уже достаточно прочное этнокультурное единство, вытеснить прежнее население и его язык. В этот период связи между «восточными» и «западными» племенами стали интенсивнее, усилилась взаимная проницаемость этносов и культур. Освобождение местных племен от хуннов способствовало их дальнейшему этническому развитию. После хуннов попытки объединить разнородное население Центральной Азии делались сначала сяньбйцами (I—II вв.), затем жужанями (V—VI вв.), но они закончились неудачей. Низкий уровень производства, отсутствие прочных внутренних экономических связей, недостаточный уровень социального развития не могли создать нужных предпосылок для прочной консолидации в единую народность, а объединения племен на основе военных предприятий талантливых военных вождей были кратковременными.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ НА ОСНОВЕ ЮЖНЫХ СЯНЬБИЙЦЕВ

Сяньбийцы Ляодуна и Ляоси в III—IV вв. не составляли монолитного целого ни в хозяйственном, ни в этническом отношении. В степях они преимущественно занимались скотоводством, в лесах — охотой, некоторые племена продолжали заниматься земледельческо-скотоводческим хозяйством, незначительную роль в хозяйстве кое-где играло и рыболовство. Внутренний рынок развит не был, хозяйство было натуральным. Обмен с соседними народами также был натуральный. Охотничьи племена и скотоводы обменивали меха (особенно соболей) и скот (преимущественно лошадей) на товары, изготовлявшиеся земледельцами. В обмен на меха и скот кочевники и охотники получали предметы потребления: зерно, ткани, шелка, котлы, зеркала и т. п. Обмен был развит и между племенами, о чем можно судить по находкам различных металлических предметов (ножей, наконечников стрел, пряжек, бляшек, украшений), имевших широкое распространение.

В III в. н. э. создаются новые группировки племен на сяньбийской основе. Образуются новые центры; вокруг одного из племен — муюнов — группируются ляодунские сяньбийцы (сухи, дуани, мувани). На некоторое время они объединили южные племена Ляодуна и Ляоси (юйвэни¹, кидани). Но сяньбийцы Ляоси вскоре обособились и в дальнейшем развивались самостоятельно.

У муюнов наряду со скотоводством развивалось земледелие. Как полагал Н. В. Кюнер, районы Южной Маньчжурии были издавна одним из очагов формирования плужного земледелия у предков монгольских и маньчжурских народов. Ляодун входил в эту зону. О том же говорят и предания, сохранившиеся в монгольских источниках XVII в., например летопись «Шара туджи». В ней рассказывается: «В те времена питались невозделанным полевым рисом (*tuturɣa*). Когда наступало время еды, то брали и ели. Увидя, как один хитрый человек взял долю на завтра, все тоже взяли, и [пища] кончилась. После этого стали сеять зерновые»² [Шара туджи, 1957, с. 17—18].

Известно, что на территории современной МНР рис не растет и никогда не рос. Вместе с тем в местах древнего обитания дунхусцев, на юге Северо-Восточного Китая, в раскопках поселений, относящихся к эпохе бронзы, найдены сосуды для варки риса на пару [Ларичев, 1960, гл. IV]. Это могло бы быть свидетельством заимствования риса у древних китайцев. Однако китайские обозначения для сухоходльного риса — *ханьдао*, а для заливного — *шуйдао*. В тексте же «Шара туджи» рис обозна-

чается словом *tuturya*, т. е. монгольским словом³. То, что предкам монгольских и тюркских народов были известны южные зерновые культуры, говорит не только о самостоятельном возникновении и развитии алтайского земледелия на северных рубежах земель, занятых в древности предками корейцев, но и о том, что часть монгольских народов формировалась южнее тех мест, где они жили в средние века. Одним из таких предков южномонгольских народов были сяньбийцы во главе с муюнами.

Муюнам, у которых в первые века нашей эры происходил интенсивный процесс социальной дифференциации, сопровождавшийся острой борьбой за власть различных группировок сильных родов, удалось объединить значительную часть не только сяньбийцев, но и другого населения Северо-Восточного Китая. Они образовали государство Янь. Его историю делят на два периода: Раннее Янь со столицей Пекин и Позднее Янь со столицей Динсянь (пров. Хэбэй) [Wittfogel and Feng Hsiacheng, 1949, с. 105]. Это было государство, созданное силой оружия, этнически разнородное, включавшее подчинившихся муюнам ухуаньцев, часть южных хуннов, китайцев и других народов, сохранивших племенную обособленность (ср. [Сухбаатар, 1971; Шан Юэ, 1959, с. 134]. Муюны в IV в. воевали с северными корейцами — когурёсцами — и часть пленных также переселили в свои владения.

Южная и юго-восточная границы сяньбийских государств в первых веках нашей эры были зоной контактов предков монголов с древнекорейским этническим и языковым миром; их следы имеются в монгольском языке. Так, Б. И. Панкратовым установлено, что монгольский термин «нойон» (*noyan*, *noyon*) — «феодал, князь, господин» происходит от корейского слова «нохон», обозначающего «старейшину» в древних корейских текстах и восходит к эпохе родового строя⁴. Были общие элементы и в материальной культуре. Японская исследовательница К. Тори издала альбом рисунков [Torii, 1927, с. 522—523], изображающих костюмы борцов (на надоме) в юго-восточных районах Внутренней Монголии. Борцы одеты в широкие, заправленные в сапоги штаны типа шаровар, которые сходны с изображениями на северокорейских фресках, относящихся к началу нашей эры.

Ю. В. Ионова, исследовавшая древние религиозные представления корейцев, обнаружила в них целый ряд черт, связанных, как и у древних монголов, с тотемизмом: предания о происхождении корейских родов от предка-зверя или полуживер-получеловека, названия родов по названиям животных, веру в связь человека с определенным видом животного и превращение человека после смерти в животное; танцы в масках и шкурах животных при проводах умершего, причем у корейцев, как у ухуаньцев и сяньбийцев, лошадей убивали для проводов умер-

ших. Кореицам знаком и культ животных, и ритуальное поедание животных-тотемов, причем некоторые из таких тотемов были общими с тотемами, имевшимися у монголов. Многие легенды о происхождении когурёских и силланских правящих родов связаны с этими представлениями. В числе тотемических предков корейцев называют и собаку, а в государстве Когурё некоторые роды даже продолжали носить названия тотемных животных (лошади, коровы, свиньи, собаки) ⁵.

Так конкретный этнографический материал раскрывает мир идей и представлений, присущих предкам корейских и монгольских племен. В верованиях и обрядах дунхусцев и северных корейских племен были некоторые общие черты ⁶, например наличие одних и тех же тотемных животных, таких, как собака, лошадь, которые играли одинаковую роль в погребальном обряде (проводы души умершего в загробный мир). У ухуаньцев и сяньбийцев существовал обычай петь и плясать во время проводов души умершего к предкам. У всех групп народов, происхождением связанных с дунхусцами, при заключении клятвенных договоров был обязателен обряд заклания жертвенных тотемных животных, среди которых были лошади, собаки, быки. Собака и лошадь часто фигурируют в монгольском фольклоре. Собака или конь, понимающие человеческую речь, предупреждают героя об опасности и помогают ему победить врагов. Конь и собака часто бывают посредниками между героем, его духами-предками, общеплеменными и межплеменными божествами и даже самим Вечным синим небом (как, например, в эпосе о Гэсэре).

Этот круг тотемических верований, связанных с идеологией общества, основанного еще на кровном родстве, был распространен и у соседей сяньбийцев — северокорейских племен и родственных им народов.

Тотемические верования, которые сопровождались всегда определенным культом и реализовались практически в издавна сложившихся обрядах (охватывавших строго ограниченный круг кровных родственников и приемшей, адаптированных родом), создавали общий для данной группы стереотип норм мышления и поведения во всех ситуациях, предусмотренных коллективным опытом поколений, что, естественно, поддерживало строй общества, отличавшегося крайней степенью конформизма. Социальная память коллектива хранила и передавала от поколения к поколению не один, а целый набор стереотипов, имевших в первые века нашей эры уже более сложную иерархическую структуру, чем это было в каменном веке или в эпоху бронзы. Объединения различных родов и племен, развитие межплеменных связей, существование на этом этапе и тотемического и генеалогического родов с неизжитыми традициями матрилейности создавали причудливое сочетание, характерное для южных племен сяньбийцев, которые в III в. уже несколько про-

двинулись по пути формирования классового общества [Викторова, 1968, с. 546—575].

В то время как на востоке одна ветвь муюнов боролась за образование на этнической сяньбийской основе государства Янь, вторая ветвь муюнов в начале IV в. переселилась в район Хуху-Нора. Здесь, подчинив местные племена, муюны образовали юго-западный очаг людунских сяньбийцев. Это государство со времен Н. Я. Бичурина в русской литературе обычно называют Тогоном, а в китайских источниках — Туюхунь⁷.

По имени первого старейшины всю эту группу муюнов стали называть туюхунями⁸. Владения туюхуней в конце V в. увеличились за счет покорения цянов (предков тибетцев) и других соседних племен. Основными занятиями населения были скотоводство с ярко выраженным коневодческим направлением, а также земледелие древнемонгольского типа, основными культурами которого являлись ячмень, просо и горох. Разводили метисных так называемых цинхайских пегих лошадей для торговли с соседними народами, а также яков. Тогоны частично были оседлыми, у них были города и поселения, жили и в юртах. Наличие полезных ископаемых, таких, как железо, медь и натуральная киноварь, обеспечивало развитие ремесел [Кюнер, 1961, с. 158]. Шелкоткачество, кузнечное и ювелирное ремесла, имеющие местную сырьевую базу, позволяли вести многоотраслевое хозяйство, совершенствовать военное дело, что было необходимо на завоеванных землях.

Сведения об обычаях и обрядах тогонов указывают на то, что этой части муюнов были свойственны древние верования тотемического характера. В «Вэйшу» говорится, например, о том, что решение вопроса о переселении тогонов, очевидно по совету шамана, было предоставлено лошади: «Теперь через лошадь небо откроет государю чудеса и опасности. Попробуем погнать лошадь. Пустим [пасущуюся] на востоке лошадь: если [она] вернется на восток, я должен последовать [ее примеру] и уйти [туда]». Тогда приказали сопровождавшим всадникам отвести лошадь на несколько сот шагов и отпустить. «Однако, жалобно заржав, лошадь внезапно устремилась на запад. Ржание точно разрушило горы». Лошадь направлялась более десяти раз. Толкователь ее поведения — шаман Лоулицей сказал: «Каган, это не может быть делом человека». Ржание лошади приняли за предзнаменование, и поэтому подданные муюнского старейшины Туюхуня, переселились не на восток, как собирались ранее, а на запад, где и обосновались. Лошадь и собаку у туюхуней считали посредниками между «тем» и «этим» миром. В погребальном обряде сохранялись ухуаньско-сяньбийские традиции [Кюнер, 1961, с. 163].

Древние тотемические верования, связанные с лошадью — посредником между живыми сородичами и потусторонним миром, были истоком и более поздних представлений о «небесном

коне» — *хий морь* — распространенных у всех групп монголов⁹. Небесный конь — хий морь — один из древнейших мотивов, из которых складывались сюжеты мифов у предков монголов, они встречаются впоследствии у всех монгольских народов. О фольклоре тогонов известно очень немного, но и это немного драгоценно, так как указывает на его связи с другими монгольскими племенами. Сюжет одной из притч, дошедшей в записи V в. н. э., имеет нравоучительное содержание. Ачай имел 20 сыновей и перед смертью сказал им: «Вы каждый дайте по одной стреле», и высыпал их на землю. Затем приказал одному из присутствующих: «Ты возьми одну стрелу и сломай ее»: Тот сломал. Ачай сказал далее: «Ты возьми все 19 стрел и сломай их». А когда тот не мог сломать, Ачай сказал сыновьям: «Вы поняли или нет? Одного легко сломать, народ трудно сломать». Такое поучение было широко распространено среди древнемонгольских племен и использовалось для воспитания у подрастающих поколений определенных свойств характера. Его сюжет вторично записан в XIII в. и часто повторяется в дальнейшем¹⁰.

При помощи наглядных примеров и несложных притч в монгольской этнокультурной среде воспитывалась регидность установок. Система воспитания была направлена на сохранение сплоченности в семейно-родственной группе, жесткой дисциплины, понимавшейся как беспрекословное повиновение старшему родственнику или военному вождю. Это содействовало формированию строго заданных свойств личности у каждого члена общества.

Естественно, что при наличии достаточно богатых природных ресурсов, родственной этнокультурной и языковой среды энергичные переселенцы — тогоны — сумели создать прочное государство, которое долгое время играло значительную роль в политической истории Центральной Азии. В середине V в. тогоны совершали походы на север; в Восточном Туркестане захватили и разграбили Хотан, вели борьбу с Китаем. Поселившись на землях близ Хуху-Нора (столица тогонов Фун в середине VI в. была в нескольких километрах западнее этого озера) и подчинив соседние племена, тогоны заняли ключевые позиции на торговых путях, ведущих из Китая и Тибета в Восточный Туркестан, что дало им на некоторое время возможность контролировать торговлю между Востоком и Западом. В VI—VII вв. во главе тогонов стоял каган¹¹.

Однако такое положение не могло устраивать соседние государства, и после нескольких неудачных военных столкновений с танским Китаем часть тогонов (туюхуней) была вынуждена ему подчиниться (672 г.). Их переселили в Ордос (возле г. Линчжоу), а в X в. после образования государства тангутов (Си Ся) туюхуны влились в его состав [Богословский, 1962, с. 42].

В VII в. тогоны долго боролись и против тибетцев, но вы-

нуждены были подчиниться им в 663 г. и с тех пор почти ежегодно упоминались в тибетских документах. Войдя в состав тибетского государства, тогоны сохраняли права федератов и не сразу стали данниками. Послы тибетского центрального правительства часто посещали их. В тибетских документах того времени тогонов называли а-ша [Bacot, Thomas, Toussaint, 1940—1946].

Отношение а-ша к тибетскому правительству было большей частью враждебно, а погодные тибетские хроники отмечают даже кровавые столкновения с а-ша, имевшие место в течение VII—VIII вв. Правители а-ша (*a-za-rje* — «глава племени а-ша») получили тибетский титул *гьэ-трэн* — «малый владыка» и сохраняли значительную самостоятельность. Лишь в 755—797 гг. цэн-по Трисонгдэцэн (глава Тибета) отправился в поход против племени а-ша и покорил их. С этих пор а-ша стали платить дань (*ч'а*)¹². Борьба тибетцев за земли Хуху-Нора была долгой и упорной, так как и а-ша, и соседние с ними тюрки закрывали Тибету пути в богатые оазисы Восточного Туркестана. Когда в конце VIII в. тибетцы все же подчинили хухунорских а-ша, то они вынуждены были сохранить за местным правителем его прерогативы, но к нему был направлен наместник центрального правительства. А-ша все же более, чем другие народы, сохранили автономию: их приглашали ко двору в торжественных случаях, правители а-ша участвовали в совете при цэн-по, назначаемые к ним наместники принадлежали к высшей аристократии страны, с местными правителями а-ша центральное правительство заключало договоры [Богословский, 1962, с. 144, 156, 157].

Обряд заключения клятвенного договора центрального правительства с вассалами описан в китайских источниках: «Кянь-бу (цэн-по) ежегодно полагает со своими вельможами малую клятву, при которой в жертву приносят баранов, собак и обезьян. В три года полагают одну большую клятву, при которой в жертву приносят людей, лошадей, рогатый скот и ослов. Каждой скотине ломают ноги, выпарывают внутренности и все раскладывают впереди. После всего шаман (лама) молится духам в сих словах: „Да будет то же с клятвопреступниками, что и со скотами“» [Бичурин, 1833, с. 130]¹³. Клятва, дававшаяся якобы в присутствии духов предков, считалась нерушимой. Обычай заключения клятвенных договоров с правительством показывает, что подчиненные центральному правительству Тибета а-ша сохранили этническую обособленность, самобытность традиций и фактическое положение данников-федератов.

В VIII в. а-ша, подчиненных Тибету, частично поделили на более мелкие административные единицы (тонг-дэ). «Малые владыки» утрачивали самостоятельность. Их реальная власть и привилегии ограничивались. Хотя правящая верхушка аристократии а-ша была связана теперь с цэн-по брачными союзами,

все же на наследственную должность начальником тонг-дэ назначался представитель цэн-по. В IX—XI вв., когда единое тибетское государство распалось на несколько самостоятельных феодальных владений, а-ша и их соседи — тибетцы и тюрки — занимали большую территорию, куда входили земли, прилегавшие к Хуху-Нору, верховье рек Хуанхэ, Ялудзян и Янцзыцзян. Одна часть а-ша стала подданными государства тангутов Си Ся (в р-не Эцзингола и Ордоса), другая — осталась самостоятельной, третья — вошла в состав пограничных государств Северо-Восточного Тибета [Бичурин, 1833; Успенский, 1880]¹⁴.

Объединения сяньбийцев с а-ша (туйхуней «Ляоши») в X в. упоминаются обычно вместе с дансянами (тангутами) и цзу-бусцами, что говорит о том, что эти народы занимали соседние территории. Тибетские источники более позднего времени обычно называют население этого района *хор-ба* — «племя хор».

Тибетское слово *хор* до XVII в. прилагалось к монгольским племенам; жившим в пределах Северо-Восточного Тибета, поэтому и квадратное монгольское национальное письмо XIII в. называется *hor-yig*.

В монгольском эпосе подробно рассказано о многолетних войнах Гэсэра с воинственными широнголами¹⁵. Место действия, общая характеристика ситуации, описание этнографических особенностей, верно подмеченных и пересказанных автором эпоса, позволяют заключить, что речь идет о туйхунях, или а-ша, игравших в XI—XII вв. заметную роль в Центральной Азии. А-ша занимали к началу XIII в. обширную территорию, включавшую земли возле Кукунора, часть Ганьсу, Ордоса и Алашани, которые с начала IV в. стали их этнической территорией, о чем можно судить по сводным данным источников. Они были опорой сначала тибетских, а затем тангутских правителей этого края, от которых находились в вассальной зависимости. Правящая верхушка а-ша была, очевидно, двуязычной, усвоившей язык сначала тибетцев, а позднее тангутов, она не забывала и протомонгольского языка сяньбийцев, на котором продолжала общаться основная часть населения. Создание собственного государства, а затем установление вассальных отношений в тибетском и тангутском государствах постепенно разрушили родо-племенную структуру а-ша и привели их к социальной и имущественной дифференциации.

Развитие ремесел и торговли, связи с тибетцами, тангутами, тюркскими и другими соседними народами способствовали проникновению в среду этих потомков сяньбийцев различных идеологических и религиозных систем, наслаивавшихся на древние родо-племенные культы.

За семь веков, которые прошли со времени переселения группы сяньбийцев-муюнов, они сложились в этнос, имевший свой политический статус федератов, язык и ясно выраженное

этническое самосознание. Территорию этого народа в «Сокровенном сказании» монголы называли Хашин (Qašin), объединяя под этим топонимом земли тангутов (Си Ся) и а-ша — подданных тангутов. Утрата а-ша прав федератов связана с монгольским завоеванием тангутского государства. Население этого района Азии в XIII в. было частично уничтожено, а частично покорено и распределено между военачальниками Чингисхана.

Глава 5

СЯНЬБИЙЦЫ ЛЯОСИ (КИДАНИ) И ИХ РОЛЬ В ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ III—XII вв.

Обособленную группу родственных племен в III в. н. э. составляли обитавшие в Ляоси (бассейн р. Шара-Мурэн) сяньбийцы. Генетически они были связаны с племенами, являвшимися ядром сяньбийского этнополитического объединения предшествующего периода. Уже в 233—236 гг. сяньбийцы Ляоси принимали участие в войнах с царством Вэй, а позднее — с ляодунскими муюнами. Главенствующее положение среди ляосийских сяньбийцев занимало племя киданей¹. Политическая история этого союза, состоявшего из восьми родственных племен, в IV—VI вв. насыщена борьбой с соседними народами. Военные неудачи вызвали несколько вынужденных миграций киданей и их союзников в восточном, южном и западном направлениях. «Бэйши», например, сообщает, что кидани в союзе с юйвэнями в IV в. были разбиты муюнами и вынуждены были переселиться в верховья р. Сунгари, где в это время обитали мохэ (тунгусо-маньчжурские племена). Большинство киданей и юйвэней вскоре вернулись на родину, в бассейн Шара-Мурэн, а часть киданей, соединившихся с юйвэнями, поселилась к западу от южных отрогов Хингана (хребет Иньшань). Они образовали союз племен кумохи, или хи (в древнетюркских источниках эту группу называют татаби). Название «кидани» сохранилось за восточной, шара-мурэнской группой. В VI в. кидани после неудачной для них войны с Западной Вэй потеряли около 100 000 пленными. Эти пленники были поселены в пограничных округах провинции Ганьсу, где уже жили потомки ляодунских сяньбийцев — тогоны (туйухуни).

Некоторые роды киданей из Ляоси переселились в Северную Корею, к когурёсам. Таким образом, ранний период истории киданей связан с несколькими потоками вынужденных миграций: на Сунгари, в Корею, в Северный Китай, в Ганьсу, но основная их часть осталась в Ляоси.

В VI в. кидани Ляоси стали данниками государства древних тюрков, которые сменили жужаней. В VII—VIII вв. они и род-

ственные им хи неоднократно упоминаются в источниках как участники войн с Китаем и каганатами древних тюрок, владевших территорией современной Монголии. Каганат, империя Тан и Когурё старались подчинить себе киданей, чтобы взимать с них большую дань, так как земли киданей были богаты природными ресурсами: пушниной (соболь, енот, рысь, лисица, белка), золотом, жемчугом, жэньшенем, рыбой; земли были пригодны и для земледелия [Кюнёр, 1947, с. 97—101]. Хозяйство киданей, так же как и родственников им хи, было многоотраслевым. В лесных районах население занималось охотой на пушных зверей. В «Бэйши» сообщается, что кидани торговали с Китаем преимущественно лошадьми и соболями [Бичурин, 1950, с. 74—76]. В районах, пригодных для земледелия, кроме проса, гороха, ячменя, пшеницы возделывались конопля, огородные и бахчевые культуры. Е. М. Залкинд еще в 30-х годах обратил внимание на то, что исследователями недооценивалась роль земледелия в культуре киданей, у которых были местные названия для бахчевых культур². Экономика киданей была неоднородна, и в ней большое значение имели районы с местным оседлым, земледельческим хозяйством [Викторова, 1960, 1968]. Об этом есть записи и в «Ляоши», где в главе 1 говорится о развитии земледелия, скотоводства и ремесел. Земледелие, где большое место занимало огородничество, садоводство и выращивание технических культур у киданей достигло высокого по тем временам уровня (см. [ИВЛ, гл. 1; Васильев, 1857; Викторова, 1961, с. 32; Залкинд, 1949, с. 52; Шан Юэ, с. 264—265; Wittfogel and Feng Hsia-sheng, 1949]). Из полевых культур кидани сеяли просо, ячмень, бобы, горох. Из садовых, огородных и технических выращивали груши, дыни, коноплю, тутовые деревья [Викторова, 1961, с. 32; Ивановский, 1894, с. 46].

Разумеется, не все население занималось земледелием: у жителей степей основным занятием оставалось скотоводство. Земледелие развивалось только там, где для этого были пригодные почвы. В этой связи интересно сообщение китайского источника «Мэнгу ю муцзи» («Записки о монгольских кочевьях»). В нем указывается, что земли около Шанцзина (Верхней столицы киданей) были «по тучности пригодны для земледелия, а по обилию травы и воды — для скотоводства» [Попов, 1895, с. 253]. Шанцзин был расположен в бассейне Шара-Мурэны, и земледелие в первую очередь развивалось в этом районе киданьских владений. Развитие земледелия, очевидно, было связано с имущественной дифференциацией и обеднением части киданей-скотоводов. Во второй половине IX в. правители киданей стали поощрять развитие ремесел и переход к оседлости. Особое внимание было обращено на добычу и обработку железной руды и изготовление оружия, а также шелководство, выращивание тутовых деревьев, конопля и развитие ткачества.

Благодаря развитию собственных ремесел кидани станови-

лись поставщиками сельскохозяйственной и ремесленной продукции для соседних кочевников и охотников. Наличие ремесел, скотоводства, земледелия и охоты создавало реальные возможности и для развития внутреннего рынка, который укреплял связи, усиливал коммуникации между отдельными районами и подготавливал экономические условия для консолидации населения в единую киданьскую народность. Однако для завершения этого процесса требовался необходимый уровень социального развития общества.

Уже в III—IV вв. н. э. у киданей шел процесс ликвидации древних форм родовой общины, происходивший неравномерно. Население, занимавшееся скотоводством, сохраняло старые общинные традиции, в том числе коллективную облавную охоту, причем каждое племя конфедерации имело право самостоятельно отправляться на охоту. Как и у других кочевников, коллективная охота требовала четкой организации, знания своего места в линии, разработанного порядка, определенного числа участников. Поэтому она рассматривалась и как своеобразная тренировка и проверка готовности воинов.

Войны велись всеми членами конфедерации, для чего собиралось народное ополчение, а вопрос о походе решался на собрании старейшин всех племен. «Если нужно было выступить в поход, то следовало всем совещаться. Нельзя было действовать в одиночку, но обязательно сообща», — свидетельствуют китайские источники [Бичурин, 1953, с. 362]. Судя по этим кратким сообщениям, в III—V вв. кидани сохранили еще в значительной мере институты первобытнообщинных отношений. Каждый мужчина в случае необходимости был воином, а численность населения определялась по количеству ополченцев. Например, о киданях IV—V вв. сообщается: «Киданьский государь Дахэ имел 40 000 строевого войска, разделенного на восемь аймаков³» [Бичурин, 1953, с. 362]. О сильных патриархальных традициях у киданей говорит и то, что в источниках этого периода (V—VI вв.) нигде нет упоминания о земельной собственности или разделе земли; по мере увеличения численности племен вследствие естественного прироста часть населения переселялась на север, на свободные земли. Все это говорит о том, что существовало общинное коллективное владение землей.

В V—VIII вв. у киданей наблюдается усиление военной активности, связанное с изменением характера общины. Захват добычи и развитие обмена экономически усиливали родо-племенную знать, так как она руководила военными походами, получала большую часть добычи и была посредницей в обмене товарами с соседними государствами. В распоряжении племенной знати постоянно была и военная сила (около 500 человек дружинников окружало ставку каждого вождя). Содержание дружины для поддержания власти вначале не нарушало основ

родовой общины, так как было в ее интересах. Но постепенно войны с соседями, захват их земель и пленных из чужих родов, переселение их и включение в состав киданей неминуемо разрушали старую родовую общину, заменяя ее гетерогенной, т. е., по существу, территориальной, порождая социальное неравенство.

К середине VIII в. среди старейшин киданей происходила ожесточенная борьба за власть. Она завершилась выдвижением Чжали из рода Елюй. Чжали провел ряд реформ, юридически закрепивших изменения социальных институтов киданей. Первая реформа его заключалась в разделе земли. Она могла означать только одно: земля и юридически и фактически переставала быть в общественном пользовании и закреплялась путем пожалований. О том, что в киданьском обществе к VIII в. сложилось социальное неравенство, свидетельствовала вторая реформа Чжали: им были выстроены тюрьмы. Следовательно, существовал и административный и полицейский аппарат. Наконец, когда земля перестала быть в общественном пользовании, средства на содержание войска, административного и полицейского аппарата могли собираться только путем обложения населения налогом. Этим можно объяснить странную на первый взгляд третью реформу Чжали — введение учета посредством зарубок на дереве, — знаменующую создание системы фиска.

С VIII—IX вв. у киданей изменился и порядок наследования. До этого наследование власти правители-старейшины шло от старшего брата к младшему, затем к сыну старшего брата и т. п., т. е. сохранялись нормы патриархального рода. Теперь вводилась передача престола от отца к сыну (закрепление власти за династией, «фамилией», сменившей род). Хотя вплоть до IX в. была видимость выборности правителя, фактически власть стала наследственной.

Государство киданей в IX—X вв. стало играть большую роль в истории Дальнего Востока, Центральной, Средней Азии и Китая, когда во главе его стал Елюй Амбагянь. Он родился в 872 г. и принадлежал к племени дийела, роду Елюй (или Ила) [Wittfogel and Feng Hsia-sheng, 1949, с. 59, примеч. 1].

В годы юности Амбагяня киданями правил его дядя Сулан, завоевавший часть соседних племен. Юношу назначили управлять этими племенами и дали ему титул тама чжун⁴. Вскоре ему поручили командовать войсками и ведать организацией войск, присвоив титул иличжи. Присоединив в 901 г. к владениям киданей часть территории племен шивэй на севере, он в том же году путем мирных переговоров подчинил племена хи, особенно настойчиво подчеркивая общность происхождения, языка, обрядов и обычаев с последними.

В 906 г., после смерти дяди, Амбагянь стал правителем киданей. Приходу к власти Елюй Амбагяня способствовала и внешнеполитическая обстановка: незадолго до этого на востоке

из местных племен мохэ и когурёских беженцев было образовано государство Бохай [Шавкунов, 1968]. В Китае заканчивала свое существование династия Тан. В степях Центральной Азии продолжала царить анархия, вызванная падением Уйгурского ханства (745—840) и киргизским вторжением 840 г. Поэтому ни на западе, ни на юге не было силы, которая могла бы помешать завоеваниям киданей.

В первой четверти X в. кидани завоевали значительную часть Центральной Азии. В 924 г. были завоеваны земли севернее Хуанхэ, простиравшиеся на запад до Алтайского хребта, где границы киданей доходили до земель государств Восточного Туркестана. В 926 г. было завоевано государство Бохай, что дало киданям выход к Тихому океану. На севере границы империи проходили по отрогам Хингана, захватывали бассейны Орхона, Селенги и Толы (верхнее и среднее течение), бассейн среднего и нижнего течения Керулена и приозерные районы Далай и Буир-Нора.

При втором императоре киданей, Дэгуане (927—947), к огромным владениям в Центральной Азии и на Дальнем Востоке было присоединено 16 округов в северной Шаньси, Хэбэе и Чахаре. Эти земли составляли около $\frac{1}{15}$ части всей территории империи. Завоевание степей Центральной Азии, Бохая и бывших земель сяньбийцев и южных хуннов сделало империю киданей одной из крупнейших империй средневекового Востока. Кидани приобрели не только богатые людские и материальные ресурсы, но и прямые караванные пути, соединившие Ляо с государствами Восточного Туркестана и Средней Азии на западе, минуя Великий шелковый путь. Новая империя привлекла внимание других государств. С нею имели торговые связи, установили дипломатические отношения — «союзы мира и родства» — многие государства Азии: Корея, Китай, уйгурские государства Восточного Туркестана, Япония, Персия, Арабский халифат. Тангутское государство Си Ся считалось вассалом киданей.

Успеху завоеваний киданей способствовали установление монополии на торговлю солью и железом, а также четкая организация войск, которая, так же как и тактические приемы ведения войны, была унаследована киданями от предков. Однако основным отличием войск киданей было то, что место воинов — свободных общинников заняли феодальные ополченцы. Военно-обязанными считались мужчины от 15 до 50 лет.

Империя киданей, которая с 947 г. стала называться Ляо, была феодальным государством [История МНР, 1967, с. 93—98; Рудов, 1963]. Ее международные связи и известность в истории того времени во многом объяснялись широким размахом киданьской торговли с соседними и отдаленными странами. В Самарканде восточные ворота города так и назывались — «киданьские», а поэт и государственный деятель при дворе кашгарского

Богра-хана Юсуф Баласагунский писал в «Кутадгу билиг» («Книге счастья»), датированной 1069 г., в разделах «Описание весны» и «О торговцах»: «Сухие деревья оделись зеленью и украсились светло-розовым, алым, желтым, голубо-зеленым и красным [цветом]. Бурая земля навязала на [свою] поверхность зеленый шелк, и китайские караваны распространяли табачные товары.

Общайся с этими торговцами, когда они уходят и приходят; когда они будут просить относительно торговых дел, исполняй [их]. У них [или от них] находит этот мир свои желания, красоту народа, избранные и прекрасные одежды. От востока до запада они путешествуют, и предметы твоих желаний они тебе доставляют. Множество драгоценностей и диковинок мира находят у них, о мудрый и щедрый! Если бы не было торговцев, путешествующих по вселенной, то когда одевались бы в одежду с подкладкой из черного соболя!

Если бы китайские караваны уничтожили бы свои торговые знамена (вывески), то откуда явилось бы множество товаров?» [Малов, 1951, с. 238, 297].

Приведенные выдержки дают основание утверждать, что торговые операции занимали большое место в киданьской экономике. Киданьские купцы не только являлись поставщиками различных изделий собственно киданьского ремесла и охотничьего промысла подчиненных им племен, но и стали посредниками в торговле между Китаем и Средней Азией.

По образу жизни население империи было частично оседлым, частично кочевым. Оседлое население жило в городах (их было 156) с киданьскими гарнизонами, в небольших городках и поселках, а разноплеменные скотоводы кочевали в степях. В каждый город назначался представитель центрального правительства, управлявший этим городом, прилегающей к нему округой и ведавший сбором налогов. В скотоводческих районах с иноплеменным населением кидани сохраняли старых племенных старейшин и назначали цзасаков, ведавших сбором дани, из киданей.

Политическая история Ляо после смерти ее основателя наполнена войнами с соседними народами (Китаем, Кореей, Си Ся), а также неурядицами внутри страны. Борьба за власть в правящей династии, сепаратистские тенденции вождей подвластных племен и киданьских наместников ослабляли государственную власть, но консолидация самих киданей была уже достаточно устойчивой и прочной. Существовало осознание этнополитического единства киданей и внутри страны, и за ее пределами. Судя по тому, что в «Ляоши» при характеристике того или иного исторического деятеля часто упоминается и его племенная принадлежность, можно полагать, что значительной части населения, а особенно аристократии было присуще двойное (или даже тройное) этническое сознание, когда наряду с на-

званием народности упоминалась и племенная принадлежность, а знать присоединяла еще и название рода.

Сознание общекиданьского единства покоилось на памяти о генетическом родстве, общности языка, материальной и духовной культуры, создававших в комплексе этнопсихологический стереотип, выражавшийся в поведении, одежде, отправлениях культа, обрядах, бытовой культуре, в навыках трудовой деятельности и ее результатах, т. е. в воспроизводстве всех признаков именно этого стереотипа, в определенном сочетании свойственного только киданям и адаптированным ими племенам. Стереотип культуры киданей в доминирующих признаках был сходен с культурой остальных народов той же группы, но в деталях, конкретных проявлениях имел свои особенности.

Традиционные занятия и культура киданей сочетали элементы, связанные как с оседлым, так и с кочевым образом жизни [История МНР, 1967, с. 99]. Кузнечным, ювелирным, шорным ремеслом занимались, как и у монголов, мужчины, а прядением, ткачеством и плетением, малоразвитым у монголов,— женщины. В гончарном производстве также проявлялись свойственные именно этой группе особенности. Среди разнообразной керамики, обнаруженной при раскопках памятников киданьской материальной культуры на территории Маньчжурии, опубликованных в японском «Каталоге выставки сокровищ Маньчжоу-го», есть группа уникальных сосудов, не имеющих, пожалуй, аналогичных форм в других культурах. Это глазурованные глиняные сосуды, имитирующие кожаные фляги. Их особенностью является то, что на глине полностью воспроизведена имитация вышивки с характерным орнаментом и изображением шва. Эти сосуды как бы иллюстрируют сообщения историков об искусстве ухуаньцев и сяньбийцев в вышивке на коже, что было отмечено автором настоящей работы [Викторова, 1961, с. 32].

Особенностями киданей были в первую очередь оседлость большей части местного населения и навыки градостроительства, позднее воспринятые чжурчжэнями и монголами [Воробьев, 1968а; Пэрлээ, 1959]. На территории Монголии открыто много киданьских городищ. Городища, расположенные в степной зоне, имеют прямоугольную планировку (сторонами по странам света). От глинобитных стен сохранились сильно оплывшие валы с воротными проемами в середине. Вскоплением внутри огороженной части обозначены древние постройки, внутри стен имеется свободное, незаостренное пространство. На городищах обнаружено большое количество серой кровельной черепицы двух типов — слабо вогнутой, широкой и сильно вогнутой, узкой. В массе для киданьских городищ типична серая и серо-розовая керамика, чаще всего с вариантами одного и того же штампа или в виде узких клинышков, образующих прямые ряды и заполняющих поверхность сосуда, или вдавленных квад-

ратиков. На городище Дээд-Улаан-Эрэг, расположенном на высоком берегу над поймой р. Керулен, была найдена печь, наполненная обломками керамики описанного типа, что позволяет ее датировать киданьским временем. Печь однокамерная, помещалась на склоне холма, устьем вниз. Такой тип печей для обжига керамики был характерен в VII в. и для Северной Кореи. На городище Дээд-Улаан-Эрэг нашли и отопительную систему в виде канов⁵. Кидани, как и соседние народы, использовали для отопления каны. Эта система отопления была свойственна и монголам, каны обнаружены в монгольских городах XII—XIII вв. [Киселев, 1961, с. 109—114]. С монгольским завоеванием отопление канами проникло далеко на запад. А. В. Федоров-Давыдов выяснил, что в Поволжье отопление канами появляется вместе с приходом туда монголов. Таким образом, этот элемент когурёско-сяньбийско-киданьской культуры распространился и на запад [Федоров-Давыдов, 1960].

К киданьскому времени относятся и находки ручных мельниц, шлаков, оставшихся от плавки металла, предметов вооружения и т. п., что подтверждает сведения письменных источников о широком развитии ремесел и товарном значении ремесленного производства.

Киданьские городища Восточной Монголии по основным признакам похожи на те, что были обнаружены на территории Маньчжурии [Воробьев, 1968а; Пэрлээ, 1959, 1962; R. Torgii, 1936; Tamura, Kobayasi, 1953]. Киданьские строители были хорошими мастерами. Их приглашали на строительство столичных городов чжурчжэни в XII в. Так, Верхняя столица чжурчжэней — Шанцзин — стала строиться в 1124 г. мастерами из Линьхуана (Верхней столицы киданей). В 1125 г. в Шанцзине побывал китайский путешественник Сюй Канцзун, обративший внимание на то, что все дома в нем были обращены тылом на север, а фасадом на юг, что помещения крыты черепицей, которая вогнутой стороной обращена вверх и прилеплена глиной.

У киданей главными были южные ворота, от них начиналась аллея, усаженная деревьями; внутри помещения напоминали юрты или шатры. Постели были устроены на глиняных лежанках — канах, застланных коврами, шелками, шкурами кунниц, перинами, а стены прикрыты тканями [Воробьев, 1968а, с. 77—83].

Судя по археологическим памятникам, на территории Внутренней Монголии, Маньчжурии и советского Дальнего Востока города, строившиеся киданями во времена династии Ляо, имели и еще некоторые особенности, сближающие их с монгольскими: прямоугольную планировку (где позволял рельеф местности); ориентировку сторонами по странам света; четверо ворот, расположенных в средней части оборонительных стен.

Империя Ляо, созданная киданями, отличалась религиозным эклектизмом. Население ее исповедовало буддизм, даосизм,

христианство, мусульманство, распространенные в той или иной степени в различных районах империи. Эклектизм являлся следствием пестроты этнического состава и разного уровня и характера культуры отдельных регионов.

Развитые религиозные системы были преимущественно распространены среди населения, связанного в основном с земледельческим хозяйством, хотя христианство и буддизм в X—XII вв. уже имели последователей и среди тюркских и монгольских скотоводческих народов. Наряду с развитыми религиями у киданей существовали обряды, восходящие к древним религиозным представлениям. Наиболее чтимыми божествами, которым приносились жертвы в особо важных для всей страны случаях — при выступлении в поход, после победы над врагом, при восшествии на престол императора, были Небо, Земля, Солнце, Луна, духи предков и умерших родственников.

У монгольских народов, в том числе и у киданей, Тэнгри (Небо) олицетворял мужское начало. У киданей в жертву Небу приносили серого быка и белую лошадь. Земным воплощением небесного божества считался император. Поэтому Елюй Амбагяню был присвоен титул императора Неба. Он же был посредником между Отцом-Небом и его детьми, живущими на земле. Эта связь облекалась в форму жертвоприношения Небу, осуществляемого самим императором. Основатель новой династии обычно считался сыном небесного божества. С его рождением кидани связывали легенды о непорочном зачатии или о небесных знамениях, сопутствовавших его рождению⁶.

Наряду с Небом кидани почитали божество Земли, поклонение которому было широко распространено у различных монгольских и тюркских народов. Это божество монголы называли Этугэн. Оно служило символом плодородия. Богине Земли приносили жертвы перед выступлением в поход и в случае победы, ей молились о ниспослании удачи. При наречении основателя киданьской династии Елюй Амбагяня императором Неба, его супруге был присвоен почетный титул императрицы Земли.

В древних сюжетах монгольских мифов проглядывают наиболее ранние представления о земном божестве как о Матери-Земле, божественной супруге небесного божества Тэнгри. Связь между небом и землей представлялась как естественная супружеская связь мужского и женского начал. Присвоение же соответствующих титулов Неба и Земли императору и его супруге было переосмыслением древнейших верований, связанных с культами плодородия, и переносом их в общественное сознание средневековья. Союз императора и императрицы символизировал гармонию государства, благополучие подданных, умножение их богатств, увеличение численности населения [Викторова, 1974, с. 261—265].

Сохранялся у киданей и древний обряд поклонения Солнцу, который совершали в 11-м месяце, в день зимнего солнцестоя-

ния. По традиционному ритуалу император восходил в этот день на террасу, простираясь ниц, затем, обратившись к Солнцу, кланялся ему дважды и возжигал курения. Сановники в соответствии с их положением занимали свои места на лестнице, которая с двух сторон вела на террасу, а также совершали двукратное поклонение. Потом император сходил с террасы, а вельможи подавали ему свои письменные доклады. Министры со своими подчиненными, стоявшие за императором, называли имена сановников, и те дважды преклоняли колена перед повелителем, желали императору много счастья, снова преклоняли колена и оставались стоять.

Луне также совершались поклонения и жертвоприношения, однако в отличие от божеств Неба, Земли и предков (вернее, духов предков) Луне не приносились жертвы при выступлении в поход. «При начале каждого похода император убивал, собравшись вместе с гражданскими и военными чинами, черноватого (в других разделах сказано серого, — Л. В.) быка и белую лошадь и приносил жертвы Небу, Земле, Солнцу и всем духам. Только Луне не приносились жертвы» [ИВЛ, гл. 1].

Религиозные верования и культы, связанные с предками, отражены в мифах и легендах, повествующих о происхождении племен и отдельных родов, о непорочном зачатии, а также в обрядах, которыми сопровождалось заключение клятвенных обязательств, вассальных договоров, в погребальных и иных обрядах. Погребальный обряд киданей в древности сводился к тому, что трупы умерших помещали на деревьях, по прошествии трех лет собирали кости, сжигали их, а пепел разведали. После этого совершали обряд жертвоприношения⁷. В период империи для знати сооружали мавзолеи под курганами. Таково погребение императора Синьцзуна (XI в.), обнаруженное и исследованное Р. Торин [Бичурин, 1950, с. 75; Torgii, 1936]. Но древние обряды поклонения душам предков и умершим родственникам были живы и в X—XII вв., они часто упоминаются в «Ляоши» наряду с куклами Неба и Земли. О них сообщают кратко. Например: «929 г. 10-й месяц. Когда войско намеревалось выступить в поход, Тайцзун принес жертву Небу и Земле»; «938 г. Во 2-м месяце Тайцзун находился восточнее р. Ляохэ, когда он подумал о своем убитом брате и поручил Ти-ню (тегин, наследник престола) с членами семьи (правлящего дома. — Л. В.) принести [ему] жертву», «в 6-м месяце Тайцзун прибыл во дворец, чтобы там принести жертвы Солнцу, Луне и четырем временам года, и повелел во дворце сделать два изображения добрых дел Амбагяня и его сына Бэя».

Человеческие жертвоприношения у киданей были связаны в основном с военными походами. В жертву приносили приговоренных к смерти преступников и пленных врагов. Если царствующий император выступал в поход, он надевал панцирь, шлем, а затем сам приносил жертву духу покойного императо-

ра. После этого приговоренных к смерти людей ставили по направлению движения войск, и проходящие мимо воины пускали в них стрелы. Когда войско возвращалось с войны, таким же образом убивали пленных [Ларичев, Тюрюмина, 1975, с. 104].

Очень древним обрядом, указывающим на киданьско-корейские связи, был обряд моления о дожде во время засухи. Сначала император отправлялся в храм предков и приносил жертву перед изображением покойного императора, затем сам дважды бросал свое копье в ивовое дерево. То же делали его приближенные. Стрелки, попадавшие в дерево, получали от судей, проверяющих результаты стрельбы, платья и шапки тех, кто не попадал. Затем промахнувшиеся преклоняли колена перед остальными. В конце состязания всем раздавали вино и каждый получал обратно свое платье. На второй день торжественно водружали ивовое дерево в юго-восточной части палатки и приносили сладкое жертвенное вино и различные кушанья, причем император и императрица должны были приносить жертвы в восточном углу палатки. Сыновья и братья императора после этого снова бросали копье. По окончании обряда император одаривал драгоценностями своих родственников, братьев своей матери и знатных чиновников (каждого сообразно с его рангом). Если в течение трех дней наступала дождливая погода, император давал чиновнику, ведавшему обрядами, четыре лошади и четыре костюма, если же дождя не было, то самого чиновника хватали и обливали водой по приказу императора.

Из верований и примет можно отметить, что кидани, как позже и монголы, считали белый цвет символом благосклонности небес и добрым предзнаменованием. Легенда, записанная в «Ляюши», сообщает, что, когда у Амбагяня родился сын (Дэгуан), в доме распространилось божественное сияние. В это время вернулись охотники и принесли белого оленя и белого сокола, которых они поймали, что было сочтено как благоприятное знамение небес. Когда император хотел проявить свое расположение, он одаривал сановников вышитым платьем, парчовыми кофтами и белой лошадью с седлом и уздой, украшенными золотом.

У киданей была также примета, что видеть во сне прилет в дом белой птицы предвещает приход приятного человека. Такая же примета существовала и у монголов в X—XIII вв. («Сокровенное сказание», § 63).

Верованиям и обрядам киданей, таким образом, были присущи те же черты, что и сянбийцам. Они унаследовали и культ гор, связанный с культом предков. В отличие от Красной горы ухуаньцев, по поверьям киданей, духи их предков обитали на Черной (Северной) горе. Поэтому зимой на Черной горе в день солнцеворота приносили жертвы, в числе жертвенных животных обязательно была лошадь. Лошадь приносили в жертву и в том случае, когда в государстве возникала опасность [Ва-

ильев, 1857, с. 172, 192]. Лошадь была тотемным животным, о чем говорит тот факт, что среди киданей было одно из племен, носивших имя Морин (монг. лошадь). Кроме того, в легендах о киданях, записанных китайскими авторами, говорится о том, что когда-то правителем киданей был Нохой (монг. собака), который якобы принимал человеческий облик только после того, как ему в жертву приносили белую лошадь или пегую корову [Васильев, 1857, с. 191]. Осенью кидани исполняли даже специальный обряд, связанный с собакой. Император убивал белую собаку, голову которой зарывали в семи шагах от поставленной в южном направлении палатки. Через семь дней палатку переносили на то место, где была зарыта голова собаки [Васильев, 1857, с. 191]. Этот обряд был также унаследован киданями от их предков.

У киданей существовал и такой обычай. Чтобы ребенок рос здоровым и благополучным, его не показывали посторонним и чернили лицо сажей. Такой обычай до недавнего прошлого бытовал и у монголов. Целью его было предохранить дитя от нечистой силы [Вяткина, 1960, с. 241].

Приведенные историко-этнографические параллели наглядно свидетельствуют о том, что культура монголов впитала в себя много черт материальной и духовной культуры южной группы их этнических предшественников — киданей, а погребальный обряд киданей (временные погребения на деревьях) указывает на истоки культа деревьев, который до недавнего времени существовал и у монголов. Однако связь культа деревьев с культом предков у киданей проявляется более отчетливо, чем у монголов.

Еще более убедительный материал для доказательства генетического родства монголов с киданями могли бы дать языковые параллели, если бы мы располагали связными текстами на киданьском языке. Однако имеющиеся эпиграфические киданьские памятники пока не дешифрованы. Поэтому исследователям приходится пользоваться киданьскими глоссами и сопоставлять их с данными письменных источников о языке киданей.

Л. Н. Рудов нашел около 30 слов в «Ляоши юйцзе» («Толкование [киданьских] слов, встречающихся в „Ляоши“») ⁸, которые фонетически полностью совпадают со словами из памятников квадратной письменности [Рудов, 1963, с. 93], написанных в XIII—XIV вв. на монгольском языке среднего периода. Язык квадратной письменности, как и язык киданей, относится к южной группе («чакающих») монгольских диалектов. В фонетическом отношении язык квадратной письменности характеризуется наличием инициального *h*, дифтонгами типа *ai*, *ei* и рядом других особенностей ⁹. О сходстве языка киданей с каким-либо из современных языков можно было бы судить более основательно по киданьским письменным памятникам ¹⁰. К со-

жалению, они представлены ныне забытой киданьской письменностью, составленной в 920 г. по инициативе Елюй Амбагяня. Творцами письменности киданей были киданьские ученые Тулюйбу и племянник императора Елюй Лубугу, создавшие большое киданьское письмо. Сын Елюй Амбагяня — Елюй Тэла создал второй вид письменности — малое киданьское письмо. Большое киданьское письмо состояло из тех же основных элементов, что и китайские иероглифы (штрихи и точки), но иначе сгруппированных [Стариков, Наделяев, 1964, с. 5, 6]¹¹.

Л. Н. Рудовым в 1940 г. было установлено, что киданьское письмо является силлабическим, в котором неделимая графическая комбинация черт соответствует в одних случаях сложному слову, а в других — слогу¹². Слоговые начертания располагаются не по прямой линии, а по два рядом, слева направо, сверху вниз, создавая перед графической паузой общий квадратный контур, внешне сходный с китайским иероглифом. Отличительной чертой этого письма является наличие определенных начертаний для суффиксов [Рудов, 1963, с. 32—94].

К дешифровке киданьской письменности исследователи идут различными путями. Алтайст В. М. Наделяев и китаист В. С. Стариков проделали в 60-х годах очень важную предварительную работу. В. С. Стариковым была составлена карта-тека всех киданьских знаков, а затем выявлены комбинации всех знаков в текстах. В. М. Наделяевым была установлена грамматическая структура киданьского языка. Однако они не смогли прочитать киданьский текст.

Японские исследователи И. Тамура и С. Кобаяси в качестве априорной рабочей гипотезы выдвинули принцип идентичности языка киданей языку «Сокровенного сказания» и стали решать задачу методом подстановки слогов и грамматических показателей [Тамура, 1953]. Этот метод пока также не дал ощутимых результатов.

Венгерский исследователь Л. Лигети, основываясь на известных монгольских текстах, транскрибированных китайскими иероглифами, стремится выяснить сам принцип системы передачи алтайских глосс китайской иероглифической письменностью¹³. Широкий историко-филологический подход и учет исторических фактов позволили Л. Лигети прийти к выводу, что монгольские языки и диалекты уже в раннем средневековье были очень разнообразны. Язык киданей он считает одним из сяньбийских диалектов, который лег в основу монгольского литературного языка [Ligeti, 1955, 1958, 1959, 1961, 1962, 1963, 1969, 1971].

Автор настоящей работы разделяет концепцию Л. Лигети, но полагает, что в основу литературного языка и письменности монголов в XIII в. лег язык семиреченских киданей (каракитаев), которые впервые широко применили к монгольскому языку уйгурскую графику. Затем через найманов (вассалов каракита-

ев) эта письменность, уже приспособленная к монгольскому языку, была заимствована в XIII в. монголами [Викторова, 1962; Ligeti, 1964]. Языковые факты, накопившиеся за последние десятилетия, все больше подтверждают близость монгольского и киданьского языков, а монголоязычие киданей признается большинством исследователей-монголистов. Бесспорным можно считать и его коренное отличие от тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, хотя и в монгольских языках XIII—XIV вв. есть значительный лексический пласт, который близок, с одной стороны, древнетюркским, а с другой — чжурчжэньским глоссам. Вместе с тем в системе, т. е. в целостности, эти языки различны. Некоторое число лексических примеров указывает на то, что у всех трех ветвей алтайской семьи языков и в средние века существовали те же принципиальные отличия между собой, что характеризуют их в настоящее время.

	Киданьский язык	Монгольский язык XIII—XIV вв.	Чжур- чжэньский язык	Древне- тюркский язык
птица	Šawa	šiba ün		quš
птицелов	Šawaji	šibayuci		quščī
полюнь	Šibaq	šibaq(mo)		
сто	Ĵau	Ĵa'un		jüz
пять	taw	tabun		beš
пыль	Towus	toγosun		
солнце	nair	naran		kün
месяц (луна)	sair	saran	inenggi	ai
собака	nohay	noqai	inda hum	it
баран (овца)	Honin	gonin	honin	qoj
лошадь	morin(mo-li)	morin	morin	at
айл	hajil(wa-li)	ayl		
начало, первый	t'ê-li-chirn	t'eri.un		
титул наследника пре- стола	ti-yin			tegin
государь народа, все- общий хан	gür-han	gur qai		
властитель (завоеван- ного народа)	i-li-chi (il-ejen)	il-qan		
небо	tengri	tengri	abka	täuri

Большое количество киданьских слов, записанных в «Ляоши» и относящихся к титулатуре, административному управлению, организации армии, допускает различное чтение и толкование с древнетюркского, тунгусского, а не только с монгольского языка, но этот языковой материал подтверждает только факт контактов между этими народами. Действительно, сначала кидани были подданными тюрок и наследник тюркского престола управлял их землями. Нельзя забывать и о том, что императрицы киданей были, по данным «Ляоши», из уйгурского (т. е. также тюркоязычного) рода Сяо, а многие министры двора были ее родственниками. В начале X в. кидани завоевали

племена тунгусо-маньчжурского происхождения, а в 926 г.— Бохай. Бохайское царство было центром культуры южной группы тунгусо-маньчжурских племен (мохэ) и выходцев из Когурё. Кидани частично переселяли завоеванных бохайцев и другие народы в глубь империи. Бохайская литература, письменность и культура в целом оказали влияние на киданей, которые, по мнению М. В. Воробьева, заимствовали именно от бохайцев систему пяти столиц — главной, северной, южной, западной и восточной. Иконографические материалы XI в. из мавзолея Синьцзуна подтверждают разнообразие антропологических типов в империи киданей. Портреты приближенных императора изображают монголоидов; часть из них принадлежит к типу, который часто встречается среди населения Восточной Монголии. Это черноволосые, темноглазые, с узким разрезом глаз люди. Скулы широкие, лицо высокое, довольно плоское. Встречаются также лица с более светлой пигментацией кожи и волос, с более крупным носом, внешне напоминающие маньчжуров.

В «Ляоши» содержатся данные об этническом составе империи киданей и окружающих народах. Киданям посылали дань или просто имели с ними обмен дарами многие народы. Кроме Китая в «Ляоши» неоднократно упоминаются Корея, Япония, а на юге, западе и севере — целый ряд народов, например различные группы уйгуров¹⁴. В Гаочане, Дуньхуане, в Ганьсу, Турфане, Хотане также были уйгурские княжества, поддерживавшие оживленные отношения с киданями. Тюрки-шато из района оз. Баркуль в Восточном Туркестане переселились к Великой китайской стене. Западные тюрки жили и у оз. Балхаш, а тюркоязычные усунь жили в то время на р. Или в Синьцзяне. Кидани на западе поддерживали связи с арабами и с Северной Персией. Енисейские кыргызы занимали приенисейские земли.

Государство Си Ся, основу населения которого составляли дансяны, занимало северные земли Шаньси, Шэньси, часть Ордоса, Ганьсу и Суйюани. В Алашани, Цайдаме и Ганьсу жили родственные киданям тогоны (а-ша). Тогоны время от времени посылали своих послов в Ляо, так как часть тогонов была вассалами киданей. По соседству с тюрками и уйгурами в Восточном Туркестане жили басмылы, имевшие столицу в Бешбалыке.

Власть киданей среди степных племен без военных гарнизонов не была бы особенно прочной. Для охраны границ, караванных путей и стратегически важных пунктов (в том числе и горных проходов) кидани поселялись на завоеванных землях довольно большими группами. Так, в первой трети XI в. для охраны северо-западных земель туда были переселены 16 тыс. семей киданей, которые затем переселились в Семиречье [Бартольд, 1899; Викторова, 1961]. Поселения-гарнизоны не были единичными, о чем можно судить по большому количеству киданьских городищ-гарнизонов, открытых на территории Монголии [Пэрлээ, 1959].

Таким образом, в период существования киданьской империи (X—XII вв.) происходило постепенное дисперсное расселение киданей и подчиненных им племен на западные земли (Центральной и Средней Азии), до этого населенные в основном тюркоязычными и частично ираноязычными народами¹⁵.

Отношения с западными соседями были сравнительно мирными, интенсивно развивалась караванная торговля.

К первой четверти XII в. империя Ляо начала переживать тяжелый внутренний кризис, вызванный многими причинами, такими, как неоднородность состава империи, разница в уровне экономического развития отдельных частей страны, феодальные междоусобицы, заговоры при дворе, внешние войны. Все это способствовало падению империи Ляо. Внешним же толчком послужило восстание усилившихся к тому времени тунгусо-маньчжурских племен, находившихся в подчинении у киданей. На этот раз их объединило сильное племя чжурчжэней, заключивших союз с китайской империей Сун. Чжурчжэни разбили киданей, захватили их земли и создали государство Цзинь (1125 г.).

В результате завоевания бассейна Ляохэ кидани потеряли независимость. Однако они продолжали играть важную роль в государстве и культуре чжурчжэней. Киданьский язык и письменность употреблялись наравне с чжурчжэньскими¹⁶ и в качестве второго государственного языка вышли из употребления в империи Цзинь только незадолго до завоевания ее монголами. Киданями были и некоторые чжурчжэньские сановники, перешедшие на службу к монголам, в том числе потомки императорской фамилии Елюй, как, например, известный Елюй Чуцай (о нем подробнее см. [Мункуев, 1965]). Кидани не были ассимилированы чжурчжэнями. Большое количество киданьского населения, жившего в бассейне Ляохэ, по отрогам Хингана и в Хэбэе, влилось в состав монголов, образовав ядро южных монголов, а позднее монголоязычных народов Внутренней Монголии¹⁷.

Часть киданей сразу же отказалась подчиниться чжурчжэням и решительно отстаивала свою независимость. Эту группу возглавил Елюй Даши — потомок Елюй Амбагяня. Приняв титул гур-хана и собрав войска, он отправился на запад, чтобы отвоевать земли, захваченные чжурчжэнями, и восстановить империю Ляо [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 395]. Уйгуры были союзниками киданей, и Елюй Даши остановился в Хотане, где в это время находились ополчение нескольких городов Восточного Туркестана и вассальные правители восьми племен (вероятно, найманов). Старые родственные и вассальные связи уйгуров с его династией способствовали тому, что Елюй Даши собрал свыше 10 тыс. войска и завоевал земли государства Караханидов в Восточном Туркестане, а также Мавераннахр [Бартольд, 1898, 1910; Грумм-Гржимайло, 1800, с. 390, 394], земли

ж северо-востоку от Енисея и Хорезм [Оссон, 1934, с. 246—247]. Новое государство имело опору в виде киданьских переселенцев XI в. В него вошли также местные тюркоязычные народы Средней Азии и частично Восточного Туркестана (уйгурский правитель был вассалом киданей, найманы также платили им дань). Империю Елюй Даши китайцы называли Си Ляо, а монголы — Хара-Хитай, ее центр был в Семиречье. Хара-хитай стали в XII в. на северо-западе языковым и этнокультурным форпостом сяньбийцев Ляоси. В XIII в. они также были завоеваны монголами.

Третья группа киданей пыталась укрыться в государстве тангутов (Си Ся). Однако тангуты вынуждены были выдать беглецов чжурчжэням. Возможно, что часть из них нашла убежище в Ганьсу, или в землях а-ша. В XIII в. они также были завоеваны монголами.

В целом же период господства киданей в Центральной Азии способствовал сближению оставшихся там тюркских племен с монгольскими и подготовил почву для формирования этих разнообразных племен в единую народность.

Глава 6

СЕВЕРНЫЕ СЯНЬБИЙСКИЕ ПЛЕМЕНА. ИХ РОЛЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ МОНГОЛОВ

Монгольские источники XIII—XVII вв. дают несколько версий происхождения, истории и генетических связей монголов до образования империи Чингизидов. Первая, наиболее ранняя из них принадлежит «Сокровенному сказанию». Она основана на устных преданиях и, очевидно, на не дошедшей до нас письменной традиции. Можно предполагать, что уже во время правления Чингиса было начато и составление генеалогии правящего рода Чингизидов, так как знание генеалогии у монголов было, по свидетельству Рашид ад-дина, обязательным.

В период становления монгольского государства и сложения монгольской народности правящему роду было особенно важно закрепить линии связей с династиями предшествующих империй средневековья, чтобы таким образом обосновать лидерство Чингизидов в новой империи. Поэтому в «Сокровенном сказании» намеренно подчеркиваются все недостатки хана керейтов и хана найманов. В генеалогических преданиях «Сокровенного сказания» прослежены только линии родственных связей, позволяющие обосновать право Чингиса на всемонгольский престол, на роль объединителя, основателя Государства всех монголов.

Начальный период генеалогии в «Сокровенном сказании»

возводится к первопредку Бортэ-Чино (Бурый Волк). Время его жизни определяют серединой VIII в. [Гонгор, 1970, с. 66]. В имени предка-эпонима (Чино) исследователи справедливо усматривают связь с древнейшими тотемическими представлениями, свойственными народам Центральной Азии, с родовым наименованием династии Ашина [Roucha, 1956], основавшей, согласно данным китайских источников, I тюркский каганат (555—630) ¹.

Китайская традиция твердо считает тюрков потомками хуннов. Хунны после победы над дунхусцами в 203 г. до н. э. частично переселили побежденных на свои земли. Их потомки платили дань хуннам и служили в их войсках. При неуплате дани в срок у должника отбирали жену и детей. Поэтому многие женщины попадали в хуннскую среду и становились служанками, наложницами и женами хуннов. Между некоторыми знатными родами хуннов и сяньбийцев существовали брачные связи [Сухэбатор, 1975, с. 12—17]. Таковы были пути проникновения некоторой части древнемонгольских племен в древнетюркскую среду, где они постепенно ассимилировались, но сохраняли родовое имя и память о происхождении. Так у тюрков, очевидно, появился и род волка с монгольским названием Чино (или Ашина китайской транскрипции) ².

Род Ашина правил тюрками вплоть до падения I тюркского каганата в 630 г. В этот период тюрками были покорены кидани (кытай), хи (татаби) и отуз-татары (шивэйцы ³) [Викторова, 1958, с. 51, 59]. Племена шивэйцев были северной группой сяньбийцев, которых «История династии Суй» безоговорочно считает родственными киданям: «Что касается киданей и им подобных, то живущие на юге составляют киданей, а находящиеся на севере зовутся шивэй» [Кюнер, 1961]. В «Истории династии Тан» на их этническое родство указывается еще более определенно: «Шивэй — особый род (лэй) киданей, особое племя (чжун) киданей на северной границе дунху» [Кюнер, 1961, с. 63]. В VIII в. в числе шивэйцев уже упоминается племя мэнью, живших на р. Онон [Викторова, 1958, с. 41—66; Пэрлээ, 1959].

«История династии Тан» дает следующую картину расселения шивэйцев в VII—VIII вв.: «Их владение находится на северо-востоке от столицы [государства Тан] на 7000 ли. На востоке оно достигает хэйшуй мохэ (черноречные мохэ), на западе — ту-кюэ (тюрк. — Л. В.), на юге примыкает к киданям, на севере достигает моря» [Кюнер, 1961, с. 63].

Автор настоящей работы отождествляет отуз-татар орхонских текстов с шивэйцами китайских хроник, а токуз-татар — с южными шивэйцами. Монголы в VIII в. были частью отуз-татар и жили по Онону [Викторова, 1958, с. 41—66].

Тюрки управляли племенами отуз-татар, или шивэйцев, разделив их на три части. Каждой из территорий с определенным

числом жителей управлял один тюркский эмиссар с титулом «тутук». Шивэйцы этого периода характеризуются как «люди бедные и слабые», которые были покорны тюркам. Тюркоязычные народы (тюрки, уйгуры и др.) занимали в VI—X вв. большую территорию в Южной Сибири, Средней Азии, Восточном Туркестане, Западной и Центральной Монголии; их этническую территорию очерчивают находки памятников древнетюркской письменности [Кляшторный, 1964, с. 52—53]. На востоке тюрки граничили с шивэйцами по Хэнтею, Селенге и в Прибайкалье. Границы эти были подвижны в пределах контактной зоны.

На значительное влияние тюрков в Хэнтейском горном районе и в степях бассейнов рек Онон, Керулен, Халхин-Гол указывают характерные для тюркского времени археологические памятники. Тюркский культурный пласт в археологических памятниках VI—VIII вв. в восточных районах Монголии представлен, в основном, курганными погребениями и поминальными оградками с балбалами (камни, олицетворяющие убитых врагов)⁴. На восточной стороне оградок с балбалами иногда помещается каменная стела с личиной, обращенной к востоку [Викторова, 1967, 1968]. Нередко и в Восточной Монголии встречаются изваяния из гранита или мрамора (так называемые *хөшөө чулуу*, или «каменные бабы») — статуи воинов в характерной тюркской одежде, обуви, головных уборах. Фигура опоясана твердым поясом с металлическими обоймочками и пряжками; к нему привешен поясной набор⁵. Головной убор бывает в виде конического шлема. Обычай воздвигать каменные изваяния воинов-героев такого типа был характерен для древних тюрков. На Хэнтее К. В. Вяткина еще в конце 40-х годов обнаружила древнетюркский каменный саркофаг с надписью [Вяткина, 1959, с. 101].

Городищ тюркского времени на этой территории, судя по опубликованным материалам, не найдено. Это служит косвенным доказательством того, что тюрки не были основным населением в Восточной Монголии, а имели здесь лишь временные ставки кочевого типа, откуда управляли местным населением, так как каждый из тюркских правителей назначался временно; восточными землями правил обычно наследник престола, который, становясь каганом всех тюрков, назначал туда нового правителя.

После того как в 630 г. пал I тюркский каганат, значительная часть тюрков стала подданными империи Тан. Во главе их был поставлен Ашина Сымо. Тюркам были отведены пастбищные территории восточнее Ордоса, к югу от Гоби. Однако Ашина Сымо «не мог привлечь народ к себе, и многие из его подданных ушли на север» [Бичурин, 1950, с. 262], т. е. перекочевали на земли Восточной Монголии, сначала, вероятно, в приозерные районы, а затем в верховья Онона и Керулена, где

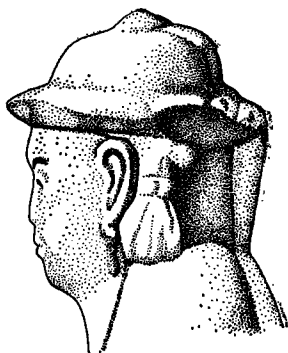
стали кочевать, породнившись со своими прежними подданными⁶.

Дальнейшая судьба этой общности прослеживается довольно четко. В период безвременья, когда шивэйские земли переходили из рук в руки, потомки Бортэ-Чино держались в Хэнтэйском горном районе. В VIII в. эти земли сначала вошли в состав II тюркского каганата с правителями из другого рода (Ашидэ), а затем на столетие подпали под власть Уйгурского ханства. Когда уйгуры были разбиты кыргызами (840 г.), часть их укрылась у шивэйцев. Спасаясь от преследований, уйгуры вместе с преданными им некоторыми шивэйскими племенами откочевали к западным окраинам Китая. Они образовали там небольшое княжество [Малявкин, 1974, с. 30—31]. Так татары попали на западные земли, где о них упоминают позднейшие источники X в. [Ögel, 1961, с. 169—174].

Но не все шивэйско-татарские племена последовали за уйгурами. Большинство из них осталось на своей территории. О них в X—XI вв. часто упоминает «История Ляо»⁷.

Эти местные раннемонгольские племена некоторое время помогали уйгурам в борьбе с кыргызами, но были ими разбиты. Кыргызы, для которых эти земли были далекой окраиной, недолго владели уйгурским наследством, хотя наследство это было весьма значительным. Уйгуры правили не только родственными племенами, жившими по Селенге и ее притокам, но и различными народами, оставшимися после падения правящих родов I и II тюркских каганатов. Известно, что в VI—VIII вв. в каганате восточных тюрков и в пограничных с Китаем районах жили выходцы из Средней Азии, преимущественно согдийцы [Pulleyblank, 1952; Гохман, 1968; Кызласов, 1975, с. 419; Окладников, 1963]. Количество их колоний на территории Монголии, очевидно, увеличилось при уйгурских ханах. Столица ханства в середине VIII в. строилась при помощи согдийских мастеров [Малов, 1959, с. 43]. Согдийские колонисты имели влияние при тюрках и уйгурах⁸.

Есть основания полагать, что в VI—IX вв. согдийцы проникали и в Восточную Монголию. На это указывают иконографические данные, полученные автором в 1967, 1968, 1969 гг. при обследовании каменных изваяний. Большинство каменных изваяний монголоидны, а многие из них имеют явно выраженный тюркский этнографический элемент одежды, запахнутой налево, обуви, поясов, поясного набора. Однако на одном изваянии из гранита (Баян-Мунхэ-сумун Хэнтэйского аймака), по манере исполнения сходном с древнетюркскими, скульптором подчеркнуты бесспорно европеоидные черты: узкое длинное лицо, густые усы, длинный нос, большие, широко раскрытые глаза (рис. 21). Это дает право предполагать, что европеоидное население западного происхождения проникало и в восточные районы⁹.

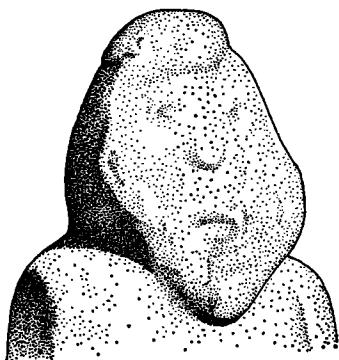
а

б

в

г

д

Рис. 21. Антропологический тип населения Восточной Монголии по скульптурным портретам хөшөө чулуу:

а — из Шонх-Тавын-Тологой; б — из Матад-сумуна; в — из Ундэр-хана;
г — из Ловхин обо (Матад-сумун); д — из Хулунбуир-сумуна

Ираноязычное согдийское население было оседлым — торговым и ремесленным. В уйгурских владениях жили и китайские пленные ремесленники, помогавшие сооружать города. Прямотельная планировка их сходна с северокитайской, где значительная часть населения состояла из потомков окитаившихся сяньбийцев, хуннов, тюрков и других групп, частично перенесших к уйгурам навыки северокитайской строительной техники. Таким образом, в VI—IX вв. этнический состав центральноазиатских степей был неоднородным.

Прежде чем переходить к дальнейшему изложению событий, следует, насколько возможно, охарактеризовать ситуацию и процессы, происходившие в среде самих шивэйцев. В отличие от китайских тюркские тексты VIII в. из МНР отмечают воинственность отуз-татар, объединявшихся для военных набегов в союзы племен. Числительное «отуз» (тридцать) древнетюркских текстов указывает на количество родственных племен в конфедерации. Отуз-татары выступали и против правителей тюркских каганатов, и в союзе с ними. Они участвовали в погребальных церемониях при похоронах каганов [Малов, 1951, с. 36, 38]. Однако после разгрома обоих тюркских каганатов меняется и ситуация на прежних отуз-татарских (шивэйских) землях. В погребальной стеле Моюн-чуру, основателю Уйгурского ханства, говорится неоднократно о «токуз-татарах» (девять татар). Упоминание о конфедерации токуз-татар встречается впервые уже в памятнике Могилян-хану. Следовательно, к середине VIII в. образовывается отдельная конфедерация уже из девяти татарских племен, которые были союзниками секиз-огузов (восьми огузско-тюркских племен) [Малов, 1959, с. 39].

В начале XI в. девять татарских поколений (токуз-татары) приезжали с данью к киданьскому двору. В китайском источнике «Тунцзянь ганму» есть сведения о переселении части татар в начале IX в. в южные районы, примыкавшие к хребту Иньшань [Бичурин, 1950, с. 376]. В X в. татары имели дипломатические отношения и торговали с Китаем. В «Удай шицзи» («История Пяти династий») отмечено, что татары приезжали с «данью» в 958 г. Их упоминают вместе с уйгурами [Малаявкин, 1974, с. 63]. Другой китайский источник — «Цзфу юаньгуй» («Сокровищница книг большой черепахи») — воспринимал татар как государство, равное уйгурскому. Татары южного, обособившегося от своих северных сородичей государства, неоднократно упоминаются и в дальнейшем. Так, император династии Сун посылал к ним и к уйгурам грамоты с предложением напасть на тангутов в 1084 г. Когда же (еще в конце X в.) посол Китая Вань Яньдэ прибыл в Гаочан (Турфан) к уйгурам, то находившийся там ляоский посол советовал уйгурскому кагану переправить Вань Яньдэ к татарам, считая его китайским лазутчиком в Восточном Туркестане. Группа татар, поселившаяся по соседству с прииньшаньскими хи (татаби) и тюрками-шато,

была подданными империи Ляо. Уйгуры, занимавшиеся ремеслами и жившие в Янь, поблизости от этой группы татар, торговали с ними даже в XII в., в период империи Цзинь [Малайкин, 1974, с. 86, 90, 92]¹⁰.

Рашид ад-дин и монгольские источники из татар упоминают только группу племен, обитавших в приозерных районах Буир и Далайнора, т. е. токуз-татар («Ляоши» называла их шивэйцами). Эта южная группа шивэйцев (состоявшая из племен тэрат-цаган и др.) была включена в состав киданей после того, как их земли были завоеваны Елюй Амбагнем в начале X в. Кроме названных Рашид ад-дин упоминает еще одну группу татар — в верховьях Енисея и по нижнему течению Ангары, т. е. в пределах Южной Сибири. Можно предположить, что эта группа была переселена туда в период борьбы уйгуров с кыргызами, когда кыргызы в погоне за укрывшимися у шивэйцев (татар) уйгурами увели в плен и тех и других, как об этом записано в «Истории династии Тан».

Собственно монголы в «Сокровенном сказании» упоминаются впервые приблизительно в VIII в., когда потомок Бортэ-Чино в девятом поколении Борчжигидай-Мэргэн женился на Монголчжин-Гоа (Прекрасной Монголке). Примерно к этому же времени относятся и упоминания в «Истории династии Тан» о монголах (*мэнъу*) как об одном из шивэйских племен, обитавших по Онону.

Японский исследователь Комаи Есиаки, подробно проследивший расселение и переселения племен, которых он считает прямыми предками монголов, пришел к выводу, что в VIII в. мэнъу шивэй обитали по южному течению р. Амур, западнее впадения в нее р. Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган, т. е. по среднему течению р. Амур. Французский ученый Л. Амби пришел к выводу, что мэнъу шивэй жили в верховьях р. Амур [Hambis, 1970]. К такому же выводу пришел и автор настоящей работы, опубликовав в 1958 г. данные по расселению монголов в VIII в. в нижнем течении р. Онон, т. е. в верховьях р. Амур [Викторова, 1958].

Разногласия между исследователями о зоне обитания монголов в VIII в. связаны с разногласиями в самих источниках. Китайская передача этнонима «мэнъу» обычно принимается как транскрипция слова «монгол». Л. Амби транскрибирует «мэнъу» как *mung-ngut*, считая этот этноним идентичным слову «монгол» [Hambis, 1970, с. 126—127]. Однако китайские транскрипции местных названий всегда по части гласных звуков проблематичны. *Монгут* с конечным показателем монгольского множественного числа могут читаться и как монгут, и как мангут¹¹.

Множественное число от *монгол* будет не *монгут*, а *монголчууд*, что делает сомнительным отождествление Л. Амбиса, тем более что в «Сокровенном сказании» (§ 46) наряду с монголами часто упоминаются и мангуты: мангуты были связаны проис-

хождением с монголами. Они, по преданию, считались потомками старшего сына Бодончара — Ширату-Хабичи-батара. Их земли были расположены восточнее владений кочевавших по Онону предков монголов — борджигинов. Мангуты отличались воинственностью и были близкими соседями тунгусо-маньчжурских племен среднего Амура. Последние называли Амур Мангму (Большая вода-река), а по реке называли и себя. Эти народы жили охотой и рыболовством. Их самоназвание «мангму» переводится как «поречане». В древности этот пограничный народ считали то частью племен мохэ, то частью дада (хэйшуй мохэ, шуй дада). Мангуты, вероятно, заимствовали многие черты от своих соседей — поречан, и китайским авторам VIII—XII вв. трудно было их разграничить, тем более что и фонетически все три этнонима очень близки. Сами же монголы и в XIII в., и позднее не путали своих соплеменников с чужеродцами. Так, в «Сокровенном сказании» (§ 194) упоминается страшный Гуральгу-мангус. В бурятских и монгольских эпических произведениях герой часто сражается с воинственными, чуждыми монголам мангусами (*мангу* + суфф. мн. ч. на *с*), пожирающими сырое мясо, людоедами. Эпический герой обычно побеждает их силой или хитростью. В. Рубрук в XIII в. упоминает о *су-моалах* (водяных моалах) — воинственном народе, живущем рыболовством: «...до Онанкеруле, настоящей земли моалов, где находится двор Чингиса, было 10 дней пути прямо на восток, и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы по имени су-моал, то есть моалы вод, ибо су значит „вода“ на тюркских языках» [Путешествие... 1957, с. 154] ¹².

Изложенное позволяет заключить, что собственно монголы обитали по р. Онон вплоть до верховьев Амура. По соседству с ними, близ озер Буир и Далай, жили татары, а ниже по течению Амура обитали предки теперешних ульчей и нанайцев, су-моал, мангму или же мангусы «Сокровенного сказания», шуй дада и шуй мохэ ¹³ китайских хроник [Ларичев, 1964].

Предки монгольских племен, управляемые вождями из рода Бортэ-Чино, продолжали обитать по Онону в течение двенадцати поколений, т. е. до конца IX — начала X в. Начиная с этого времени происходит перелом в их судьбах и изменяется генеалогическая линия монгольских родов, что, очевидно, было вызвано изменением политической ситуации в степях Центральной Азии. Прямые потомки Бортэ-Чино, т. е. линия, связанная генетически с древними тюрками, в начале X в. отделяются и откочевывают вместе с подчиненными им родами, образуя конфедерацию из четырех (дорбэн) племен, куда входили и Чиносы.

В X в. начинается борьба за земли Центральной Азии, оставшиеся после падения ханства уйгуров и ухода кыргызов в Южную Сибирь. Она заканчивается в 924 г. включением этих

земель в киданьское государство. Империя киданей (Ляо), занявшая территорию от Алтая до Тихого океана, становится крупнейшей державой Центральной Азии. Присоединенные к ней при Дэгуане (втором императоре Ляо) 16 округов Северного Китая были в прошлом землями с сяньбийским и смешанным, сяньбийско-хуннско-тюркским населением, подвергшимся значительной китайской ассимиляции. Эти округа составляли всего около $\frac{1}{15}$ части территории империи Ляо. Остальная территория Ляо была населена потомками ухуаньцев, сяньбийцев, тюрков, уйгуров и согдийцев.

С первой четверти X в. в Ляо снова ведущую роль стали играть не тюркские, как это было в VI—IX вв., а монголоязычные народы. Естественно, что эта новая общеполитическая ситуация должна была повлиять и повлияла на ход этнических процессов как в самой империи, так и на соседних территориях, особенно же на северо-востоке, где севернее р. Керулен обитали собственно монгольские племена, по языку и этнокультурным особенностям родственные киданям. Известно, что граница владений монголов и киданей проходила по Керулену (Луцзюхэ).

Собирательным названием для племен, живших к северо-западу от киданей, было *цзубу*. В ряде работ (Л. Н. Гумилев, Х. Пэрлээ, Н. Ишжамц) принята гипотеза Ван Говэя, который полагал, что *цзубу* в «Ляоши» служит для замещения названия «татары», так как термин *дада* («татары») в «Ляоши» не встречается. Из этого делался вывод, что термином *цзубу* обозначали монголов. Л. Н. Гумилев также принимает рабочую гипотезу Г. Е. Грумм-Гржимайло, согласно которой после разгрома Уйгурского ханства оставшиеся пустыми земли заселились татарами, пришедшими с востока; их-то и называют цзубу в «Ляоши». Так как китайские авторы из государства Сун называли монголов татарами (дада), то, следовательно, цзубу были монголами.

Гипотезы Грумм-Гржимайло и Ван Говэя были созданы почти 50 лет назад и не могли учесть новых данных, накопившихся с тех пор. Эти данные позволяют внести существенные коррективы в несколько умозрительные построения упомянутых авторов. Основное возражение состоит в том, что название «татары» сунских авторов было не этническим, а собирательным, так же как и «ху» в более раннюю эпоху: татарами называли все некитайское население центральноазиатских степей, независимо от этнической принадлежности. Деление дада на «белых», «черных» и «диких» покоилось на хозяйственно-культурном, а не на этническом критерии: «белые» имели навыки земледелия и испытали влияние китайской культуры, заимствовав некоторые ее элементы, «черные» были скотоводами-кочевниками, а «дикие» — охотниками.

В «Ляоши» название «дада» не встречается, так как их про-

должают называть шивэй — собирательным именем для северных племен, родственных киданям [Викторова, 1958]. В том же случае, когда речь шла о каком-либо отдельном из этих племен, его упоминали под определенным этнонимом. Многие из этих этнонимов есть у Рашид ад-дина и в «Сокровенном сказании». Так, племена цаган и тэрат, входившие в конфедерацию татарских племен, обитавших в районе Буир-Нора, упоминаются в одинаковом смысле во всех трех источниках. Эти племена были составной частью киданьской народности (по данным «Ляоши», они причислены к «внутренним» киданьским племенам). Цзубу же никогда в это число не включались (см. схему 1).

Впервые название «цзубу» встречается в «Ляоши» при описании походов киданей на запад в начале X в. (916 г.) и с этого времени упоминается довольно часто. Они были покорены частично во времена похода на дансянов (тангутов), туюхуней (тогонов, аша) ¹⁴. Следовательно, в начале и первой четверти X в. цзубу локализируются по соседству с Ордосом и Ганьсу. Китайский исследователь Ли Фанцзюнь сопоставил данные китайских и тибетских источников; он выяснил, что этноним «цзубу», встречающийся в «Ляоши», является транскрипцией тибетского названия ираноязычных согдийцев, которых тибетцы в своих хрониках называли тогда *сог-по* (народ Согда) [Li Fan-kün, 1957]. Юго-западную группу цзубу, соседей дансянов и тогонов, можно считать потомками согдийских колонистов, которые в тюркское и уйгурское время составляли значительный процент населения оседлых поселений и городов Центральной Азии [Кызласов, 1976; Лившиц, 1973, с. 243]. Очевидно, по этим-то колонистам, которым не было смысла переселяться в новые места вслед за тюркоязычными родичами правящей элиты уйгуров, и было названо жившее в окрестных степях разнородное, в основном тюркоязычное, население ¹⁵.

В 924 г., после похода на Орхон, Елюй Амбагянь разделил все завоеванные земли цзубу на три киданьских наместничества, и кидани разместили там свои гарнизоны. В каждое наместничество были назначены правители из племенных вождей или старейшин из местного населения. Кроме них были назначены представители центрального правительства из правящих киданьских фамилий Елюй и Сяо с контингентами войск, набранных из киданей и подчиненных им народов (бохайцев, хисцев, татар и др.). При ставках киданьских наместников были построены укрепленные города, остатки которых обнаружены Х. Пэрлээ на территории МНР [Пэрлээ, 1959]. Некоторые из этих городов были построены заново, а для некоторых были использованы более ранние города уйгуров; например, ставка супруги уйгурского хана (Хатун) стала киданьским городом (Хэдун).

В X в. этническая карта Центральной Азии выглядела при-

мерно так. Кидани были компактно расселены на территории современного Дунбэя и частично Автономного района Внутренняя Монголия. Их ядро составляли племена наран (солнечное), морин (конь), дахэ (дагур) [Пэрлээ, 1959], ила и др.; юго-западнее киданей жили хи (татаби), родственные киданям, состоявшие из пяти или шести племен, в числе которых было племя негусы (монг. нэкуз), а на территории пров. Хэбэй еще сохранились потомки муюнов. Возле отрогов Иньшаня кочевал переселившийся с севера аймак татар, в Восточной Монголии — олхонуты. Отдельные группы южных шивэйцев есон-татар (девять татар), присоединенных к киданям в конце IX — начале X в., жили среди киданей, но их основная масса кочевала возле оз. Буир-Нор. Между р. Оршунь и оз. Хулун обитало татарское племя тэрат, а в районе между р. Оршунь и Халхин-Голом кочевали унгираты. Оба эти народа были включены в число собственно киданьских (внутренних, по терминологии «Ляоши»), т. е. причислены к киданям, что давало им преимущества по сравнению с племенами, не входившими в состав киданей. Небольшие группы тюрков жили в пров. Гирин. По соседству с киданями, на востоке, в Маньчжурии и Приморье, была территория бохайцев, покоренных киданями в 925—926 гг. (некоторую часть бохайцев кидани переселили в бассейн р. Орхон, в свои гарнизоны). На р. Селенге кочевали меркиты, в восточной части хребта Танну-ола были земли, занимаемые дархатами. «Ляоши» упоминает также дэрбэнов, урянхайцев, найманов. В районе Великой китайской стены, восточнее излучины Хуанхэ, жили тюрки-шато¹⁶ (или онгуты, по данным Пэлю [Pelliot, 1929, с. 125 и далее]), переселившиеся из района оз. Баркуль, а тюркоязычные усунь — на р. Или. Вассальное государство Си Ся, основу которого составляли дансяны, было расположено на северных землях провинций Шаньси, Шэньси, части Ордоса, в Ганьсу и Суйюани. В Алашани, Цайдаме и Ганьсу жили родственные киданям тогоны (а-ша), которые подчинялись государству Си Ся [Кычанов, 1968; Wittfogel and Feng Hsia-sheng, 1949, с. 90, 92, 100, 102, 105—106, 107].

Монголы, граничившие с киданями по р. Керулен, жили с ними в мире, но не были подданными киданьских императоров [Таскин, 1979, с. 305]. Однако городища, сходные с киданьскими по планировке и керамическому материалу, имеются и севернее Керулена. Поэтому особый интерес приобретает вопрос о связях между монголами, киданями и другими народами, входившими в сферу киданьского влияния, населявшими центральноазиатские владения киданей. Северная группа монгольских племен была в VI—IX вв. тесно связана не только с тюркскими, но и тунгусскими соседями, издавна обитавшими в таежной зоне, на северных и восточных границах расселения предков монголов¹⁷.

В X — начале XI в. монголы и их вожди поддерживали ста-

рые традиционные связи со своими ближайшими соседями. Они брали жен из забайкальских племен, постепенно сближались с соседними урянхайцами и баргутами, т. е. с родственными тунгусам горно-таежными охотниками. С тюрками были более тесно связаны дэрбэны и чиносы. Они обособились в начале X в., после смерти их сородича Добун-Мэргэна, женатого на Алун-Гоа, женщине баргу-бурятского рода хорилар.

Новая линия родственных и политических связей монголов начинается в X в., когда Алун-Гоа и ее потомки стали ориентироваться на племена, жившие вниз по Онону (принадлежавшие ранее к родственной группе шивэйцев, упоминаемых в «Истории династии Тан»). За 100—150 лет потомкам Алун-Гоа удалось сколотить достаточно прочное ядро племен, породнившихся с мангутами, баргутами, олхонутами, унгиратами. Основой внутренней политики вождей, правивших монголами, было создание стабильных и крепких внутривременных связей, о чем говорится в поучении Алун-Гоа своим сыновьям. С этой целью заключается ряд брачных союзов с влиятельными родами. Таким союзам придается важное значение, так как каждый из них, являющийся «союзом мира и родства», находит отражение в монгольской генеалогической таблице. Но пока, до второй половины XI в., значение монголов и их правящего рода не выходит за границы занимаемых этими племенами земель: все события, описываемые «Сокровенным сказанием», касаются лишь вопросов внутренней консолидации. Та же тенденция в описании событий свойственна и Рашид ад-дину, официально историку монгольских ильханов.

Лишь к концу XI в. положение стабилизировалось настолько, что монгольский вождь решил непосредственно завязать отношения с империей Ляо. В этот период монголами правил Тумбинай. Именно ему принадлежит инициатива установления политических и культурных связей с Ляо. Об этом свидетельствует упоминание в «Ляоши» о посольстве из государства монголов в 1084 г. [ИВЛ, с. 1084], т. е. во время его правления. «Сокровенное сказание» упоминает его с новым титулом — Тумбинай-сэчэн (Мудрый Тумбинай), в то время как до него вожди имели титулы типа мэргэн (меткий стрелок из лука), баян (богатый). Главой посольства ко двору Ляо, очевидно, был сам правитель монголов Тумбинай. (Так согласно этикету того времени было принято при первом установлении контактов степных вождей с империей Ляо.)

Послы монголов имели случай наблюдать пышный церемониал приема при дворе лясского императора Даоцзуна (1055—1101), познакомиться с обычаями, нравами и многими сторонами культуры киданей, увидеть образцы их письменности. Это было облегчено тем, что не существовало языкового барьера: оба народа говорили на разных диалектах одного языка (см. [Лигети, 1955, с. 137]). После 1084 г. о монгольских посоль-

ствах «История Ляо» не упоминает. Однако между обоими государствами со времен Тумбиной-сэчэна установились достаточно прочные и постоянные связи: монгольские вожди стали брать в жены девушек из знатных киданьских родов племени унгиратов и родственников им олхонутов.

Родство с киданями повышало статус монголов и их владения в системе центральноазиатских государств (кидани давали в жены женщин из своей среды в такие государства, как Тибет и тангутское царство).

Сын Тумбиня от унгиратки Хутула (конец XI — первая половина XII в.) получил титул хана, равный титулам других властителей этой части Азии — найманов и кереитов. Его государство начинает именоваться (как полагают монгольские историки) Хамаг монгол улс — Всемонгольское государство (или, по другому переводу, Государство всех монголов) [Гонгор, 1970, с. 44; Пэрлээ, 1963]. Унгиратско-монгольские брачные связи способствовали проникновению элементов культуры киданей в монгольскую среду. На это указывают археологические памятники Восточной Монголии. На территории расселения монголов и унгиратов монгольскими археологами открыты города, всеми элементами строительной техники сходные с киданьскими и служившие ставками монгольских ханов. Города притягивали проповедников мировых религий, преимущественно буддизма, становились центрами ремесел и торговли. Об этом говорят многочисленные находки на киданьских городищах характерной керамики, обжигательных печей и даже развалин башни буддийского храма в Барс-Хот I [Пэрлээ, 1959, с. 26]. Приобщение некоторых знатных монголов к буддизму сопровождалось посвящением их в духовный сан, о чем говорит, например, сан хутухта (святой, просветленный), который носил представитель монгольского рода Чжурки.

Об усилении связей монголов с киданями повествуется и в «Скорбном посвящении императору Даоцзуну» — киданьско-китайской билингве, высеченной на стеле в память почившего в 1101 г. императора Ляо. В ней не только освещена роль Даоцзуна в развитии дружественных отношений с народами, окружавшими империю, и распространении культуры киданей среди соседних народов, но и подчеркивается деятельность Даоцзуна, связанная с расширением сферы политического и культурного влияния киданей на север (стела Даоцзуна, стк. 10, 18, 19, 25—26, пер. китайского текста В. А. Вельгуса). Установление родственных связей с монголами, граничившими на севере с киданями, было одним из важных направлений этой политики. Оно было выгодно самим киданям, так как помогало справиться со сложной внутривластной ситуацией, возникшей в царствование Даоцзуна в центральноазиатских владениях империи.

В 80-х годах XI в. в империи Ляо происходила длительная борьба между центральным правительством и восставшими про-

тив него племенами цзубу под предводительством Мо-ку-сы. Судя по описанию хода восстания, оно охватило центральные и восточные районы империи, вплоть до татарских племен Буир-Нора; в нем приняли участие наиболее сильные племена. Одним из них была центральная группа цзубу, которых справедливо отождествляют с керейтами [Wittfogel and Feng Hsia-sheng, 1949, с. 100]. Керейты имели смешанный состав, включавший наряду с тюрко-уйгурскими компонентами и некоторые иные, связанные с киданьско-монгольскими.

После того как кидани в начале X в. завоевали земли керейтов, административным центром киданьского наместничества и одной из ставок керейтов стал город Хэдун на Орхоне, который при уйгурах был ставкой супруги хана уйгуров (отсюда и его название Хатун-Балык, т. е. Город ханши). Земли керейтов и подчиненных наместничеству западных цзубу граничили на западе с найманами (северо-западными цзубу), на севере — с меркитами по Селенге, на востоке — с татарами Буир-Нора и на юге — с тангутами и родственными киданям а-ша, или туюйхунями. Южная ставка керейтов (Тяньдэ) помещалась примерно в 150—200 км севернее излучины Хуанхэ [Малаявкин, 1974].

Керейты, очевидно, унаследовали многие традиции уйгурской культуры. Их ставка на Орхоне служила центром притяжения для купцов из разных стран, а также для проповедников мировых религий. Из донесения христианских миссионеров на Востоке известно, что керейты в 1007 г. приняли христианство несторианского толка. С этого времени керейтских вождей часто нарекали христианскими именами, причем наиболее принятым было имя Марк [в латинской форме Маркус, передаваемое монгольскими источниками как Мэркуз и Георгий (Хурчаус)]. Имя Маркус передается китайской транскрипцией как Му-ку-су, Мо-ко-сы]. Мо-ко-сы (Маркус) и был тем вождем цзубу, который сумел объединить многие племена (в том числе часть татар) и три года боролся с войсками ляоского правительства. Лишь в 1087 г. киданям удалось подавить восстание, Маркус был взят в плен и казнен в столице киданей г. Шанцзине (Верхняя столица киданей)¹⁸.

Несомненно, кидани были заинтересованы в дружественных связях с сильным северным соседом — монголами, в их невмешательстве в борьбу на стороне керейтов, угрожавших целостности империи и функционированию торговых путей на запад, шедших через Хэдун. Данные «Ляоши» и монгольские родословные позволяют заключить, что в X—XI вв. монголы Трехречья уже были заметной политической силой. У них шел процесс социальной дифференциации и консолидации родственных племен, завершившийся образованием раннефеодального государства с самоназванием Монгол — по этнониму ядра образовавшейся народности [Гонгор, 1970]. У монголов этого периода четко намечаются три линии связей, преимущественно с род-

ственными по языку и этнокультурным особенностям народами: с хоринцами, баргутами, урянхайцами, мангутами — на севере и востоке, с киданями — на юге и юго-востоке, а также с тюрками и уйгурами — на западе.

После подавления восстания цзубу в керейтских владениях был образован один из центров киданьской культуры, которая взаимодействовала здесь с культурами тюрков и согдийцев, создавая своеобразный сплав культурных традиций запада и востока. К этому культурному центру стали тяготеть и монголы. Монголы и керейты в начале XII в. оказали поддержку киданям в трагические для империи Ляо годы борьбы с чжурчжэнями.

Чжурчжэни, народ тунгусо-маньчжурской группы, родственный бохайцам, были подданными киданей и обитали в северо-восточных пределах Ляо (о чжурчжэнях см. [Воробьев, 1976; Окладников, 1959]). В начале XII в. они заключили союз с китайской империей Сун и выступили против Ляо. На стороне чжурчжэней, которым стали сдаваться со своими войсками многие из киданьских полководцев, оказались и буирнорские татары, составлявшие северо-восточную часть пограничных войск киданьской империи. После длительной борьбы последний император киданей, Тяньцзо, пытавшийся найти опору в тангутском государстве, был выдан тангутами чжурчжэням [Кычанов, 1968, с. 228 и далее].

В условиях, когда почти вся территория киданей была захвачена чжурчжэнями, основавшими империю Цзинь, продолжавшие сопротивляться кидани сделали своей базой владения керейтов.

Елюй Даши в борьбе с чжурчжэнями получил помощь от коалиции центральноазиатских подданных Ляо и их соседей. Деятельное участие в борьбе принял правитель цзубу, также носивший имя Мо-ко-сы, т. е. Маркус, которого можно отождествить с Меркуз-буюрук-ханом монгольских и персидских источников. Он был дедом современника Чингисхана Тоорила-Ван(онг)-хана, правившего керейтами во второй половине XII в. Ставка Меркуз-буюрук-хана на р. Орхон (г. Хэдун) стала центром борьбы за восстановление киданьской державы, против чжурчжэней и империи Сун. Именно здесь Елюй Даши объявил себя «всеобщим ханом» (гур-ханом) созданного на базе северных владений империи государства Бэй Ляо (Северное Ляо), продолжавшего войну с чжурчжэнями [Кызласов, 1975, с. 227]. Это государство просуществовало всего несколько лет, после чего для продолжения борьбы Елюй Даши перебазировался на запад (в Восточный Туркестан и Среднюю Азию), откуда он и его потомки (каракитаи) поддерживали связи с керейтами и в дальнейшем. Последнюю попытку отвоевать киданьские земли он сделал в 40-х годах XII в., но неудачно.

Больше двадцати лет шла в степях Центральной Азии борь-

ба за киданьское наследство против коалиции чжурчжэней и татар. На стороне киданей и керейтов выступили и монголы. В ходе этой борьбы погибли и Меркуз-буюрук-хан керейтов, и монгольские ханы Хутула и Амбагай. Они были выданы татарами чжурчжэням и жестоко умерщвлены («Сокровенное сказание», § 52) [Рашид ад-дин, 1952, ч. 1]. В этих войнах деятельное участие принимал и отец Чингисхана, Есугэй-батор, и его побратим — будущий Ван-хан керейтов.

С 30-х годов XII в. ведущая роль среди государств Центральной Азии, образовавшихся на развалинах империи Ляо, перешла к керейтам, союзниками которых в течение всего XII века были монголы [Рашид ад-дин, 1952, ч. 1]. После окончания войн с чжурчжэнями керейтские и монгольские земли остались фактически независимыми от империи Цзинь. Керейты и монголы продолжали поддерживать дружественные отношения с киданями. Тоорил (Ван-хан) неоднократно бывал при дворе каракитайских гур-ханов, а монгольские ханы сохранили традицию брать жен преимущественно из унгиратских и олхонутских родов¹⁹.

Керейтское ханство занимало земли от верховьев Селенги на севере до излучины Хуанхэ на юге, от Хангайских гор на западе до земель унгиратов и татар в районе Буир-Нора и Халхин-Гола на востоке. На севере керейты граничили с меркитами, часть которых переселилась с Елюй Даши в Семиречье [Bretschneider, 1888]. На западе они граничили с найманами, которые остались вассалами каракитаев [Викторова, 1961]. Южные земли керейтов граничили с тангутским государством Си Ся и входившими в число его вассальных земель владениями туюхуней. В 150—200 км к северу от излучины Хуанхэ была южная ставка керейтов [Малявкин, 1974, с. 324]. Владевший ею младший брат Тоорила Эркэхара был тесно связан с Си Ся и получил от тангутов титул, переданный «Сокровенным сказанием» как чжаха-гамбу, т. е. чжаха-цэнпо, что можно перевести как «правитель пограничных владений» (монг. *зах, јаһа* — «ворота, окраина, граница» и тибетско-тангутск. *цэн-по* («правитель» [Рерих, 1958])). В состав тангутских окраинных владений входили и земли алашаньских кочевий а-ша. Их правитель также имел титул цэн-по и в монгольских источниках назван Ашагамбу, т. е. «правитель народа а-ша». Он пользовался большим влиянием при тангутском дворе. Керейты поддерживали отношения с тангутами и неоднократно бывали в их владениях; известно, что там бывал и Ван-хан керейтов, и его брат Чжаха-гамбу.

После заключения мира монголов и керейтов с чжурчжэнями в 1147 г. были определены границы чжурчжэньских, керейтских и монгольских владений в этом регионе Азии, а затем установлены и дипломатические отношения. Это произошло уже после смерти Меркуз-буюрук-хана, казненного чжурчжэнями.

После вступления на престол керейтов Ван-хана (титул ван был ему пожалован императором Цзинь) между чжурчжэнями и керейтами произошел обмен посольствами. В качестве послов от Цзинь к керейтам приезжали перешедшие на службу к чжурчжэням кидани. При ставке керейского хана часто жили и воспитывались представители знатных монгольских семей, в том числе Чингисхан, который провел там часть детства. Он и позднее бывал при керейском дворе и встречался там с киданями, послами чжурчжэней.

Двухсотлетнее владычество монголоязычных киданей привело к распространению в Центральной Азии многих элементов их культуры, приобщению верхушки местной аристократии к киданьскому языку, на котором велось делопроизводство империи²⁰. Благодаря империи Ляо в XI—XII вв. монгольский компонент получил преобладающее политическое положение в Центральной Азии. Значительные группы монголоязычного населения от Маньчжурии до Семиречья, правившие разноплеменным населением этих территорий, способствовали распространению монгольского языка в качестве официального языка дипломатических и административных документов, которым должны были владеть представители местной знати, связанной с киданями.

Однако процесс консолидации и монголизации населения степи, наметившийся в киданьский период, не завершился: были только созданы реальные предпосылки для этого. Ядро монгольской народности сложилось к середине XII в. в бассейне р. Онон, верховьев Толы, Керулена на землях Забайкалья, включая верховья Амура, т. е. в пределах территории, на которой ранее были расселены племена северной протомонгольской ветви (различные группы шивэй). В VII—XI вв. эти племена адаптировали отдельные группы, отколовшиеся от тюркских, уйгурских, мохэских и других племен этого региона. Преобладающим у них остался монгольский компонент [Ишжамц, 1965, с. 19—25].

Это ядро принадлежало по хозяйственно-культурному типу к кочевникам сухих степей Евразии. Однако отдельные племена, оттесненные на окраины, проникали на север, запад и восток в горно-таежные районы, осваивая пастбищные территории межгорных речных долин. В хозяйстве этих племен значительную долю занимали охота на пушных зверей (белку, соболя), а при необходимости и рыболовство. Этими видами хозяйственной деятельности занимались семьи, не имевшие скота. Степняки-монголы называли эти племена лесными (хоин-ирген). Между степными и лесными племенами постепенно возникали различия, связанные с несходством хозяйственной деятельности и бытовых навыков. Рашид ад-дин, например, рассказывает, что если родители угрожали девушке из лесного племени выдать ее замуж за степняка-кочевника, то она нередко от ужаса кон-

чала жизнь самоубийством [Рашид ад-дин, 1952, ч. 1]. Возможно, что это и анекдот, но он ярко характеризует различие психологических стереотипов, свойственных «степным» и «лесным» монголам. Типично степные племена, в свою очередь, прибегали к жизни в лесу ненадолго и лишь в случае необходимости: в погоне за охотничьей добычей или же при набеге врагов укрывались в лесу. Такими сообщениями пестрят «Сокровенное сказание», «Алтан тобчи», «Сборник летописей» и другие источники.

Сложение ядра монгольской народности было тесно связано с феодализацией монгольского общества, детально исследованной для этого периода Б. Я. Владимирцовым [Владимирцов, 1934]. Процесс феодализации кочевников, начавшийся еще с эпохи племенных союзов дунху и хунну [История МНР, 1967, с. 77—83], продолжался в течение всего I тысячелетия н. э. В него были в той или иной степени вовлечены все кочевники Центральной Азии. Большинство исследователей, опиравшихся на оригинальные источники, сходны в том, что государственные образования хуннов, сяньбийцев, жужаней, тюрков, уйгуров, киданей представляют различные этапы процесса феодализации центральноазиатских кочевников. К XII в. наибольшего развития этот процесс достиг в империи киданей. Получившие самостоятельность и выделившиеся в независимые государства после падения киданьской империи ханства найманов, керейтов, меркитов определяются как раннефеодальные государства, во многих чертах сходные с монголами. У последних в этот период (вторая половина XII в.) главенствующее положение занимал знатный род тайчжиутов, которые были потомками Тумбинь-сэчэна. Этот род Х. Пэрлээ справедливо считает генетически связанным с киданями [Пэрлээ, 1959].

Утвердившись на керейтском престоле, Ван-хан унаследовал созданные еще в киданьский период города и торговые фактории согдийских колонистов на Орхоне, куда продолжали вести караванные пути, соединявшие Среднюю Азию с Дальним Востоком и Сибирью. Столица на Орхоне продолжала быть также религиозным и культурным центром. Керейты, еще в 1007 г. принявшие христианство несторианского толка (так же как и найманы), продолжали его придерживаться [Бартольд, 1903]. Кроме христиан в столице, видимо, проповедовали и буддисты, о чем можно судить по раскопкам С. В. Киселева в 1948—1949 гг.²¹

Во второй половине XII в. керейтское ханство поддерживало отношения с тангутами, каракиданами, чжурчжэнями, монголами, найманами. При посредничестве керейтского двора будущие правители и вожди степных племен приобщались к политической и дипломатической жизни. Известно, например, что Темучин и его будущий соперник Чжамуха воспитывались при дворе керейтского Ван-хана. В конце XII в. там же Темучин встречался

с чжурчжэньскими послами к керейтскому хану, киданями по происхождению. Естественно, что воспитание при одном из наиболее пышных дворов того времени должно было подготовить Темучина к роли государственного деятеля и, возможно, пробудить в нем честолюбивые стремления. Цель его, видимо, постепенно вырисовывалась еще в период пребывания при керейтском дворе и была сформулирована «Сокровенным сказанием», как «приведение всех народов под единые бразды свои».

Следует сказать, что сепаратистские тенденции захватили и монгольское ханство после смерти отца Темучина, отравленного татарами, когда мальчику было около девяти лет (1171 г.). В этот период, по воспоминаниям соратников Чингиса, воспроизведенным «Сокровенным сказанием», в степи «распря шла всенародная». В конце XII в. велась междоусобная борьба знатных монгольских фамилий, опиравшихся на свои дружины. Каждый из вождей претендовал на роль главы всех северных монгольских племен. В борьбе приняли участие тайчжиуты, чжадаран, борчжигины. Темучин, принадлежавший к роду Кият-Борчжигин (сероглазых — по характерному цвету радужной оболочки, не свойственному большинству монголов, но встречавшемуся у части киданей), также принял участие в борьбе.

Сначала он заключил союз со старым другом отца ханом керейтов Тоорилом и другом детства Чжамухой, чтобы вместе совершить набег на меркитов. Справедливый раздел добычи привлек к Темучину, заслужившему славу щедрого вождя, многих сторонников. Темучин и Чжамуха претендовали на роль объединителя всех монгольских племен, на восстановление всемонгольского престола. Поэтому вскоре они превратились в соперников. В 1190 г. произошло размежевание: часть монгольских вождей и воинов со своими домочадцами присоединилась к Темучину и объявила его ханом [История МНР, 1967, с. 110]. Другая часть поддержала Чжамуху и объявила его ханом с титулом гур-хан в 1200 г. [История МНР, 1967, с. 111]. Это была претензия на императорский трон, так как титул гур-хана в этот период носил только император каракиданьской империи. Темучин же имел титул хана. Однако дальновидность Темучина, его дипломатические способности, железная дисциплина в его войсках, щедрость к сторонникам и умение привлечь к себе на службу побежденных противников снискали ему известность твердого и справедливого правителя и вождя, борца с сепаратистскими тенденциями знати и произволом ее представителей. Уставшее от междоусобиц «смутного времени» население поддержало Темучина. Большинство сторонников Чжамухи перешло на сторону Темучина, а сам Чжамуха был вынужден искать покровительства то при керейтском, то при найманском дворах.

Темучин начал осуществлять традиционную программу объединения под своей властью всех кочевников Великой степи.

Он не был подготовлен и не располагал вначале достаточными людскими и материальными ресурсами для завоеваний широкого масштаба. Умея последовательно решать частные задачи, он сначала с помощью кереитов разгромил татар, вырезав мужское население, т. е. всех лиц мужского пола выше 70—75 см ростом. Малые дети и женщины были разделены, как и другая добыча, между сторонниками Темучина.

После татар настала очередь меркитов, а затем кереитов и найманов. В ходе борьбы был захвачен и казнен Чжамуха. Под властью Темучина после победы сосредоточились все степные кочевники, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания. В 1206 г. соратники провозгласили Темучина Чингис-хаганом, присвоив ему титул, превосходивший титулы всех владык, правивших в то время центральноазиатскими народами.

Чингисхан в 1206 г. оказался обладателем громадной территории с разноплеменным, разноязычным населением. Привести все это население «под единые бразды свои» было нелегко. Чингисхан планомерно разрушал родо-племенную организацию покоренных им народов, уничтожал и расчленял племена своих вчерашних союзников. Так, племена, принявшие от согдийских миссионеров несторианское христианство и называвшиеся киданями цзубу, найманы, кереиты, онгуты и др., становились потенциальной опасностью для создаваемой империи. Борьбе с этой угрозой была посвящена активная деятельность Темучина во время объединения. Он сохранил лишь племена, которые, как онгуты или южные кереиты Джаха-гамбу, мирно подчинились монголам и заключили с ними «союз мира и родства» (они стали «хухад» — сватами, брачными партнерами, родственниками, были целиком приняты в состав монголов и их войск). Племена же кереитов Ван-хана, найманов, меркитов и татар были расчленены и распределены между многочисленными родственниками и воинами Темучина, участвовавшими в походах, или же между семьями погибших военачальников, как и вся остальная добыча. Об этом красочно повествует «Сокровенное сказание». Захваченные земли были распределены под кочевья монгольских сподвижников Чингиса. Управляемые монголами разноплеменные коллективы вели там хозяйство и несли повинности в пользу своего владельца и хагана, верховного владельца всех земель и подданных. Такое пожалованное владение стало называться «улус». Владелец улуса был обязан поставлять в императорскую казну различные виды натуральной ренты, а также определенные контингенты войск в армию монголов. Монголы стали правящей элитой разноплеменного народа, а старые, племенные связи их подданных, расселенных по разным концам огромной империи, были навсегда разорваны. В этих условиях не могла осуществиться мысль о какой бы то ни было оппозиции монголам. Иноплеменникам оставалось

лишь верной службой получить право на ассимиляцию с монголами, на вхождение на правах партнеров в их этническую среду.

В первое двадцатилетие XIII в. монголами в Маньчжурии были завоеваны населенные в основном киданями земли империи Цзинь, в Средней Азии — семиреченские владения киданей, а несколько позднее и ордосско-алашанские земли ашасцев и тангутов. В состав империи влился новый массив родственных народов, ассимиляция которых с монголами была предпринята всем ходом предшествующих событий. Сам Чингис рассматривал себя как законного преемника политического и этнокультурного наследия киданьской империи Ляо, отомстившего чжурчжэням за ее разгром. Доминирующее положение монголоязычного населения при его значительной численности на территории Центральной Азии привело к тому, что, как пишет Рашид ад-дин, «найманы, джалаиры, онгуты, керейты и другие племена, которые имели каждое свое определенное имя, называли себя монголами из желания перенести на себя славу последних; потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было» [Рашид ад-дин, 1952, ч. 1, с. 75].

Процесс слияния кочевых монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских групп в единую монгольскую народность был подготовлен всем ходом событий предшествующего периода истории Центральной Азии. Особенно большая роль в нем принадлежит киданям, которые за двухсотлетний период существования империи создали самобытный центральноазиатский очаг протомонгольской культуры и языка с закрепленной в письменности литературной и исторической традицией. Монгольский литературный письменный язык среднего периода унаследовал эти традиции. Заимствовав от найманов уже приспособленную семиреченскими киданями для монгольской группы языков письменность на уйгурской графической основе (прообразом которой было малое киданьское письмо), монголы сделали ее государственной письменностью своей империи в 1204 г. Этот алфавит стал государственным, закрепленным для дипломатической переписки, внутреннего законодательства, мемуарной, исторической и художественной литературы письменностью всего населения империи. На нем написаны все важнейшие из сохранившихся памятников той эпохи (каменписный «Чингисов камень», письма ильханов к королю Франции Филиппу IV Красивому, поэтические грамоты на бересте из Поволжья, пайцзы и т. п.). Этот алфавит, первоначально созданный для одного из тюркских языков (уйгурского), был превосходно, как отметил С. А. Козин, приспособлен для объединительных целей разноплеменного населения Монгольской империи. Его знаковая система обладала полифонией (многие знаки могли читаться различно в зависимости от диалекта говорящего); например, одним

Схема 2

Название народа	Даты	Основа хозяйства и образ жизни (по источнику)	Состав стада	Отношение к земледелию (и культуры)	Отношение к оседлости
Монголы	XIII в.	Кочевое скотоводство, охота облавная и индивидуальная.	Лошади, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды, яки	Зерновые культуры (просо, пшеница, ячмень)	Есть города-ставки, центры торговли, миссионерские пункты буддизма, христианства (преимущественно несторианства), мусульманства.
Южные шивэйцы отуз-татары	VI—XII вв. н. э.	Сочетание кочевого и оседлого хозяйства. Большинство населения живет в юртах (гэр), ведет натуральное хозяйство. Внутренняя торговля мало развита. Из ремесел развиты: кузнечное, шорное, ювелирное.	Лошади, крупный и мелкий рогатый скот	Зерновые культуры (просо незначительно)	
Кидани	III—XII вв.	Сочетание кочевого и оседлого хозяйства. Охота облавная и индивидуальная.	Лошади, крупный и мелкий рогатый скот.	Пашенное земледелие (просо, пшеница, полба), бахчеводство, садоводство.	То же. На присоединенных землях есть укрепленные города-гарнизоны для нужд караванной торговли.
Тукюэ (тюрки)	VI—VIII вв.	Кочевое скотоводство в сочетании с охотой (облавной и индивидуальной).	Лошади, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды	Зерновые культуры на зимниках.	Города-ставки
Жуаньжуан	IV—VI вв.	Кочевое скотоводство, охота обоих типов	Лошади, крупный рогатый скот, верблюды	Пашенное земледелие (просо)	Города-ставки—центры ремесел, культуры, торговли
Уйгуры	VII—IX вв.	Кочевое скотоводство, охота обоих типов, подсобное значение имеет земледелие	Лошади, крупный и мелкий рогатый скот	Пашенное земледелие, в том числе поливное	Города-ставки, центры торговли, ремесел, религии
Хойху (гаогюй)	V—VI вв.	Кочевое скотоводство, охота обоих типов	Лошади, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды	—	Города-ставки
Хи (кумохи, кумоси)	IV—VII вв.	Сочетание кочевого и оседлого хозяйства	Лошади, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи	—	Города-ставки, поселения
Тугухунь (туюхунь)	III—IX вв. н. э.	Кочевое скотоводство и земледелие, ремесла, караванная торговля.	Лошади, бараны, крупный рогатый скот, верблюды, яки, особая порода цинхайских пегих лошадей, птиц и-ну	Пашенное земледелие (ячмень, просо, горох и горчица).	Поселения и укрепленные города
Сяньби	I—III вв. до н. э.	Кочевое скотоводство, охота обоих типов, развиты ремесла (ювелирное, шорное, обработка шкур, вышивка по коже).	Лошади, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды.	Пашенное земледелие (неклеякое просо)	Кочевники и оседлые (есть города)
Ухуань	III в. до н. э.	То же	То же	То же	Кочевники и оседлые (есть поселения)
Хунну	III—I вв. до н. э.	Кочевое скотоводство. Охота облавная и индивидуальная.	Лошади, крупный рогатый скот, верблюды, мелкий рогатый скот, мулы	Пашенное земледелие	Есть укрепленные города-ставки
Шаньжунь	Вторая половина III тыс. до н. э.	Кочевое скотоводство.	Домашний скот, лошади, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды, ослы, лошаки и мулы.	Земледелие отсутствует	Нет городов и оседлости

знаком обозначались *о* и *у*, *д* и *т* и т. д. Вместе с тем эта письменность учитывала свойственный всем алтайским языкам закон сингармонизма, что позволяло применять ее для каждого из алтайских языков, которыми пользовалось основное население империи. Это облегчало общение и взаимопонимание между ними, нивелируя языковые различия. Не случайно, очевидно, именно этот алфавит лег впоследствии в основу письменностей не только монголов, но и маньчжуров XVII в., а у монголов употребляется в несколько модифицированном виде и поныне.

Монгольские исследователи истории и этногенеза монголов справедливо полагают, что на территории современной МНР жили народы различной этнической и языковой принадлежности. Лишь в ходе длительного исторического развития сложилось в Трехречье ядро будущей монгольской народности, которая в конце XII — начале XIII в. выступила инициатором объединения всех родственных по языку и культуре племен. Географически территорию земель монголов Трехречья унаследовали халхасцы, которые являются основной народностью и на базе которой происходило формирование монгольской нации.

Территория МНР, Маньчжурии и Внутренней Монголии стала обитаемой с позднеашельского или раннемустьерского времени. С этих пор, т. е. 200—100 тыс. лет назад, эволюция человеческих коллективов на этой территории прослеживается на большом количестве археологических памятников, в том числе и многослойных. Постепенно из палеоантропов нижнего и среднего палеолита здесь формировались люди современного вида.

В мезолитическую эпоху формируются две крупные ветви монголоидной расы: тихоокеанские и континентальные монголоиды. Последние стали основным антропологическим типом монголоидного населения Центральной Азии — монгольских народов.

Параллельно с формированием человека современного вида происходило на основе первобытной лингвистической непрерывности и формирование крупных языковых семей: на юге, примерно на широте Хуанхэ и южнее — китайско-тибетской, а в граничившей с ней на севере в степях Центральной Азии — алтайской.

Зоной формирования протомонгольского этнолингвистического ареала в неолитическое время были районы Восточной Монголии и примыкавших к ней территорий с востока и юга. В алтайской семье языков географически она была расположена между прототюркской и прототунгусской.

В неолите и энеолите к северу от Хуанхэ была контактная зона между протокитайской и протомонгольской этнолингвистическими общностями. Будучи различными в этническом и языковом отношении по хозяйственно-культурному типу, они мало отличались друг от друга в силу сходства экологических условий. Так же трудно разграничить на севере и востоке протомонгольские племена от предков тунгусов и палеоазиатов, а на юго-западе и западе — от прототюрок.

Эпоха бронзы и раннего железа была важным культурно-историческим этапом в развитии протомонгольских племен. II—I тысячелетия до н. э. характеризуются не только переходом от каменных орудий к металлическим, но и выделением у протомонгольских племен трех хозяйственно-культурных типов: 1) увеличение аридности ограничило возможности развития земледелия на большей части территории, занятой протомон-

гольскими племенами, и оно продолжало развиваться среди племен, живших в южной и юго-восточной частях; 2) в лесной зоне преобладающим типом хозяйства осталась охота на мясного и пушного зверя в сочетании с рыболовством по берегам рек; 3) у степных племен ведущим стало кочевое скотоводство.

С переходом к кочевому скотоводству связано сложение этнокультурного стереотипа, характерного для монгольских племен. Различие способов ведения хозяйства, естественно, привело к развитию натурального обмена, а использование верховой лошади как средства передвижения сделало возможным преодоление больших пространств. У предков монгольских народов, как и у всех народов, связанных со степным скотоводческим хозяйством, вырабатывается легкое каркасное, с мягким войлочным покрытием жилище, начинает преобладать молочная и мясная пища и т. д., а лексика монгольских языков отражает целый пласт новых понятий, связанных с кочевым скотоводством: названия домашних животных, осмысление понятия родины через понятие «пастбищная территория», названия для предметов конского убора, средств передвижения и транспорта, металлов и др.

Новый этап в этнической истории древнемонгольских племен связан с борьбой между дунхусцами, которых можно считать прямыми этническими предками позднейших монгольских народов, и хунну, их западными соседями. В III в. до н. э. хунну объединили под своей властью большую часть Центральной Азии. Дунхусцы частично подчинились им, а частично переселились к горам Ухуань и Сяньби. Следствием этого для этнической истории древнемонгольских племен были первое крупное переселение из пределов прежней этнической территории и включение части дунхусцев в хуннское объединение, распространение элементов культуры хуннов среди предков монгольских племен и заимствование культурных и социальных терминов. Начиная с хуннского периода ускоряется процесс социальной и имущественной дифференциации древнемонгольских племен. Происходит выделение более сильных в военном и экономическом отношении племен, которые объединяют вокруг себя более слабых соседей и дают начало формированию новых государственных и этнолингвистических центров внутри самой древнемонгольской общности. Можно полагать, что в этот период оформились локальные различия в культуре, характерной впоследствии для киданей, монголов и других народов этого круга.

Хуннский период оставил заметные следы в языке, истории и культуре монгольских племен, но не затронул основ развития племен древнемонгольского ареала. Объединившись во II в. н. э., сяньбийские племена подчинили себе северных хуннов, вынудив их не только войти в состав нового государственного образования сяньбийцев, но и принять сяньбийское этническое имя.

С этого периода начинается новый этап формирования сяньбийских раннеклассовых государств, а также новая волна расселения сяньбийцев за пределы этнической территории.

В III в. сяньбийские племена южной группы начинают играть заметную роль в пограничных районах Северного Китая, создавая там более или менее долговечные государства.

Однако население пограничной полосы, прилегавшей к Великой китайской стене по южным границам Гоби, не было однородным. Здесь кроме собственно сяньбийцев обитали потомки некогда разгромленных и подчинившихся Китаю южных хуннов, а также выходцы из Китая, тангуты и согдийцы. Доминирующее положение сяньбийцев в этих государствах было несомненным.

После падения сяньбийских династий в V—VI вв. на севере Китая роль главного центра, вокруг которого объединяются древнемонгольские племена, постепенно переходит к киданям. Их язык, судя по сохранившимся в китайской транскрипции глоссам, несомненно, принадлежал к южносяньбийской группе языков, о чем говорит отмеченное еще П. Пельо сходство этого языка с языком туюхуней и принадлежность его к «чакающим» (южным) монгольским диалектам. Антропологический тип киданей, судя по сохранившимся на фресках изображениям, это те же центральноазиатские монголоиды, что и современное население Монголии. В их хозяйственно-культурном типе сочетались древние традиции пашенного земледелия, разведение огородных и технических культур с кочевым скотоводством. Одежда киданей и основа ее кроя были идентичны одежде монголов XIII в. и современной монгольской.

В IX в. кидани образовали государство, в котором сначала объединили родственные племена (на юго-западе — татаби, на севере — шивэй). В X в. они завоевали на западе земли, ранее бывшие этнической территорией тюркских народов, а на востоке — бохайского государства, образованного местными мохэскими племенами и выходцами из Северной Кореи. Кидани создали свою письменность и литературу, от которой сохранились только непрочитанные эпиграфические памятники. Включение в империю киданей близкородственных им шивэйцев (отуз-татар орхонских памятников), среди которых в прихэнтейских районах по Онону и Керулену жили предки халха-монголов, способствовало укреплению связей южных и северных племен и создавало предпосылки для выработки единого монгольского литературного языка.

Доминирующему положению монгольских племен способствовало то, что после уничтожения кыргызами Уйгурского ханства (840 г.) и переселения уйгуров в Восточный Туркестан численность тюркского населения в Центральной Азии сильно сократилась. С перемещением основных центров их этнического развития в Среднюю Азию потомки древних тюрков в Монголии

очутились на периферии, в стороне от магистральной линии развития тюркских народов. К тому же к концу XII в. они были сильно ослаблены междоусобной борьбой.

Кидани, разместив города-гарнизоны, не нарушили, как и их предшественники, этнической структуры местного (тюркского и согдийского) населения и довольствовались данническими отношениями. Киданьские гарнизоны создавали на западе, вплоть до Семиречья, — форпосты монгольского языкового и этнического мира. В начале XII в. кидани были побеждены в борьбе с чжурчжэнями, завоевавшими империю Ляо. Вторая волна киданей мигрировала в Семиречье, где создавался еще один крупный языковой и этнический, монгольский в своей основе центр.

К концу XII в. н. э. существовали и поддерживали между собой связи значительные массы монгольских племен, расселившихся вдоль Великой китайской стены до районов Куку-Нора. Сюда же в качестве вассалов сначала тибетского, а затем тангутского государства входили и туюйхуни (а-ша). В государстве чжурчжэней (с 1125 г.) кидани также продолжали играть значительную роль, занимая государственные посты и служа в войсках. Об их значении говорит сохранение киданьского языка и письменности в чжурчжэньской империи Цзинь как второго государственного языка, употреблявшегося в делопроизводстве.

Наконец, к концу XII в. окрепло, оставшись фактически независимым от Цзинь, государство северной (онон-керуленской) группы монгольских племен население которого поддерживало интенсивные связи со своими южными и восточными соплеменниками: эти связи были многообразны и носили как политический, так и близкородственный характер, выражением чего служило заключение браков между представителями племен.

В начале XIII в. объединение всех монгольских и немонгольских племен в империи Чингисхана привело к очень важным последствиям. Впервые была разрушена система племенной обособленности тюркских и монгольских племен, и естественно складывавшаяся веками структура общества в процессе завоевания была заменена военно-феодальными единицами. Завоеванное население было роздано вместе с другой добычей военачальникам и членам императорской фамилии, получившим земельные владения в разных частях империи. Численное преобладание монголоязычных групп на территории основных земель империи и их политическое господство ускорило процесс ассимиляции и распространение монгольского этнокультурного стереотипа у иноплеменного населения, вынужденного вступать в смешанные браки с победителями. Объединение всех говорящих на монгольских языках народов в рамках единого государства создало благоприятные условия для формирования и развития единой монгольской народности и его языка и создания общегосударственной письменности [Гонгор, 1970, 1973; Иш-жамц, 1965; История МНР, 1967].

Введение

¹ В данной работе термин «монголы» употребляется в его широком значении, как это принято в исторической, географической, этнографической литературе по монголоведению, охватывающей все монголоязычные народы Евразии.

² Это отчасти связано с недостаточным количеством материалов, отчасти — с допущенными ошибками. Например, фонетическое отождествление древнего народа дунху (восточные ху) с тунгусами, сделанное в начале XIX в. Абе́лем Ремюса лишь на принципе звукового сходства дунху — тунгус [Abel Remusat, 1820, 1829], привело к тому, что всех потомков дунху долгое время считали предками тунгусов. Лишь в начале 50-х годов советский исследователь Н. В. Кюнер, критически рассмотревший работы Лин Чуньшэна, Лян Цичао и других китайских этнографов, установил, что предки тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов в конце I тысячелетия до н. э. китайскими источниками включались в группу народов дун-и [Кюнер, 1953]. Дунху же были степными кочевниками, у которых значительную роль в хозяйстве играли коневодство, овцеводство и разведение других пород скота.

³ «Цаган түүхэ» давно привлекала к себе внимание историков. На монгольском языке ей посвящена работа акад. Ш. Нацокдоржа. Особенно интересные факты установлены монгольским исследователем Ш. Бира. Так, он полагает, что принцип гармонии духовной и светской власти у монголов восходит к принципам, проводившимся в империи кушанов на рубеже и в первых веках нашей эры, т. е. что средневековые монголы унаследовали многие идеологические концепции от древних государств Центральной Азии [Бира, 1974].

⁴ В настоящей работе китайские источники приводятся в переводах Н. Я. Бичурина, В. С. Таскина, Р. В. Вяткина, Д. М. Позднеева, Н. В. Кюнера, А. Г. Малявкина. Использованы также неопубликованные переводы В. В. Вельгуса и Е. И. Кычанова, за возможность ознакомиться с ними приношу переводчикам искреннюю благодарность.

⁵ Имена зависели от религиозной принадлежности (в этом случае появлялись тибетские и индийские по происхождению имена у буддистов, греческие, римские, иудейские — у христиан, арабские — у мусульман), от политических связей (как уже упомянутые китайские и китаизированные имена и фамилии). Их давали и в память о выдающемся боевом эпизоде, о победе над врагом (так, по преданию, будущий Чингисхан был назван именем побежденного врага — Темучином). Кроме того, в источниках отражены в основном имена аристократических семей, представителей правящих династий, а как раз этот социальный слой был связан династическими интересами с широким кругом народов и здесь встречается наибольшее число заимствованных имен. Поэтому этими именами можно пользоваться для этнической атрибуции лишь после тщательной проверки его другими источниками.

Раздел первый

Глава 1

¹ Зая-пандита — политический деятель, ученый, буддийский монах (лама), живший в XVII в. Создал для западномонгольских (ойратских) диалек-

тов письменность (тодо-бичик — «ясное письмо»), закреплявшую в письме фонетические особенности упомянутых диалектов с помощью диакритических знаков. Основа письменности уйгурская. В уйгурском письме (и в происшедшем от него в XIII в. старомонгольском) строки пишутся сверху вниз, а строка идет слева направо [Тодаева, 1960, с. 21].

Глава 2

¹ Аппарат для перегонки архи отличается простой конструкцией. На очаги печь ставится котел в виде чаши, в который налито забродившее молоко (*цэгээ*). На котел ставится полый, обычно деревянный цилиндр. Его края должны плотно соприкасаться с котлом, все щелочки по краям наглухо замазываются.

Внутри цилиндра, посередине от одной стенки до другой, сделан наклонный желоб; у нижнего края желоба в цилиндре просверлена дырочка, через которую носик желоба выведен наружу. К носику либо подвешивается, либо под него подставляется пустой сосуд для готовой архи. На цилиндр также плотно ставят второй котел, в котором постоянно меняют холодную воду.

Верхний котел бывает обычно с четырьмя ушками (*чхтэй тогоо*). Дно верхнего котла посередине имеет конусообразную форму. Конус приходится над серединой желобка внутри цилиндра. По желобку проложен кусочек тонкой веревочки, конец которой свисает из носика желобка, опускаясь в сосуд для сбора архи. Иногда желоб в цилиндре отсутствует, и тогда под центральную часть верхнего котла подвешивают сосуд с двумя ручками, который прикрепляется между котлом и цилиндром на ремешках, и готовую архи собирают прямо в этот сосуд. В очаге постоянно поддерживают огонь. Пары архи, охлаждаясь о дно верхнего котла, стекают с конуса либо прямо в сосуд, либо через желобок. Это простейший, видимо, наиболее ранний из аппаратов для перегонки архи [Викторова, 1969]. У калмыков существовал аппарат более сложной конструкции, со змеевиком, что указывает на его более позднее происхождение [Эрдниев, 1970, с. 162].

Для получения более крепкого напитка архи перегоняли еще один-два раза, увеличивая содержание спирта, но переганная до пяти раз архи из-за сильной концентрации эфирных масел становилась ядовитой.

² Воззрения, связанные с кровью как основой жизни, восходят к глубокой древности, к неолиту, когда появляются в Восточной Монголии погребения, засыпанные заменителем крови — охрой [Дорж, 1971]. Эти традиции пережили эпоху бронзы и раннего железа (костики в плиточных могилах также бывают засыпаны охрой). С миром этих идей и верований связан, очевидно, зафиксированный письменными источниками XIII в. обычай, когда некоторым монголам, преступившим закон или нарушившим договор и союз побратимства, хан разрешал умереть без пролития крови (их душили или убивали, переломив позвоночник), и тогда не прерывалась цепь перерождений. Те же идеи лежали, видимо, в основе заключения клятвенных договоров между отдельными представителями родов и племен. При заключении договора в знак нерушимости клятвы рассекали по одному из каждого рода животных (жеребца, быка, овцу, собаку) и произносили формулу клятвы: «Пусть с нами будет то же, что с этими скотами, если мы нарушим клятву», иными словами, «пусть будет прерван наш род».

³ В XIII в. замужние женщины носили особый головной убор — *бокто*, генетически восходивший к сяньбийско-ухуаньскому головному убору замужних женщин первых веков нашей эры. На макушку шапочки замужней женщины, судя по описаниям и имеющимся иллюстрациям того времени, прикреплялся высокий тштырь, обернутый парчой и украшенный яркими перьями. Но это, несомненно, поздняя модификация головного убора, первоначально состоявшего из шапочки и прикрепленной к ней вертикально лучевой кости, имевшей в брачном обряде магическое значение.

⁴ У тюркских кочевых народов способ убоя скота, разделки туши, распределение мяса во время трапезы, место каждого сотрапезника на пиру были строго регламентированы [Ильминский, 1860, с. 115—127; Рашид ад-дин,

1952, с. 87]. По всем этим индексам тюркские народы отличались от монгольских и в XIX и в XIII в., и в древний период. Так, тюркские народы убивали барана, перерезая горло, и кровь (*хан*) выливали на корм собакам, на пиру наиболее почетными частями считались (кроме головы) кости и мясо задней части (бедро — *сан*; слово «сан» в древности у тюрков значило и «уважение») [ДТС, 1970, с. 483]. Лопатка (*жаурын*) считалась по степени почетности лишь четвертым блюдом. Курдюк и печень раскладывали на все блюда. Грудину отдавали зятю. В туше насчитывалось 12 блюд. Так же распределялось мясо и у тюрков-огузов, по свидетельству Рашид ад-дина. Задняя часть и у древних тюрков была заупокойной пищей наиболее почитаемых людей. Ее клали им в могилу [Радлов, 1893, с. 1721, 1722].

В юрте во время пира каждый имел определенное обычное место. У монголов наиболее почетной была северо-западная сторона (*хоймор*), глава стола сидел лицом к востоку за очагом, против дверного проема, ориентированного на юг. У тюрков же, которые ориентировали вход юрты на восток, глава стола сидел в юго-западном «углу», лицом на север. По этим очень устойчивым традициям, сложившимся еще в эпоху родового строя и передававшимся из поколения в поколение, тюрки сближаются с хуннами (известно, что и шаньюй хуннов во время пира сидел лицом к северу [Таскин, 1968, с. 40]). Животным, которого закалывали для общеродовых трапез тюрки-огузы, был бык. Родом Быка (Огуз/Огур) считался и один из хуннских родов [Вернштам, 1950, с. 224—225], т. е. бык был тотемом этого хунно-огузского рода и ритуальным жертвенным животным.

⁵ Земледельческая терминология монгольского происхождения, собранная в начале XX в. А. Д. Рудневым в Восточной Монголии, позволяет сделать предположение о древних самобытных истоках монгольского земледелия. Вещественные подтверждения данных Руднева были получены в виде находок земледельческих орудий неолитического времени [Окладников, 1960, с. 4—18]. Н. В. Кюнер также утверждал, что земледелие алтайских народов возникло независимо от китайского [Кюнер, 1946]. По наблюдениям Д. Доржа, неолитическое земледелие в Монголии возникло из активного собирательства предшествующего периода [Дорж, 1969, с. 12]. Сводные данные о различных народах Центральной Азии показывают, что во все периоды их истории, начиная с неолита, в структуре хозяйства кочевников значительную роль играло земледелие. Наиболее распространенной культурой было просо. В благоприятных природных условиях земледельческие традиции продолжали развиваться за счет освоения новых культур, заимствованных у соседних народов.

Глава 3

¹ Так, для получения золотисто-желтого цвета в основание листьев дикого ревеня весной втыкался медный гвоздик (или проволочка), а растение накрывалось перевернутым котлом. В таком виде оно оставалось почти все лето. Потом соком этого измельченного растения окрашивали замшу (сообщено членом-корреспондентом АН МНР Х. Пэрлээ). Зеленый цвет получали, добывая сходным образом подвеченный березовый сок [Кочешков, 1973, с. 74].

² Чжуншу лин — титул Елюй Чуцай, сановника при дворе Чингисхана и его сына Угэдэя (1229—1241). Елюй Чуцай был потомком киданьского рода Елюй, правившего империей Ляо (906—1125).

³ Интересно упоминание о том, что Оэлуи подпоясывала платье. Известно, что замужние монгольские женщины в XIX — начале XX в. не носили пояса. Но, видимо, в XIII в. женщина, глава семьи в осиротевшем доме, составляла исключение.

⁴ От киданей эта одежда была заимствована соседними тунгусо-маньчжурскими народами, а в XVII в. варианты ее воспринимались уже как маньчжурская одежда. По материалам исследователя дальневосточных народов Шрэнка она известна почти у всех амурских народов (гольдов, гиляков и др.) именно в своей маньчжурской разновидности.

⁵ Судя по описанию, он отличался от головного убора у хуннов. Так,

у хуннской знатной женщины, погребенной в Ноин-Уле [Руденко, 1960, табл. XVII; Umemura, 1960], мягкая шелковая стеганая шапочка, плотно облегающая голову.

⁶ Сходство же в монгольской и китайской одежде объясняется давними культурными контактами, но китайский костюм отличался от монгольского, унаследовавшего сяньбийско-киданьские традиции. При некоторых общих конструктивных особенностях (халат покроя кимоно, без плечевого шва, наличие продольного шва по оси симметрии, некоторое сходство в покрое воротника) сяньбийско-киданьский, центральноазиатский тип костюма отличен от китайского по силуэту, создаваемому резко различными пропорциями ширины и длины стана, рукава в плечевой и нижней частях, а также формой обуви. Это связано в первую очередь с функциональными различиями. Китайский халат статичен по назначению: он замедляет и сковывает движение, в то время как сяньбийско-монгольский приспособлен к подвижному образу жизни. Отмеченные здесь особенности китайского костюма наглядно прослеживаются в материалах, опубликованных Л. П. и В. Л. Сычевыми [Сычев, Сычев, 1975, табл. I—VII]. Таким образом, отличия в костюме очень четко фиксируют различия в хозяйственно-культурном типе, бытовой культуре, нормах поведения и эстетических идеалах обеих систем. Эти различия, разумеется, не исключали взаимовлияний и заимствований отдельных элементов одежды в ходе культурных контактов, особенно при благоприятной политической ситуации, создавая значительное разнообразие порайонных вариантов китайской одежды [Eberhard, 1942].

⁷ На costume дархатской шаманки, например, в числе неперенных атрибутов нашиты и раковины каури: одна — на передней поле халата под воротом, а девять — на шапочке [Вяткина, 1939б, с. 140, 141, табл. I, 1, 3]. Можно полагать, что их еще в глубокой древности пришивали к женскому шаманскому костюму как символ того, что при камлании в шаманке воплощалось могущество женского божества Земли — *Этуген*; оно было высшим гением шаманок и связано с культом плодородия, многие тысячелетия бытовавшим у народов Центральной Азии, в том числе у предков монголов. Черты его отчетливо прослеживаются у сяньбийцев, киданей и монголов.

Глава 4

¹ Типы поселений и жилищ Восточной Монголии даются по полевым материалам, собранным автором в 1967, 1968, 1969 гг.

² Фундаменты (а иногда и стены) и теперь часто возводятся из каменных плиток неправильной формы и более мелких обломков камня. Материалом служит гранит или сланец, расколотый на утолщенные плитки, которые укладываются с внешних краев стен (или фундамента), а средняя часть толщи стены засыпается мелкими обломками. Каждый уложенный ряд в средней части заливается полужидким глиняным раствором (но кладка может быть и сухой). Подобные же приемы кладки наблюдались в монгольских городищах XIII—XIV вв. (о них см. [Пэрлээ, 1973]), киданьских X—XI вв. и хуннского времени (III в. до н. э.— II в. н. э.) в Центральном, Хэнтейском и Восточном аймаках.

³ К такой группе, связанной происхождением с Центральной Азией, относятся катаяцы — группа в составе башкир. В начале XX в., по данным С. И. Руденко, катаяцы занимали земли к западу от хребта Уралтау, наиболее гористую и возвышенную часть Южного Урала в бассейне рек Большого и Малого Инзера. Антропологически катаяцы относятся к монголоидам [Руденко, 1916]. Советским этнографом А. А. Кузеевым установлено, что эта группа происходит от киданей («кытай» древнетюркских надписей), оказавшихся среди башкир в первой половине II тысячелетия н. э. [Кузеев, 1973, с. 324].

У катаяцев сохранился монгольский тип юрты (с прямыми жердями кровли), чем они отличаются от тюркских групп башкир, у которых крыша куполообразная. У них сохранились и другие типы жилищ, которые могут быть

сопоставлены с наиболее ранними, известными по археологическим данным и описаниям средневековых путешественников в Монголию.

Одним из таких жилищ, обычно использовавшихся у катайцев в начале уже нашего века в качестве хозяйственных построек, был *ситан-клять* (киданьский амбар) или *аласык* (амбар-кухня). Ситан-клять состоял из вбитых по кругу в землю жердей, которые оплетались прутьями. Для входа оставляли свободное пространство, закрытое только в верхней части. Крыша состояла из сходящихся к центру жердей, нижним концом прикрепленных к стенам и крытых чаще всего соломой или пластами дерна. Плетневые стены делались однородными, иногда промазывались глиной.

⁴ Такого типа полуземлянка встречается также у катайцев. Для ее устройства в земле вырывалась яма, прямоугольная в плане, размерами 4—5 м в поперечнике, глубиной 20—40 см, по углам имевшая столбовой каркас. Над ямой по краям выкладывались стены из пластов дерна высотой до 2 м. На верхний край стен накладывали 5—9 жердей, поддерживавших перекладыни. Они образовывали настил потолка. Потолок делали из хвороста, камыша или бересты, а сверху покрывали пластами дерна. Если настил дерна был очень тяжел, то среднюю жердь подпирали столбом (*багана*), установленным в центре землянки. В одной из стен устраивался дверной проем, где устанавливали дверные косяки. Внутри помещение обмазывали глиной. В землянке, в ближайшей к двери половине, устраивали камин (*сувал*) с очагом (*усак*). Область распространения пластовых изб ограничена, они встречались, по свидетельству С. И. Руденко, в конце XIX — начале XX в. только в местах, очень бедных лесом, в степях и служили жильем беднейшему населению, главным образом у зауральских катайцев на северо-востоке и лишь изредка у некоторых других степных групп. Пластовые избы, как и другие элементы культуры, несомненно, сохранились у катайцев от их предков — киданей. Кидани же унаследовали этот тип жилища от древнего населения степных районов Восточной Монголии и прилегающих территорий. По данным А. П. Деревянко и Д. Доржа, проводивших раскопки в этом районе МНР, значительную долю в памятниках неолита составляют поселения, где основным типом жилища были землянки. Позднее на этих территориях обитали дунхусы и сяньбийцы, предки киданей, хи, южных шивэйцев. Тип неолитических землянок, описанных Доржем, сходен в основных чертах с пластовыми избами китайцев.

Глава 5

¹ «Великая мелодия» исполнялась в сопровождении музыкального инструмента *морин хуура*. Общение сородичей с их предками, как бы присутствовавшими на торжестве, осуществлялось через старейшего в роде, который имел сан *беки*. Он отличался от собравшихся своим белым одеянием и белой лошастью. Этот обряд был важен еще и тем, что во время его съезжались все сородичи и из повествования, предназначенного духам предков, узнавали обо всех событиях, которые происходили от встречи до встречи.

² Пережитком такого обряда общения с предками можно считать сохранившийся кое-где в глухих уголках МНР обычай приносить на могилу близкого родственника различные дары, пищу и даже письма, в которых умершему сообщаются события, происшедшие в его семье и у родственников со времени его смерти или со времени последнего посещения его могилы.

³ Неподалеку от этого обо археологи раскопали группу плиточных могил с характерной керамикой эпохи бронзы. Могильник располагался на месте древней стоянки, где было собрано множество орудий из кремня. Скальные выходы, расположенные на стоянке, покрыты петроглифами типа *тамг* (52 знака) [Викторова, 1969]. В культурном слое рядом с петроглифами обнаружена керамика из хорошо отмученной серой глины того же типа, что была в подъемном материале и в раскопках на расположенном в нескольких километрах от обо городище Улугчин-хэрэм. Работы на городище велись в 1967 г. под руководством Х. Пэрлээ. Городище расположено в распадке и с северной стороны защищено горной грядой и лесистыми склонами. С юга

оно было окружено стенами, сложенными из расколотых плоских плиток розоватого гранита. В его северной части расположены ямы и груды камней — вероятно, следы древних построек. Керамический материал, полученный при сборе на поверхности городища и при шурфовке, принадлежит, по определению Х. Пэрлээ, к типу керамики киданьского времени (плотная серая керамика хорошего обжига с характерным орнаментом). Можно сделать вывод, что население городища в X—XII вв. приносило жертвы на местах, обозначенных тамгообразными знаками, вблизи древних плиточных могил и стоянок более раннего времени. Очевидно, эти жертвоприношения и тризны совершались из поколения в поколение.

⁴ В совр. языке *он*, ст.-письм. *он*, монг. среднего периода *hop*, древняя форма в киданьском *pon*, *fon* [Wittfogel and Feng Hsia-sheng, 1949, с. 269, примеч. 151].

⁵ Совр. монг. *жил*, монг. письм. *jil*, среднемонг. *jil*.

⁶ Как пример можно привести сведения о календаре на старописьменном монгольском языке, отпечатанном ксилографическим способом в Пекине в 1839 г. В течение одного вечера я имела возможность познакомиться с этим любопытным изданием и сделать краткую аннотацию. Пользуюсь случаем, чтобы выразить искреннюю благодарность тов. Бальжжихэ, давшему мне возможность ознакомиться с этим календарем.

В календаре около 150 страниц текста, снабженного иллюстрациями. Он содержит не только отсчет времени, но и множество самых разнообразных сведений, примет, поверий, гаданий, предсказаний на разные случаи жизни. Открывается календарь рисунком 28 созвездий, на которые разделена небесная сфера, с названиями и пояснениями к ним, приводятся также названия светил, соотношение их с днями недели и т. п. Счет времени (название годов, месяцев, дней, недели, часов в сутках, минут) — по двенадцатеричному циклу; отсчет времени — по руке: один отсчет ведется по внутренним суставам трех пальцев левой руки, начиная с нижнего сустава указательного пальца; другой — по внешней стороне кисти левой руки. Здесь же описываются явления природы, их значение в жизни людей и их хозяйственной деятельности. Например, какие последствия будет иметь направление ветра для изменения погоды, увеличения или уменьшения осадков и т. п.

В календаре даются рекомендации, когда, в какой месяц и день лучше всего начинать те или иные виды работ; как выбирать время для ловли рыбы и охоты; как определить направление, по которому следует начинать кочевку в новом году, и т. д. Поясняется, как определить время суток в туманные, облачные дни по приметам, связанным с животными: по крику ворона, по ширине зрачка, лаю собак и т. п.

⁷ Народы Центральной Азии, которые вели охотничье хозяйство, не имели единого календаря. В зависимости от условий местности и состава промысловых животных каждая группа охотников имела свой вид календаря. Такое положение сохранялось вплоть до XX в. у многих соседних с монголами народов, например у тунгусов. По данным Г. М. Василевич, тунгусы унаследовали тип хозяйства и связанные с ним формы культурного комплекса (а следовательно, и календари) от своих неолитических предков, живших в таежной зоне Сибири, севернее предков монголов. По уровню хозяйственного развития охота предшествовала скотоводству и земледелию. Поэтому разнообразие охотничьих календарей у современных народов свидетельствует о развитии их от множественности к более единым сходным формам.

Глава 6

¹ Для обозначения числительных не первого десятка некоторых народов КНР используются термины из языков окружающих народов. В качестве нормативного приводятся данные письменного монгольского языка — языка монгольской литературы. Калмыцкий язык взят как показатель крайнего западного ареала, дагурский — восточного, а языки других монгольских народов КНР — южного. Из других языков алтайской семьи берутся языки представителей территориально близких народов бассейна Амура — тунгусо-мань-

чжурской группы, негидальцев и ламутов, а из тюркских — язык сарыг-югуров, которые территориально более близки к южномонгольским изолятам и включены даже в одну народность с монголоязычными шира-югурами, а также древнетюркский.

² В общем плане об этом упоминал еще древнегреческий историк Диодор Сицилийский, излагая концепцию философа Демокрита: «Первоначально люди жили, говорят, неустроенной и сходной со зверьми жизнью, выходили вразброд на пастбища и питались вкусной травой и древесными плодами. При нападении зверей нужда научила их помогать друг другу, и, собираясь вместе от страха, они начали друг друга узнавать. Голос их был еще бессмысленным и нечленораздельным, но постепенно они перешли к членораздельным словам и, установив друг с другом символы для каждой вещи, создали понятное для них самих изъяснение относительно всего. А так как такие объяснения имели место по всему миру, то язык оказался не у всех равнозвучным, поскольку каждые случайным образом составляли свои слова; отсюда разнообразие в характере языков, а первоначально возникшие объединения положили начало всем племенам» [Античные теории..., 1936, с. 67].

Раздел второй

Глава I

¹ Термин «членораздельная речь», как и термин «фонема», существует для удобства исследования лингвистического материала. Они условны, так как психологами установлено, что в действительности «членораздельной» является речь, состоящая из звуковых знаков-символов, взаимопонимаемых в пределах владеющих этими знаками-символами сообществ. Для индивидов, не владеющих этим языком, речь данного сообщества будет представляться нечленораздельной. Отсюда, например, происходит в русском языке название «немцы» (немые, не владеющие общепринятым в России языком). Поэтому любые звуковые знаки-символы, которыми пользовались члены первобытных коллективов Центральной Азии, были членораздельной речью.

² Такие животные, как бык (*буга*), козел (*тэкэ*), считались и позднее тотемическими животными у многих народов Внутренней Азии.

³ Антропологический материал мезолитического времени (12—7 тыс. лет назад), представленный двумя черепами из южных районов Центральной Азии (Чжалай-Нор), определен специалистами как принадлежащий континентальным монголоидам, что соответствует и антропологическому типу современного населения Монголии. Многослойные памятники на территории МНР, такие, как Арц-Богдо, позволяют проследить последовательное развитие и преемственность культурных традиций населения от среднего палеолита вплоть до эпохи бронзы [История МНР, 1967, гл. I; Крюков, Чебоксаров, 1965, с. 61]. Это подтверждает ранее высказанную гипотезу, основанную на лингвистическом анализе топонимических и историко-этнографических данных о том, что монгольские народы формировались на местной основе в ходе естественной эволюции древнего населения.

⁴ Сложные луки, найденные в Восточной Монголии в неолите, позднее (в эпоху бронзы, раннего железа, а затем и в исторический период) сохраняли значение основного типа оружия дальнего боя у предков монгольских народов и были заимствованы от них соседями. М-образный (или сигмовидный) лук сохранился и до настоящего времени, им пользуются в спортивных соревнованиях, во время ежегодных общенародных праздников. Такой лук — весьма совершенное оружие. Его делали из нескольких слоев древесины без сучков с определенным расположением волокон. Между слоями древесины прокладывались сухожильные нити, которые особым клеем скреплялись со слоями древесины, что увеличивало упругость лука. Для прочности места наибольшего изгиба укрепляли костяными или роговыми пластинками-накладками, склеенными с остальными слоями лука. Тетиву делали из тонкой полоски плотной и упругой кожи, перевитой и закрепленной на концах лука.

⁵ Совершенно такие же, как в неолитических памятниках МНР, ладьевидные зернотерки использует до сих пор для приготовления муки из поджаренного ячменя население пригималайских районов Тибета, возделывающее эту зерновую культуру.

⁶ Костных останков палеолитического человека на территории МНР пока не обнаружено. Однако в последние два десятилетия работами советских и монгольских археологов (А. П. Деревянко, Д. Доржа, В. Е. Ларичева, А. П. Окладникова, Н. Сэр-Оджав и др.), изучавших культуры каменного века МНР, установлены генетические связи между палеолитическими, мезолитическими и неолитическими культурами этой территории и их последовательное развитие. Открыты и многослойные памятники. Хорошо изучены и археологические и антропологические материалы с соседних территорий. Комплекс всех материалов позволяет думать, что неолитическое население МНР, погребения которого открыты в восточной части страны, формировалось на основе древнего местного населения. Тем самым территория Центральной Азии входила в широкий ареал формирования человека современного вида.

При незначительных различиях и современное население принадлежит к типу континентальных (центральноазиатских) монголоидов монголоидной большой расы. Население западной части МНР, в древности тяготевшее к населению и культурам современных Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, еще в эпоху бронзы и раннего железа имело европеоидные черты, лишь впоследствии сменившиеся монголоидным антропологическим типом [Алексеев, 1962, 1969, 1974, 1974а; Дебец, 1948; Мамонова, Чебоксаров, 1976].

⁷ Обряд погребения указывает на истоки ряда традиций и верований, связанных со старшинством в группе кровных родственников и культом предков. Известно, что северная часть жилища у монголов традиционно служит почетным местом для старейших членов семьи и наиболее уважаемых гостей. В северной части юрты размещаются божества, а ранее размещались онгоны — изображения предков [Ринчен, 1965].

Глава 2

¹ Разные виды скота имели разную ценность. Лошадь — лучший помощник человека в выпасе скота — ценилась более других.

² В Туве оленные камни поставлены возле курганных захоронений, датируются VII—III вв. до н. э. и встречаются в северных, центральных и южных районах [Манай-оол, 1970, с. 23—24].

³ В. Е. Ларичев и А. П. Окладников считают оленные камни элементом культуры местного происхождения. Э. А. Новгородова полагает, что практика возведения подобных стел уходит корнями в эпоху бронзы. Сопоставляя изображения предметов на оленных камнях с вещами эпохи бронзы, найденными в МНР, она обратила внимание на преемственность в искусстве бронзового и железного века на этой территории и пришла к выводу, что идея увековечения воина, изображение пояса с кинжалом и т. п. сохранились и в I тысячелетии н. э., в хуннское и тюркское время [Новгородова, 1973, с. 335—338].

⁴ Они не распространены в Ордосе, как отметил Н. Н. Диков [Диков, 1958].

⁵ Плиточные могилы сооружали здесь и в период средневековья, но они располагались обычно по оси север—юг. Плиточные могилы позднего времени в Хэнтейском аймаке автору довелось увидеть во время работ 1967—1968 гг. в экспедиции трех рек, руководимой Х. Пэрлээ и Д. Навааном [Викторова, 1968, № 840].

⁶ Ф. Вейденрейх установил, что еще в палеолите в пограничных районах Азии мозг шел в пищу, а свод черепа употреблялся в качестве посуды — чаши для воды. Обычай выделки сосудов из черепа прослеживается в Центральной Азии даже в XIII в. (у керейтов). Во II в. до н. э. сосуды из свода черепа очень ценились и употреблялись у центральноазиатских племен. При заключении клятвенных договоров из них пили «клятвенное вино». В период,

когда был введен ламаизм (XVI в.), ритуальные барабанчики, используемые во время ламаистской службы в храме, а также чаши делали из свода человеческого черепа (такие ритуальные предметы хранятся в коллекциях многих музеев МНР и СССР).

⁷ В книге Шан Юэ помещены деревянные погребальные статуэтки людей со скранными руками (из раскопок в Аняне). Обе фигурки изображены в одежде, с непокрытой головой. Одежда — прямой халат с нешироким (в отличие от китайского) рукавом, без проймы, т. е. монгольского типа. Головы статуэток брахикефальные, крупные, кисти рук маленькие. Лица широкие, плоские, с узкими небольшими глазками. Видимо, жертвенные статуэтки заменили реальных рабов-иноплемеников из пленных.

⁸ Племена фан, так же как иныцы и чжоусцы, использовали бронзу: в местах их обитания во Внутренней Монголии археологами найдены бронзовые ножи и наконечники стрел, относящиеся к первой половине II тысячелетия до н. э., схожие с найденными в МНР [Наваан, 1975].

⁹ Вероятно, смешанные браки в контактной зоне не были редкостью. Н. Н. Чебоксаров считает, что северокитайское население по антропологическому типу является метисным. В его формировании приняли участие автохтонные, но антропологически, этнически и в культурном отношении неоднородные племена, тесно связанные с северными и южными соседями китайцев. В неолитический же период в бассейне Хуанхэ преобладали племена «северного тяготения» [Чебоксаров, 1947, с. 68—69].

Глава 3

¹ Уже в неолитическое время рыболовство, связанное с сезонным ходом промысловых рыб, а затем и развитие пашенного земледелия обусловили у этих племен разнообразие форм культуры оседлого типа. Об этом говорит большое количество поселений с жилищами типа землянок [Окладников, 1959]. А. П. Деревянко, сопоставив археологические находки, относящиеся к раннему железному веку, с данными по материальной культуре XIX в. у народов Приамурья, обнаружил, что нивхи, нанайцы, орочи продолжали и в конце XIX в. пользоваться употреблявшимися в начале нашей эры многими видами вещей [Деревянко, 1970, 1973]. Таким образом, данные по тунгусо-маньчжурской группе народов говорят о той же закономерности, что и у монгольских народов: сформировавшийся в I тысячелетии до н. э. этнокультурный стереотип тунгусо-маньчжурских народов обладал устойчивостью структурных элементов. Именно они и служат в данной работе индикаторами при дефиниции этнокультурного родства народов древности и средневековья.

² Близость с когурёсцами проявлялась в общности некоторых тотемических мифов. Р. Ш. Джарылгашинова полагает, что «этнические группы скотоводческого Запада» даже участвовали в формировании когурёсцев [Джарылгашинова, 1960, с. 45]. Монгольские титулы (*хан*), обозначающие вождя и императора (*хаган*), восходят к древнекорейскому *ган* — древний титул глав тотемических родов [Пак, 1951, с. 347].

³ О существовании смешанных браков между хуннами и сяньбйцами писал Г. Сухэбатор [Сухэбатор, 1975, с. 15]. Известно также, что хунны за неуплату дани отбирали у зависимых племен женщин и детей, что также способствовало смешению.

⁴ Лошадь у монголов в XIII в. играла значительную роль во время похоронных обрядов. Кости ее сжигали, мясо съедали, а из шкуры делали чучело [Карпини, 1957, с. 32]. К. В. Вяткина считает, что культ коня у монгольских народов связан также с тотемическими верованиями [Вяткина, 1968].

⁵ Как установлено А. П. Окладниковым, первые монгольские поселенцы в Прибайкалье (X—XI вв.) покойника также хоронили в гробу из досок или в колоде [Окладников, 1958].

⁶ По классическому хуннскому погребению Нонн-Ула известно, что хунны хоронили в курганах, погребенного клали лицом на юг. «Плиточняки» кла-

ли покойника сводом черепа на восток, лицом на запад, а у монголов именно западная сторона считается правой и почетной (западная половина юрты — мужская). У хуннов же шаньюй сидел, оборотясь на север [Таскин, 1968]. В курганных погребениях дохуннского времени покойник ориентирован лицом на восток, что соответствует древнетюркским представлениям, в которых отождествлялись «перед» и «восток».

Проблема изменения ориентировки погребенного, очевидно, нуждается в специальном исследовании. Она связана не только с этническими особенностями, но и с социальной ролью, которую играл при жизни умерший. Известно, что разные группы по-разному хоронили (в земле, на дереве, на горе и т. п.).

⁷ Ц. Хандсурэн впервые обратила внимание на соответствие между традициями градостроительства у жужаней и уйгуров: и те и другие обносили город двойными стенами, т. е. город делился на внутренний, где располагалась ставка кагана и местной администрации, и внешний, где размещались остальные жители [Хандсурэн, 1973, с. 206—207].

Весьма вероятно, что уйгуры в Северной Монголии формировались на основе смешанного, хуннско-сяньбийского населения маргинального ареала.

Глава 4

¹ Юйвэни были потомками покорных хуннам сяньбийцев, родственных жиданам. Юйвэни имели правителей из рода хуннских шаньюев [Викторова, 1958].

² Слово *tariyan* здесь лучше перевести не словом «хлеб», а словом «зерновые», так как из текста неясно, о каком из злаков идет речь. Русское слово «хлеб» неоднозначно: из зерновых культур им обычно называют рожь или пшеницу, «хлеб» в русском языке обозначает еще и печеный хлеб, а в монгольском для обозначения печеного хлеба и зерна употребляются два разных слова.

³ В «Алтан тобчи» употребляется для обозначения риса наряду с термином *tuturuḡa* санскритское слово *salī*, когда речь идет о поливном рисе. В современном языке есть два обозначения: одно — *тутрагаа*, а второе — *цагаан будаа*. Последнее обозначение позднее, оно употребляется для обдирного риса, рисовой крупы (досл. «белое просо»), которую покупали у китайцев и других соседних народов. Слово *tuturuḡi* для обозначения риса имеется в древнетюркских текстах, оно известно и у современных тюркских народов [Дмитриева, 1972], что говорит об очень раннем, независимом от Китая знакомстве предков обоих народов с этой культурой. Есть много общих названий и для других злаковых культур, которые осваивались еще в неолите.

⁴ На корейско-монгольские связи указывают и другие термины, зафиксированные в «Самкук саги». Например, монгольско-маньчжурское «надан», «надом» («три игры мужей») — состязания в скачках, борьбе и стрельбе из лука — связано со словом «нодан», которым у корейцев называли стрелков-арбалетчиков; монгольское «сомон», или «сумун», — военно-административная единица, объединяющая роту стрелков, а корейское «сомун» — название одной из соседних с древнекорейским государством Силла общин; в слове «косоган» две основы: косе-коса-косо — древнекорейское «вождь» и ган-гын-гам, которое корейские лингвисты связывают со словом «хан» [Пак, 1951, с. 23].

⁵ В старинных похоронных обрядах корейцев участвовали ряженные. Они надевали деревянные маски, шкуры животных и возле могилы исполняли ритуальные танцы. По поверью, умершие превращались в тигра, змею, свинью, ворону, лошадь, собаку или иное животное. На семейных торжествах до сих пор исполняется обряд ритуального поедания собаки, причем ее умерщвляют без пролития крови, что связано с идеей возрождения тотемного животного. Тотемные животные (у корейцев собака, лошадь и др.) были и жертвенными животными.

⁶ Все факты, таким образом, не только говорят о ранних и длительных связях между древними корейцами и пограничными монгольскими племенами, но и подтверждают гипотезу Р. Ш. Джарылгасиновой о северном (древнемонгольском, на наш взгляд) компоненте в этногенезе корейцев.

⁷ Гофман, считавший что основой тогонов, или *а-ша*, как называют их тибетские хроники, были предки тибетцев — *цаны*, покоренные сяньбийцами, употребляет этот термин в широком политическом значении [Hoffman, 1950, с. 264]. В настоящей же работе этот термин употребляется в узко этническом значении.

⁸ «Вэйшу» сообщает следующее предание о переселении групп ляодунских муянов на запад. У правителя Шегуя, или Илоханя, было двое сыновей. Тугухунь был старший. Младший сын — Жологуй — был наследником по праву минората. Шегуй еще при жизни отделил старшему сыну 700 кибинок. После смерти Шегуя Жологуй стал править аймаком. Из-за недостатка пастбищ возникли споры между подданными обоих братьев, и Тугухунь решил отделиться. Сначала он со своими стадами и подданными откочевал к Иншаню, а затем эта часть племени муянов прошла дальше к западу и в 310—312 гг. поселилась в юго-восточной части нынешней провинции Ганьсу [Кюнер, 1961, с. 151, 152].

⁹ Флажок или просто бумажка с изображением небесного коня служили непременным атрибутом на особо почитаемых обо. Понятие *хий морь* означает и «вдохновение»; человека талантливого, со светлой душой называют *хий морьтой хун*, т. е. «человек, обладающий воздушным (небесным) конем». Это мужская, добрая, благостная сила, не само божество, а добрый посредник между небесным божеством и человеком, связанный и с миром людей, и с миром духов. Изображения хий морь делают обычно плоскостным, лишь оконтуривая плоскость и намечая присущие ему черты. Хий морь несет на себе как бы часть божественного огня (чистой и животворной стихии). Его можно приносить на обо в качестве жертвы, написав имена тех, кого поминуют, но флажки с изображением хий морь ставили и возле юрты, а во Внутренней Монголии — даже возле глинобитных домов давно оседлого монгольского населения.

¹⁰ В «Сокровенном сказании» поучение сыновьям, одинаковое по идее и общей сюжетной линии, приписывается прародительнице знатных монгольских родов Алан-Гоа, жившей в конце IX — начале X в. в Северной Монголии [Кюнер, 1961, с. 154—155; «Сокровенное сказание», § 19; Рашид ад-дин, т. I, ч. I].

¹¹ Этот титул носили только правители сильных центральноазиатских держав (жужаней, а затем тюрок, которые граничили с тогонами на севере).

¹² Ч'а — *дань*, взимавшаяся тибетцами с покоренных народов [Богословский, 1962, с. 105].

¹³ Сходные обычаи заключения клятвенных договоров существовали и у других племен Центральной Азии. Аналогичный обряд принесения клятвы верности описан у монголов, живших на рубеже XII—XIII вв. (см. [«Сокровенное сказание», с. 141]).

¹⁴ Борьба княжеств в XI в. в Амдо и Хуху-Норе легла в основу широко распространенного в Тибете и у всех монгольских народов «Эпоса о Гэсэре», написанного поэтом Чойбэбом о правителе одного из тибетских княжеств — Лин. Столицей княжества Лин был Цзунгэ (совр. Миньхэ), расположенный между Ланьчжоу и Синином, на торговом пути из Китая в Среднюю Азию. Соседями владений Гэсэра были племена широнголов (желтореченцев), враждебные княжеству Лин [Дамдинсурэн, 1957, с. 215]. Они подразделялись автором эпоса на цагангэрту (белоюртых), харагэрту (черноюртых) и шарагэрту (желтоюртых). Ц. Дамдинсурэн отождествляет цагангэрту с монголами (т. е. тогонами. — Л. В.), шарагэрту — с желтыми уйгурами и харагэрту — с голоками.

¹⁵ Название «широнголы» встречается и позднее XI в. Известно, что широнголы были покорены в XVI в. тумэтским Алтан-ханом, который собирал с них подати. Г. И. Потанин посетил близ Синина широнголов в конце XIX в. В XX в. потомки древних сяньбийцев составляли незначительное по численности монголоязычное население Ганьсу (ту, дунсяне, баоани). Б. Х. Тодаева, изучавшая их языки и этнографию, полагает, что в основу этих народов лег древний сяньбийский субстрат [Тодаева, 1965, с. 665].

¹ Название «кидани» впервые встречается в «Бэйши» около 405 г. н. э. Самоназвание этого народа было *kidan* [Таскин, 1963, с. 131]; древнетюркское название — *qudai//qutan*, древнекорейское — *коран*.

² Опираясь данными материальной культуры северных китайцев и их соседей, В. С. Стариков также полагает, что земледелие северных китайцев в Маньчжурии генетически связано не с китайским, а с монголо-маньчжуро-корейским, т. е. алтайским, ареалом [Стариков, 1967].

³ Здесь термин «аймак» обозначает то же, что древнемонгольское *«ir-gen»* — «племя» (о термине *irgen* см. [Гонгор, 1974, с. 50]).

⁴ В XIII в. и у монголов слово «тама» имело значение «начальник гарнизона войск в завоеванной стране». В этом значении оно употребляется Рашид ад-Дином.

⁵ Сходный тип отопления обнаружен в Северной Корее еще в жилищах неолитического времени [То Ю Хо, Хван Ги Дек, 1959, с. 16]. Канамы пользовались приамурские племена в эпоху железа [Деревянко, 1973], их встречают на Иволгинском городище в Забайкалье [Давыдова, 1956], в провинции Хэбэй, где жили жуны (а затем дунху), а также и в Бохае [Tung Chig-cheng, 1939, с. 12]. В. С. Стариков полагает, что двухканальные каны были заимствованы северными китайцами от бохайцев через киданей. Распространение кана он склонен связывать также с переселением в Китай в VII в. пленных когурёсцев, захваченных танскими войсками во время когурёско-танской войны.

⁶ Так, мать Елюй Амбагяня видела во сне, что она забеременела от луча солнца, а когда родился сын, то в доме распространилось необыкновенное благоухание и все осветилось необычайным светом. Праматерь монгольских родов, потомком которой был Чингисхан, Алун-Гоа, оставшись вдовой, родила трех сыновей. Считалось, что они были небесного происхождения (сыновья Неба). По рассказу Алун-Гоа, «каждую ночь, когда солнце закатилось, а луна еще не взошла, входит через дымник юрты, бывало, ко мне светлорусый человек и свет его проникает мне в чрево. А уходит так, в час, когда луна закатилась, а солнце еще не взошло, поцарапываясь, уходит, словно желтый пес... Ведь если уразуметь все это, то и выйдет, что они сыновья Неба» («Сокровенное сказание», § 21). В этом сюжете мифа, с различными вариациями повторяющегося во всех монгольских хрониках, начиная с «Сокровенного сказания», есть прямые совпадения с киданьским мифом о зачатии Елюй Амбагяня от луча света, проникавшего через дымник юрты. В монгольском мифе упоминается о желтом псе. У киданей собака считалась одним из тотемических предков [Васильев, 1857, с. 3], черты которого позднее у монголов XII—XIII вв. связываются с характеристикой антропоморфного небесного божества.

⁷ Обряд, заключающийся в жертвенном возлиянии вина, сопровождался молитвой примерно такого содержания: «В продолжение зимних месяцев кушайте, обратясь к югу, во время звероловства помогите нам более добыть кабанов и оленей» («Бэйши», гл. 94). Этот древний обряд связан с культом предков и охотничьей магией.

⁸ Этот толковый словарь содержал, по подсчетам Л. Н. Рудова, 1613 слов, распределенных по 141 разделам. В XVIII в. циньские ученые, толкуя иностранные слова из династийных хроник Ляо, Цзинь и Юань, использовали монгольский язык только для пояснения киданьских и монгольских слов.

⁹ Фонетическая близость языка квадратной письменности с языком киданей была установлена Л. Н. Рудовым в 1941 г.

¹⁰ Из летописных сообщений известно также, что в государстве Ляо были развиты наука, литература, искусство. Во всех крупных киданьских городах имелись школы. Киданьскими учеными создавались оригинальные труды, а также переводы философских, исторических, юридических книг. Крупный историк Елюй Янь был автором «Правдивых записок императорской власти», а Хань Цзяньгу и Елюй Шочэн написали «Воспоминания о делах минувших

государств» (с VIII по XI в.). Ученые империи подготавливали материалы к написанию официальной истории Ляо. Значительных успехов достигли поэзия и проза; чтобы получить ученую степень, нужно было сдавать экзамены, куда входило и сочинение стихов. У киданьских сановников и любителей литературы были домашние библиотеки. В XI в. было развито и книгопечатание ксилографическим способом [История МНР, 1967, с. 161—163].

¹¹ Работу по дешифровке киданьской письменности вели и ведут ученые многих стран: в Советском Союзе — Л. Н. Рудов, В. С. Стариков, В. М. Наделяев, В. С. Таскин и др., в Венгрии — Л. Лигети, во Франции — Л. Амбис, в Японии — С. Мураяма, И. Тамура, С. Кобаяси.

¹² Л. Н. Рудов в 1940 г. сделал доклад о дешифровке письменности киданей. Он не успел его опубликовать. Л. Н. Рудов погиб во время блокады в Ленинграде. Большинство его материалов и работ, связанных с киданьской письменностью, утеряно. Дочерью ученого М. О. Пчелиной в 1963 г. опубликованы лишь фрагменты доклада, найденные в архивах.

¹³ Сходный метод применил В. С. Таскин, опубликовавший обнадеживающие результаты дешифровки отдельных глосс [Таскин, 1963].

¹⁴ Часть уйгуров после 840 г. осталась на Орхоне, и для них киданьским правительством было образовано наместничество во главе с шаньюем.

¹⁵ В первой трети XI в. один из киданьских сановников представил императору доклад, в котором он доказывал невыгодность содержания большого количества гарнизонов для удержания западных земель и предлагал сосредоточить их только на южных границах. Он считал, что главный враг находится на юге (южные земли киданей граничили в этот период с китайской империей Сун).

¹⁶ По-видимому, это привело к большому заимствованию чжурчжэнями (а позднее генетически связанными с ними маньчжурами) лексики киданей, их материальной и духовной культуры. На это указывает, в частности, ряд слов в языке чжурчжэней [Воробьев, 1968б], сходных с лексикой раннего монгольского языка XIII—XVI вв. Можно предположить, что эти слова были у чжурчжэней общими с киданьскими. Однако большая часть коренной лексики чжурчжэней не имеет параллелей в древнемонгольских текстах.

¹⁷ Прямыми потомками киданей в Маньчжурии, осколками этого народа считают дауров [Палладий, 1892; Пэрлээ, 1959]. Их генетически связывают с некогда правившим киданьским родом дахэ (дагур).

Глава 6

¹ Именно волк был тотемом династии Ашина. В 50-х годах Л. Н. Гумилев высказал гипотезу о монгольской струе в тюркском этногенезе. Ее подтверждают и китайские источники, записавшие предания о происхождении тюрков и династии Ашина: Тюрки как этнос формировались в Западной Монголии и примыкавших к ним севернее районах, их основными землями были горные долины Алтая, богатые залежами железа, выплавкой которого занимались тюрки. Они платили дань железом жужаньским ханам. Как сообщает легенда, предки тюрков во время междоусобной войны были истреблены. Оставшегося в живых десятилетнего мальчика спасла волчица, впоследствии ставшая его женой. Сыновья, родившиеся от этого брака, стали основателями десяти тюркских родов. Один из них, по имени Ашина, был избран правителем и в знак своего происхождения от волчицы выставил возле ставки знамя с волчьей головой [Бичурин, 1950, с. 220—221]. Это ранняя версия происхождения правящей фамилии тюрков. В ней отражен тотемический миф, связанный с традицией матрилейности. Бытование у тюрков этого мифа подтверждается находкой стелы времени I тюркского каганата в Бугут-сумуне (МНР) с навершием, изображающим волчицу [Лившиц, 1973, с. 243—250]. Другое предание повествует о том, что всеми тюрками правил Надулу-ше, имевший десять жен. «Все его сыновья прозывались по дому (т. е. роду. — Л. В.) матерей. Ашина был сын младшей жены. После смерти отца между его детьми от разных жен произвели выбор правителя. Им стал Ашина, сын

младшей жены, основатель династии» [Бичурин, 1950, с. 222]. Это предание объясняет появление монгольского имени в тюркской династии.

² Еще более тесно связывает генеалогию монгольских правителей с тюркскими династиями Центральной Азии Рашид ад-дин. В число предков Чингизидов он включает уйгуро-огузские племена и их правящие фамилии. Отдавая дань исламу, принятому монгольскими ильханами Ирана, он возводит их предков к библейским пророкам, идеологически обосновывая господство потомков Чингисхана над мусульманским миром. В своей генеалогической части труд Рашид ад-дина, крупного политика и государственного деятеля при дворе ильханов отражает сложные процессы этнокультурных связей правящей верхушки завоевателей — монголов — с местным, в основном иранским и тюркским, мусульманским населением, среди которого монголы составляли привилегированное меньшинство.

³ В «Бэйши» о них впервые упоминается в 544 г. [Бичурин, 1950, с. 76]. В VI в. автор «Бэйши» употребляет термин «шивэйцы» как собирательный для многих племен различной этнической и языковой принадлежности. Этим термином называли тогда и таежных охотников, и рыболовов, этнически близких тунгусам [Василевич, 1969]. Позднее в «Таншу» им стали называть только группу родственных племен, населявших земли от Прибайкалья до р. Таоэрхэ. Южнее жили кидани. Таким образом, шивэйцы состояли из многих племен (свыше 25), объединившихся во временные союзы. Тюрки называли их собирательно отуз-татарами [Викторова, 1958, с. 58—60].

⁴ Каменные оградки тянутся цепочками с севера на юг с небольшим отклонением к востоку (около 15°). В Восточной Монголии четырехугольные оградки ориентированы обычно по странам света.

⁵ Пояс с металлическими обоймочками и бляшками — характерная особенность костюма древнетюркских и уйгурских сановников, о чем неоднократно упоминают опубликованные тексты эпитафий [Малов, 1951, 1959].

⁶ Об их брачных связях с монголами говорят «Сокровенное сказание» и Рашид ад-дин. Например, потомок Бортэ-Чино был женат на монголке. «Сокровенное сказание» и Рашид ад-дин возводят начало генеалогических преданий монголов примерно к VII—VIII вв. Оба источника фиксируют одинаковое количество поколений от Бортэ-Чино до Чингисхана, а при пересчете опорных дат дают около двадцати лет на поколение. Таким образом, можно полагать, что какие-то группы из рода Ашина с конца 30-х годов VII в. из степных районов Китая переселились на север и дали начало смешанному, тюрко-монгольскому правящему роду.

⁷ Археологические раскопки подтверждают данные письменных источников: в бассейне Онона в этих районах были обнаружены грунтовые могилы с каменной наброской. А. П. Окладников считает их шивэйскими (бурхотуйская культура) [Окладников, 1960]. Они отличаются и от тюркских и от уйгурских погребений, но сходны с захоронениями знатных монголов XVII—XIX вв., обследованными в Хэнтейском и Восточном аймаках в 1969 г.

⁸ На это косвенно указывают находки стел с согдийскими текстами. Одна из них — тюркского времени (VI в.) в Бугут-сумне Архангайского аймака, а вторая — времен уйгурского хана Бао-и (808—821) на развалинах Орду-Балыка (городище Хар-балгас) [Лившиц, 1973, с. 243—244].

⁹ Фотография изваяния была подарена мне в 1969 г. в г. Ундэр-хане художником Тэмур-Очиrom. Пользуюсь случаем принести ему мою искреннюю благодарность.

¹⁰ Именно эту группу татар, очевидно, и считали китайцы империи Сун «белыми дада», так как они усвоили какие-то элементы китайской культуры. Затем сунскими авторами название «дада» (татары) было перенесено на все монголоязычные народы Центральной Азии, с которыми империя Сун столкнулась в начале XIII в.

¹¹ В книге Рашид ад-дина также указывается на три народа с фонетически сходными этнонимами: монгол, усуту мангун, а также мангут (корень *мангу* — с показателем множественного числа на т).

¹² Плано Карпини среди покоренных монголами народов перечисляет и су-монголов [Путешествие..., 1957, с. 57], подчеркивая тем самым неидентич-

ность их с самими монголами. Но вместе с тем он отмечает сходство с ними в антропологическом типе и в языке.

Суммируя сведения европейских путешественников, Рашид ад-дина, «Сокровенного сказания», китайских хроник, древнетюркских рунических текстов, можно предположить, что су-моалами (или су-монгалами) назывались потомки пограничных племен шивэйцев и мохэ; этнические границы между ними были неясны. В XII — начале XIII в. к ним, видимо, относились и различные группы прибуирнорских татар, покоренных Чингисханом. Этот народ, включенный ранее в состав киданей, после падения империи Ляо подчинился чжурчжэням. Отдельные татарские знатные семьи поддерживали с монгольскими ханами близкородственные отношения и отдавали им своих дочерей в жены. Рашид ад-дин и «Сокровенное сказание» упоминают о том, что Амбагай (хан монголов) был захвачен татарами чжунинского племени и его выдали чжурчжэням, когда он провозжал свою дочь, выданную замуж за представителя другого татарского племени. Есть упоминания и о приглашении татарского шамана к заболевшему родственнику монгольских ханов в XII в. Все это говорит о том, что между татарами и монголами существовали в то время достаточно длительные и сложные отношения.

¹³ Хотя по этнической принадлежности эти народы и считались частью хэйшуй мохэ или шуй дада, однако их расселение в контактной зоне между монгольскими и тунгусскими народами позволяло им совмещать многие языковые и культурные элементы обеих групп народов.

¹⁴ В 1958 г. мною была высказана гипотеза о том, что кидани называли различными тюркоязычные племена, генетически связанные с хуннами, тюрками и уйгурами, собирательным словом «цзубу». В XII в. «Сокровенное сказание» называло эти народы найманами, керейтами и меркитами. Они жили в районах, расположенных западнее и северо-западнее этнической территории киданей. Соответствующие генетические связи были прослежены за весь рассматриваемый период (IV в. до н. э. — XII в. н. э.) [Викторова, 1958]. Однако, полемизируя со мной, Л. Н. Гумилев пишет: «Л. Д. Викторова полагает, что цзубу — самостоятельный тюркский народ, потомки хуннов. Но это мнение, пожалуй, можно не рассматривать, потому что не учтен тысячелетний хронологический разрыв» [Гумилев, 1970, с. 101]. Ссылается при этом Л. Н. Гумилев не на мою статью 1958 г., которая ему была хорошо известна и им же использована в книге «Древние тюрки» [Гумилев, 1967, с. 31, 34], а на реферат кандидатской диссертации, в котором аргументации, естественно, не было. Но и там я нигде не писала, что цзубу — «самостоятельный тюркский народ».

¹⁵ Это население стояло в оппозиции к уйгурской элите, так как уйгуры были манихейми, а среди их подданных уже получило распространение христианство несторианского толка. Поэтому в уйгурском государстве не могло быть единодушия среди всех подданных: каждая религия вербовала себе сторонников, каждый сторонник одной религии становился противником другой. Естественно, что с уйгурами ушли в Восточный Туркестан и Ганьсу только их сторонники. Остальное же население просто переменяло одного хозяина на другого, отличавшегося равнодушием к чужим богам. Не случайно проповедь христианства имела успех именно в населенных различными, преимущественно тюркоязычными, кочевниками районах империи Ляо [Бартольд, 1903; Wittfogel and Feng Hsia-sheng, 1949], среди которых мирно уживались колонии согдийских купцов. Согдийцы резко отличались по антропологическому типу, языку и культуре от киданей. Кочевники-тюрки таких резких отличий не имели. Поэтому, естественно, кидани стали называть все степное, неродственное себе население по наиболее характерной его части.

¹⁶ Правящий род тюрко-шато китайские авторы хорошо знали. С китайского языка его название переводится как «ворон». Монгольская калька этого имени рода — «хэрэнт».

¹⁷ Тунгусские племена занимались охотой и рыболовством, отличаясь от своих более южных степных соседей не только языком, но и культурой. Они формировались на основе местного населения эпохи неолита, откуда унаследовали занятия, тип хозяйства, специфический покрой костюма (так назы-

ваемый тунгусский фрак, натазники, ноговицы и т. д.), многие орудия труда и черты бытовой культуры, верования и связанную с ними обрядность (веру в то, что медведь является хозяином тайги, и связанные с этим специальные медвежьи праздники, во время которых туша убитого медведя распределялась, приготавливалась и поедалась с соблюдением сложных ритуалов) [Василевич, 1969].

¹⁸ Ход этого крупнейшего восстания племен цзубу описан на стеле Даоцзуна: «Глупы же дадани (татары.— Л. В.), которые сами на себя навлекли жестокую пагубу. Они потревожили наши окраинные границы, и были истощены их логовища [пещеры]. Когда верховные воеводы уже вышли [в поход], удивительные военные [стратегии] были использованы [=употреблены и] сразу [же был] убит [=казнен] их глава, [и их все=] толпы родов [=и племен с] удовольствием [=радостью] покорились [нам]» (пер. с кит. В. А. Вельгуса, 1976, Архив ЛО ИЭ). В стеле Даоцзуна впервые упоминаются татары (дадань), которых «Сокровенное сказание» называло «палачами наших дедов и отцов». Они в конце XI в. выступили как сила, враждебная киданям.

¹⁹ В истории монголов этого периода большую роль играли мать Чингисхана (олхонутка Оэлун-эхэ) и его старшая жена (унгиратка Бортэ-фучжинь). Олхонуты и унгираты и в XII в. продолжали кочевать на прежних землях, как и при правлении династии Елюй.

²⁰ Автором настоящей работы уже высказывалась гипотеза о том, что западными киданями уйгурское буквенное письмо было окончательно приспособлено для монгольского языка, который лег в основу монгольского литературного языка среднего периода [Викторова, 1961б]. Этот язык и письменность были хорошо знакомы вассалам киданей — найманам — и от них проникли в начале XIII в. в монгольское государство. Однако есть основания полагать, что уйгурское письмо и раньше было знакомо киданям и использовалось ими, хотя памятники этого письма пока не открыты. В «Ляоши» говорится, что в 925 г. ко двору Ляо прибыли послы одного из уйгурских государств. Их письменность и язык были непонятны киданьским переводчикам [Wittfogel and Feng Hsia-Sheng, 1949, с. 395]. Видимо, речь шла о письменности, имевшей в основе согдийский алфавит. Принять послов было поручено Елюй Чжу, который быстро изучил их язык и письмо и вскоре, основываясь на их знаковой системе, очевидно, буквенного письма, создал письменность, в которой малое количество знаков могло передавать все понятия киданьского языка. Это письмо получило название малого киданьского письма. Ван Цзинжу, а вслед за ним В. С. Стариков считают, что малое киданьское письмо было основано на китайской иероглифике, как и большое. Но это мнение явно расходится с прямым свидетельством «Ляоши», где речь идет о принципиально иной системе знакового выражения. Возможно, письменность на уйгурской графической базе все-таки была известна киданям. Переселение киданей на запад могло оживить традиции малого письма, которое затем стало письмом новой киданьской государственности. Во всяком случае, традиция использования уйгурского алфавита для записи монгольских слов сложилась задолго до начала XIII в. Первый из известных в настоящее время камнеписных памятников на монгольском языке («Чингисов камень») убедительно свидетельствует об этом.

²¹ Среди фресок, обнаруженных в слоях предмонгольского времени в Хархорине, т. е. в Хэдуне лясского и более позднего времени (X—XII вв.), имелись фрагменты буддийского содержания [Киселев, 1965, табл. I—IV]. Это может служить косвенным доказательством наличия в землях керейтов киданьских поселенцев.

АЖ	— «Антропологический журнал»
АЭЭ	— «Археологические экспедиции Эрмитажа»
ВАН	— «Вестник Академии наук СССР»
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВФ	— «Вопросы философии»
ВЯ	— «Вопросы языкознания»
ДАН-В	— «Доклады Академии наук СССР». Серия В
ДВФ	— Дальневосточный филиал Академии наук СССР
ДТС	— Древнетюркский словарь
ЖС	— «Живая старина»
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества»
ЗИРГО	— «Записки (Имп.) Русского географического общества»
ИАН СССР	— «Известия Академии наук СССР»
ИВ СОРГО	— «Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества»
ИИРГО	— «Известия (Имп.) Русского географического общества»
ИОАИЭК	— «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете»
КСИВ	— «Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР»
КСИИМК	— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР»
КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР»
КСИЭ	— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР»
ЛО ИВАН	— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
ЛО ИЭ	— Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая
МАС	— Монгольский археологический сборник
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР им. Петра Великого
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МКМ	— Международный конгресс монголоведов
МС	— Монголын судлал («Исследования по Монголии»)
НАА	— «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура»
НИИА	— Научно-исследовательский институт антропологии при Московском государственном университете
ОСЛАЯ	— Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков
ПВ	— «Проблемы востоковедения»
РО ИВАН	— Рукописный отдел Института востоковедения АН СССР
СА	— «Советская археология»
СВ	— «Советское востоковедение»
СМ	— «Современная Монголия»
СЭ	— «Советская этнография»
ТБКНИИ	— Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР

ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклу-хо-Маклая
ТКАЭЭ	— Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТОВ(Г)Э	— «Труды Отдела культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа»
ТЧРДМ	— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине»
УЗИВАН	— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР»
УЗТНИИЯЛИ	— «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории»
ШУА	— Шинжлээх ухаан, амьдрал («Наука и жизнь»)
ШУАМ	— Шинжлээх ухааны Академийн мэдээ («Известия Академии наук»)
ШУТ	— Шинжлээх ухаан техник («Наука и техника»)
ЭЦ	— Этнографийн цуврал
АМ	— «Asia Major»
АО(Hung.)	— «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae»
CAJ	— «Central Asiatic Journal»
JA	— «Journal asiatique»
JRAS	— «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland»
JSFOu	— «Journal de la Société Finno-ougrienne»
SA	— «Studia Archaeologica Instituti Historiae Comiteti Scientiarum Republica Populi Mongoli»
SH	— «Studia Historica Instituti Historiae Comiteti Stientiarum Republica Populi Mongoli»
SE	— «Studia Ethnographica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongoli»
T'P	— «T'ung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie et les arts de l'Asie Orientale»

- Энгельс, т. 3.—Энгельс Ф. Немецкая идеология.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3.
- Энгельс, т. 21.—Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
- Ленин, т. 23.—Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.—Полное собрание сочинений. Т. 23.
- Абаев, 1956.—Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра.—АО. Т. XXIV. 1956.
- Абрамзон, 1971.—Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Абуль-Гази Бахадур-хан.—Абуль-Гази Бахадур-хан. Родословное древо тюрков.—ИОАИЭК. Т. XXI.
- Авляев, 1975.—Авляев Г. О. Этнический состав и расселение приволжских калмыков в конце XIX и начале XX века. М., 1975.
- Аврорин, 1960.—Аврорин В. А. О классификации тунгусо-маньчжурских языков. М., 1960.
- Алексеев, 1962.—Алексеев В. П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы.—СА. 1962, № 3.
- Алексеев, 1969.—Алексеев В. П. О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования.—СЭ, 1969, № 1.
- Алексеев, 1974.—Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974.
- Алексеев 1974а.—Алексеев В. П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии.—Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Алексеев, 1941.—Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей XIII—XVII вв. Введение, тексты и комментарий. Изд. 2-е. Иркутск, 1941.
- Алексеев, 1949.—Алексеев Д. А. Диалекты бурят-монгольского языка. Л., 1949.
- Античные теории..., 1936.—Античные теории языка и стиля. М., 1936.
- Аристов, 1896.—Аристов А. Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1896.
- Асеев, 1975.—Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях.—История и культура востока Азии. Т. 3. Новосибирск, 1975.
- Бадер, 1972.—Бадер О. Н. О возникновении арифметического счета в палеолите.—Новое в археологии. М., 1972.
- Балданжапов, 1970.—Балданжапов П. Б. Алтан тобчи, монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ, 1970.
- Банников, 1949.—Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., 1949.
- Банчиков, 1965.—Банчиков Г. Г. Современное монгольское жилище. Улан-Удэ, 1965.
- Барбаро и Кантарини о России. Л., 1978.
- Бартольд, 1898.—Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета за 1898 г. Верный, 1898.
- Бартольд, 1903.—Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в дөмонгольский период. СПб., 1903.

- Бартольд, 1910.— Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1910.
- Баскаков, 1964.— Баскаков А. Н. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков.— VII МКАЭН. М., 1964.
- Бахрушин, 1937.— Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири.— Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. 1. 1937.
- Берг, 1948.— Берг Л. С. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян.— СЭ. 1948, № 2.
- Бернштам, 1940.— Бернштам А. Н. Кенкольский могильник.— АЭЭ. Вып. II. Л., 1940.
- Бернштам, 1946.— Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946.
- Бернштам, 1950.— Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1950.
- Бира, 1974.— Бира Ш. Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов. У.-Б., 1974.
- Бира, 1978.— Бира Ш. Монгольская историография. М., 1978.
- Бичурин, 1828.— Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Записки о Монголии. СПб., 1828.
- Бичурин, 1833.— Бичурин Н. Я. [Иакинф]. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833.
- Бичурин, 1950.— Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. 2-е. Т. 1. М.—Л., 1950.
- Бичурин, 1950а.— Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. 2-е. Т. 2. М.—Л., 1950.
- Бичурин, 1953.— Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. 2-е. Т. 3. М.—Л., 1953.
- Богатырев, 1971.— Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Богораз, 1931.— Богораз В. Г. Материалы по ламутскому языку.— Тунгусский сборник. Т. 2. Л., 1931.
- Богословский, 1962.— Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа. М., 1962.
- Боровка, 1927.— Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— СМ. Вып. 2. Л., 1927.
- Бромлей, 1973.— Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
- Бубрих, 1949.— Бубрих Д. В. О древней прибалтийско-финской речи.— «Известия карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР». Петрозаводск, 1949.
- Бурдуков, 1935.— Бурдуков А. В. Каракольские калмыки (сарт-калмаки).— СЭ. 1935, № 5.
- Бутинов, 1951.— Бутинов Н. А. О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии.— СЭ. 1951, № 2.
- Вавилов, 1932.— Вавилов Н. И. Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932.
- Вайнштейн, Крюков, 1966.— Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрок.— «Тюркологический сборник». М., 1966.
- Василевич, 1948.— Василевич Г. М. Русско-эвенкийский словарь. М., 1948.
- Василевич, 1949.— Василевич Г. М. К вопросу о киданях и тунгусах.— СЭ. 1949, № 1.
- Василевич, 1966.— Василевич Г. М. Исторический эпос эвенков. М.—Л., 1966.
- Василевич, 1969.— Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографическое исследование. М.—Л., 1969.
- Васильев, 1857.— Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857.

- Викторова, 1958.— Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке.— «Ученые записки ЛГУ». 1958, № 258.
- Викторова, 1961.— Викторова Л. Л. Ранний этап этногенеза монголов. Л., 1961.
- Викторова 1961а.— Викторова Л. Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности.— «Ученые записки ЛГУ». 1961, № 307.
- Викторова, 1961б.— Викторова Л. Л. Кочевой уклад в киданьской империи.— ВГО. Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961.
- Викторова, 1962—1963.— Викторова Л. Л. Полевые материалы калмыцкого отряда 1962—1963 гг.— Архив ЛО ИЭ.
- Викторова, 1964.— Викторова Л. Л. Монгольские племена и их роль в истории Сибири.— Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.
- Викторова, 1965.— Викторова Л. Л. Язык и письменность.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М., 1965.
- Викторова, 1968.— Викторова Л. Л. Процесс классообразования у монгольских кочевников.— Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
- Викторова, 1969.— Викторова Л. Л. Полевые материалы (МНР) 1967, 1968, 1969 гг.— Архив ЛО ИЭ, кн. I, оп. 2, № 840—846.
- Викторова, 1970.— Викторова Л. Л. Материальная культура монголов как источник для их этногенеза.— Краткое содержание докладов годичной научной сессии ИЭ. Л., 1970.
- Викторова, 1971.— Викторова Л. Л. Монгольское обо как историко-этнографический источник.— Краткое содержание докладов годичной научной сессии ИЭ. Л., 1971.
- Викторова, 1972.— Викторова Л. Л. Этнокультурные связи монгольских и тибетских племен в древности и раннем средневековье.— История и культура востока Азии. Т. 2, Новосибирск, 1972.
- Викторова, 1974.— Викторова Л. Л. Основные этапы этнической истории монгольских народов.— Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста, 1974.
- Викторова, 1974а.— Викторова Л. Л. Ранние формы религии киданей.— Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Викторова, 1977.— Викторова Л. Л. Монгольская одежда.— «Сборник МАЭ». Л., 1977, № 32.
- Викторова, 1978.— Викторова Л. Л. Роль стереотипа культуры в этногенезе монголов.— «Археология и этнография Монголии». Новосибирск, 1978.
- Викторова, 1978а.— Викторова Л. Л. Формирование монгольского ареала в системе алтайских языков. Ареальные исследования в языкознании и этнографии.— «Краткие сообщения». Л., 1978.
- Владимирцов, 1911.— Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке.— ЗВРАО. XX. СПб., 1911.
- Владимирцов, 1922.— Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Петроград—Берлин, 1922.
- Владимирцов, 1923.— Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пг.—М., 1923.
- Владимирцов, 1927.— Владимирцов Б. Я. Этнолингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах.— «Северная Монголия». Вып. 2. 1927.
- Владимирцов, 1927а.— Владимирцов Б. Я. Кастрен-монголист.— Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти. Л., 1927.
- Владимирцов, 1929.— Владимирцов Б. Я. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском.— ДАН-В. 1929.
- Владимирцов, 1929а.— Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929.
- Владимирцов, 1934.— Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934.

- Волков, 1967.— Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. У.-Б., 1967.
- Волков, 1972.— Волков В. В. Древние колесницы Монгольского Алтая.— Монголын түүх эртний соелын зарим асуудал (Некоторые вопросы древней истории и культуры Монголии). Т. 5. У.-Б., 1972.
- Волков, 1973.— Волков В. В. Основные проблемы изучения бронзового и раннего железного века в МНР. Т. 2. У.-Б., 1973.
- Волков, Гришин, 1970.— Волков В. В., Гришин Ю. С. Раскопки и разведки в Монголии.— Археологические открытия 1969 г. М., 1970.
- Воробьев, 1968.— Воробьев М. В. Городища чжурчжэней, как фортификационные сооружения.— Доклады отделений и комиссий ВГО. Л., 1968.
- Воробьев, 1968а.— Воробьев М. В. Словарный запас чжурчжэньского языка, как этнографический источник.— Доклады отделений и комиссий ВГО. Л., 1968.
- Воробьев, 1968б.— Воробьев М. В. Язык и письменность чжурчжэней.— Доклады отделений и комиссий ВГО. Л., 1968.
- Воробьев, 1975.— Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.— 1234 г.). М., 1975.
- Вяткин, 1972.— Вяткин Р. В. «Основные записи» как исторический источник.— Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. 1. М., 1972.
- Вяткина, 1946.— Вяткина К. В. Пережитки материнского рода у бурят-монголов.— СЭ. 1946, № 1.
- Вяткина, 1959.— Вяткина К. В. Археологические памятники в Монгольской Народной Республике.— СЭ. 1959, № 1.
- Вяткина, 1960.— Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики. Материалы историко-этнографической экспедиции АН СССР и Комитета наук МНР 1948—1949 гг.— ТИЭ. Новая серия. Т. LX. М., 1960.
- Вяткина, 1964.— Вяткина К. В. Общие черты в материальной и духовной культуре у западных монголов, бурят и южных алтайцев. М., 1964.
- Вяткина, 1965.— Вяткина К. В. Монгольские народы КНР.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М., 1965.
- Вяткина, 1968.— Вяткина К. В. Культ коня у монгольских народов.— СЭ. 1968, № 6.
- Вяткина, 1969.— Вяткина К. В. Костюм дархатской шаманки.— «Сборник МАЭ». Л., 1969, т. XXV.
- Вяткина, 1969а.— Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. М.—Л., 1969.
- Вяткина, Ральдин, 1965.— Вяткина К. В., Ральдин Х. Ц. Народы МНР.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М., 1965.
- Гаген-Торн, 1933.— Гаген-Торн Н. И. К методике изучения одежды и этнографии СССР.— СЭ. 1933, № 3—4.
- Гафферберг, 1963.— Гафферберг Э. Г. Хазарейская юрта ханай-хырга (к вопросу об истории кочевого жилища).— «Сборник МАЭ». Т. XIV. Л., 1963.
- Георги, 1784.— Георги. Описание народов, обитающих в различных частях Российской империи. Ч. III. СПб., 1784.
- Герасимов, 1955.— Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу.— ТИЭ. Т. XXVIII. М., 1955.
- Герасимова, 1957.— Герасимова К. М. Ламаизм в Забайкалье. Ч. I. Ламаизм и национально-колониальная политика в Забайкалье в XIX и начале XX в. Улан-Удэ, 1957.
- Герасимова, 1964.— Герасимова К. М. Ламаизм в Забайкалье. Ч. II. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917—1930 гг.). Улан-Удэ, 1964.
- Гмелин, 1777.— Гмелин С. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1777.
- Гомбоев, 1860.— Галсан Гомбоев. Примечания на письмо Н. И. Ильминского к П. С. Савельеву.— ВОРАО. Ч. I. Вып. 5. СПб., 1860.
- Гонгор, 1968.— Гонгор Д. Предки халхасцев — коренные монгольские племена междуречья трех рек Онона, Керулена и Толы.— SH. 1968, VI, f. 7.

- Гонгор, 1973.— Гонгор Д. К вопросу о формировании халхаской народности.— «Труды II МКМ». У.-Б., 1973.
- Гонгор, 1974.— Гонгор Д. Халх товчоон. Монголия в период перехода от родового строя к феодализму (XI—начало XIII века). М., 1974.
- Гохман, 1960.— Гохман И. И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища.— ТБКНИИ. Вып. 3. Серия востоковедения. Улан-Удэ, 1960.
- Гохман, 1968.— Гохман И. И. Среднеазиатская колония в Прибайкалье.— Проблемы антропологии и этнической этнографии Азии. М., 1968.
- Гришин, 1975.— Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975.
- Грумм-Гржимайло, 1926.— Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.
- Гумилев, 1949.— Гумилев Л. Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара.— «Сборник МАЭ». Т. XI. Л., 1949.
- Гумилев, 1960.— Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.
- Гумилев, 1967.— Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Гумилев, 1969.— Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1969.
- Гумилев, 1974.— Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. М., 1974.
- Давыдова, 1956.— Давыдова А. В. Иволгинское городище.— СА. XXV. 1956.
- Дамдинсүрэн, 1957.— Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М.—Л., 1957.
- Дебец, 1948.— Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.— ТИЭ. Т. IV. М., 1948.
- Дебец, 1967.— Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Афганистане.— СЭ. 1967, № 4.
- Деревяно, 1970.— Деревянко А. П. Новопетровская культура пластин Среднего Амура. Новосибирск, 1970.
- Деревянко, 1973.— Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973.
- Деревянко, 1975.— Деревянко А. П. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
- Дёрфер, 1972.— Дёрфер Г. Можно ли проблему родства алтайских языков решать с позиций индоевропеистики? — ВЯ. 1972, № 3.
- Диков, 1958.— Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.
- Дмитриева, 1971.— Дмитриева Л. В. Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящиеся к анатомии растений в тюркских языках.— Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Дмитриева, 1972.— Дмитриева Л. В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках.— Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. М.—Л., 1972.
- Дмитриева, 1973.— Дмитриева Л. В. К этимологии некоторых названий растений в тюркских языках (названия с корнем *бог-* и *бок-*).— «Советская тюркология». 1973, № 6.
- Дмитриева, 1975.— Дмитриева Л. В. Некоторые итоги изучения названий растений в тюркских языках сопоставительно с другими языками алтайской семьи (Однолексемные названия).— «Советская тюркология». 1975, № 2.
- Долгопольский, 1964.— Долгопольский А. Б. Гипотеза древнейшего языкового родства языков Северной Азии.— VII МКАЭН. М., 1964.
- Долгопольский, 1971.— Долгопольский А. Б. Какие языки родственны европейским? — Наука и человечество. 1971—1972. М., 1971.
- Дорж, 1962.— Дорж Д. К вопросу изучения наскальных изображений Монголии.— МАС. 1962.
- Дорж, 1969.— Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. Новосибирск, 1969.
- Дорж, 1971.— Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. У.-Б., 1971.
- Дорж, 1973.— Дорж Д. Периодизация наскальных изображений МНР.— «Труды II МКМ». У.-Б., 1973.

- Дорж, Деревянко, 1970.— Дорж Д., Деревянко А. П. Новое в изучении неолита Восточной Монголии.— ТС. Т. VIII, № 23, У.-Б., 1970.
- ДТС, 1970.— Древнетюркский словарь. М.—Л., 1970.
- Думан, 1955.— Думан Л. И. К истории государств Тоба, Вэй и Ляо и их связей с Китаем.— «Ученые записки Института востоковедения». Т. XI. М., 1955.
- Думан, 1968.— Думан Л. И. Общественный строй сяньби и тоба III—IV вв. н. э.— Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
- Дэвлэт, 1976.— Дэвлэт М. А. Большая Боярская писаница. М., 1976.
- Дюркгейм, 1899.— Дюркгейм Э. Метод социологии. СПб., 1899.
- Евтюхова, 1951.— Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА. 1951, № 24.
- Евтюхова, 1957.— Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (По материалам раскопок курганов).— СА. 1957, № 2.
- Ефремов, 1959.— Ефремов И. А. Дорогой ветров. М., 1959.
- Жамцарано, 1936.— Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в. М.—Л., 1936.
- Жирмунский, 1974.— Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- Житецкий, 1893.— Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. М., 1893.
- Жуковский, 1964.— Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. Л., 1964.
- Журавлева, Стариков, 1965.— Журавлева М. Г., Стариков В. С. Дауры (Дахуры).— Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965.
- Залкинд, 1937.— Залкинд Е. М. Древние народы китайских хроник и эвенки (хун-ну, дун-ху, сянь-би, ши-вэй).— СЭ. 1937, № 1.
- Залкинд, 1948.— Залкинд Е. М. Кидани и их этнические связи.— СЭ. 1948, № 1.
- Захаров, 1875.— Захаров И. И. Маньчжурский словарь. СПб., 1875.
- Захарова, 1960.— Захарова И. М. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии.— «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 8. 1960.
- Златкин, 1964.— Златкин И. Я. Истории Джунгарского ханства. М., 1964.
- Зубов, 1968.— Зубов А. А. О расово-диагностическом значении некоторых одонтологических признаков.— СЭ. 1968, № 3.
- Зубов, 1973.— Зубов А. А. Этническая одонтология. М., 1973.
- Ивановский, 1893.— Ивановский А. А. Монголы-торгоуты. — «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Т. LXXI. Труды Антропологического отделения. Т. XIII. М., 1893.
- Ивановский, 1894.— Ивановский А. О. Манджурика I. Образцы солоонского и дагурского языков. СПб., 1894.
- ИВЛ.— Истории Великого Ляо.
- Игумнов, 1937.— Игумнов В. М. Земледелие в Монголии и перспективы его развития.— СМ. 1937, № 2(21).
- Избрант, Брандт, 1967.— Избрант Идэс и Адам Брандт. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М., 1967.
- Иллич-Свитыч, 1969.— Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский).— Этимология. М., 1969.
- Иллич-Свитыч, 1971.— Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). М., 1971.
- Ильминский, 1860.— Ильминский Н. И. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов. Пояснение одного места в «Истории монголов» Рашид-ад-дина (Письмо Н. И. Ильминского к П. С. Савельеву).— ЗВРАО. Ч. I. Вып. 5. СПб., 1860.
- Иностранцев, 1926.— Иностранцев К. Хунну и гунны. Л., 1926.
- Ионова, 1969.— Ионова Ю. В. Религиозные воззрения корейцев.— «Сборник МАЭ». Т. XXV. Л., 1969.

- Ионова, Джарылгасинова, 1965.— Ионова Ю. В., Джарылгасинова Р. Ш. Корейцы.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М., 1965.
- Исторический фольклор..., 1966.— Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.—Л., 1966.
- История Бурятской АССР, 1954.— История Бурятской АССР. Т. I. М.—Л., 1954.
- История Кореи, 1974.— История Кореи. Т. I. М., 1974.
- История МНР, 1954.— История Монгольской Народной Республики. М., 1954.
- История МНР, 1967.— История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е. М., 1967.
- История письменности, 1940.— История письменности. Т. I. М.—Л., 1940.
- История Сибири, 1966.— История Сибири. Т. I. М.—Л., 1966.
- Итс, Крюков, Решетов, Чебоксаров, 1965.— Итс Р. Ф., Крюков М. В., Решетов А. М., Чебоксаров Н. Н. Китайцы. Исторический очерк.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М.—Л., 1965.
- Каган, 1975.— Каган С. М. Человеческая деятельность. М., 1975.
- Казакевич, 1930.— Казакевич В. А. Поездка в Даригангу. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 5. Л., 1930.
- Казакевич, 1930.— Казакевич В. А. Намогильные статуи в Дариганге. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 5. Л., 1930.
- Кара, 1972.— Кара Г. Книги монгольских кочевников. М., 1972.
- Каталог..., 1942.— Каталог выставки сокровищ Маньчжоу-го. Токио, 1942 (на яп. яз.).
- Квадратная письменность, 1940.— Квадратная письменность. История письменности. Т. I. Л., 1940.
- Ким, 1951.— Ким Бусик. Самкук саги. Перевод и комментарии М. Пака. М., 1951.
- Киреева, 1970.— Киреева Е. В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX в. М., 1970.
- Киселев, 1947.— Киселев С. В. Археологическая поездка в Монголию.— КСИИМК. XXI. М.—Л., 1947.
- Киселев, 1947а.— Киселев С. В. Монголия в древности.— ИАН СССР. Серия истории и философии. Т. IV. Вып. 4. 1947.
- Киселев, 1949.— Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9.
- Киселев, 1957.— Киселев С. В. Древние города Монголии.— СА. 1957, № 2.
- Киселев, 1961.— Киселев С. В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье.— СА. 1961, № 4.
- Киселев, 1965.— Киселев С. В. Древнемонгольские города. М., 1965.
- Клеменц, 1895.— Клеменц А. Д. Археологические дневники поездки в Среднюю Монголию в 1891 г.— «Сборник трудов Орхонской экспедиции». Вып. II. СПб., 1895.
- Клеменц, Хангалов, 1910.— Клеменц Э. А., Хангалов М. Н. Общественные охоты у северных бурят. СПб., 1910.
- Клоусон, 1969.— Клоусон Дж. Лексико-статистическая оценка алтайской теории.— ВЯ. 1969, № 5.
- Кляшторный, 1964.— Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М.—Л., 1964.
- Книга Марко Поло, 1956.— Книга Марко Поло. М., 1956.
- Козин, 1936.— Козин С. А. Гэсэриада. М.—Л., 1936.
- Козин, 1948.— Козин С. А. Эпос монгольских народов. Л., 1948.
- Козин, 1949.— Козин С. А. Эпос монгольских народов и виды их письменности.— «Ученые записки ЛГУ». Л., 1949.
- Козлов, 1905.— Козлов П. К. Монголия и Кам. Т. I. Ч. 2. СПб., 1905.
- Козлов, 1928.— Козлов П. К. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923—1926.— «Северная Монголия». Вып. 3, Л., 1928.

- Колесникова, 1972.— Колесникова Л. Д. Названия частей тела человека в алтайских языках.— Очерки. Л., 1972.
- Колесникова, Константинова, 1960.— Колесникова Л. Д., Константинова О. А. Русско-эвенкийский словарь. Л., 1960.
- Кондратьева, 1935.— Кондратьева М. И. О юртообразных зданиях Внешней Монголии (к истории монгольской архитектуры).— СЭ. 1935, № 3.
- Коновалов, 1975.— Коновалов П. Б. Погребальные сооружения хунну (по материалам раскопок «рядовых» могил).— История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
- Коновалов, 1976.— Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.
- Кочетова, 1947.— Кочетова С. М. Божества светил в живописи Хара-Хото.— ТОВ(Г)Э. Т. IV. Л., 1947.
- Кочешков, 1973.— Кочешков Н. В. Изобразительное искусство монголов. М., 1973.
- Критика..., 1965.— Критика ламаизма и шаманизма. Улан-Удэ, 1965.
- Крюков, Чебоксаров, 1965.— Крюков М. В., Чебоксаров Н. Н. Древнее расселение человека.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М.—Л., 1965.
- Крюков, 1972.— Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972.
- Кузеев, 1973.— Кузеев А. А. Происхождение башкирского народа. М.—Л., 1973.
- Кутадгу билиг, 1951.— Кутадгу билиг.— С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Кучера, 1977.— Кучера С. Археология Китая. М., 1977.
- Кызласов, 1960.— Кызласов Л. Р. Тува в составе Уйгурского каганата в VIII—XI вв.— УЗТНИИЯЛИ. Вып. VIII. Кызыл, 1960.
- Кызласов, 1975.— Кызласов Л. Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры).— История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
- Кычанов, 1958.— Кычанов Е. И. Сведения китайских источников по чжурчжэням, киданям и монголо-татарам.— «Ученые записки Иркутского университета». 1958.
- Кычанов, 1959.— Кычанов Е. И. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.— «Страны и народы Востока». Вып. I. Л., 1959.
- Кычанов, 1960.— Кычанов Е. И. Первый бохайский письменный памятник на камне.— МИА. М.—Л., 1960, № 86.
- Кычанов, 1968.— Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
- Кычанов, 1975.— Кычанов Е. И. Тангуты о Китае (по тангутским первоисточникам).— История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
- Кюль-Тегин, 1951.— Кюль-Тегин, большая надпись (КТ6).— С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Кюннер, 1921.— Кюннер Н. В. Введение в общую историю народов Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до начала сношения их с новыми европейскими народами. Владивосток, 1921.
- Кюннер, 1946.— Кюннер Н. В. Историческая этнография народов Центральной Азии. Курс лекций. 1946/47 учебный год. ЛГУ.
- Кюннер, 1949.— Кюннер Н. В. Китайские исторические данные о народах Севера.— «Ученые записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук. Вып. I. Л., 1949.
- Кюннер, 1953.— Кюннер Н. В. Китайские этнографы о происхождении тунгусов.— Архив ЛО ИЭ. 1953, ф. 8.
- Кюннер, 1961.— Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.—Л., 1961.
- Ларичев, 1960.— Ларичев В. Е. Неолит Дунбэя. Новосибирск, 1960.

- Ларичев, 1960.— Ларичев В. Е. Неолитические памятники бассейна верхнего Амура (Ананци, Дунбэй).— «Труды Дальневосточной археологической экспедиции». Т. I. М.—Л., 1960.
- Ларичев, 1960а.— Ларичев В. Е. К вопросу о микролитическом характере культур Центральной Азии, Забайкалья и Дунбэй.— ТБКНИИ. Вып. 3. Серия востоковедения. Улан-Удэ, 1960.
- Ларичев, 1961.— Ларичев В. Е. Бронзовый век Северо-Восточного Китая.— СА. 1961, № 1.
- Ларичев, 1963.— Ларичев В. Е. Открытие нижнего палеолита Центральной Азии.— ВАН. 1963, № 4.
- Ларичев, 1968.— Ларичев В. Е. Азия далекая и таинственная. Новосибирск, 1968.
- Ларичев, 1969.— Ларичев В. Е. Древние культуры Северного Китая.— «Труды ДВФ». Т. I. Владивосток, 1969.
- Ларичев, 1969а.— Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Т. 1. Новосибирск, 1969.
- Ларичев, 1972.— Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Т. 2. Новосибирск, 1972.
- Ларичев, 1976.— Ларичев В. Е. Палеолит Кореи.— Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976.
- Ларичев, 1976а.— Ларичев В. Е. Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана.— Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976.
- Ларичев, Волков, 1964.— Ларичев В. Е., Волков В. В. Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби.— Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.
- Ларичев, Тюрюмина, 1975.— Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей.— История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
- Левин, 1958.— Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.— ТИЭ. Т. XXXVI. 1958.
- Левин, Чебоксаров, 1951.— Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии.— ТИЭ. Т. XVI. 1951.
- Левин, Чебоксаров, 1955.— Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ. 1955, № 4.
- Лившиц, 1973.— Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута.— «Труды II МКМ». У.-Б., 1973.
- Леонтьев, 1959.— Леонтьев А. Н. Об историческом подходе в изучении психики человека.— Психологическая наука в СССР. Т. I. М., 1959.
- Леонтьев, 1972.— Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
- Лигети, 1954.— Лигети Л. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана.— АО (Hung) IV. 1954.
- Лигети, 1955.— Лигети Л. [Рец. на:] Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I.— ВЯ. 1955, № 5.
- Лигети, 1964.— Лигети Л. Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане.— КСИНА. Вып. 54. М., 1964.
- Лигети, 1971.— Лигети Л. Тобгачский язык — диалект сяньбийского.— НАА. 1971, № 3.
- Лигети, 1971а.— Лигети Л. Алтайская теория и лексико-статистика.— ВЯ. 1971, № 3.
- Линь Кюн-и, Мункуев, 1960.— Линь Кюн-и и Мункуев Н. Ц. Краткие сведения о черных татарах.— ПВ. 1960, № 5.
- Майдар, 1971.— Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии.— М., 1971.
- Майский, 1921.— Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск, 1921.
- Малов, 1951.— Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

- Малов, 1959.—Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
- Малявкин, 1962.—Малявкин А. Г. Уйгурское Турфанское княжество в XIII в.—Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. А.-А., 1962.
- Малявкин, 1974.—Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.
- Малявкин, 1975.—Малявкин А. Г. Уйгуры и Китай в 840—848 гг.—История и культура востока Азии. Новосибирск, 1975.
- Мамонова, 1978.—Мамонова Н. Н. Демография Улангомского могильника (Саяно-тувинская культура V—III вв. до н. э.).—Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Мамонова, 1978а.—Мамонова Н. Н. Обзор палеоантропологических материалов с территории МНР.—«Труды III МКМ». У.-Б., 1978.
- Манай-оол, 1970.—Манай-оол М. Х. Тува в скифское время (Уюкская культура). М., 1970.
- Масао, 1970.—Масао Мори. Политическая структура древнего государства кочевников Монголии.—XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.
- Материалы..., 1930.—Материалы по исследованию Монгольской, Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 6. Л., 1930.
- Материалы..., 1964.—Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.
- Мацокин, 1910.—Мацокин Н. П. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1. Владивосток, 1910.
- Мацокин, 1911.—Мацокин Н. П. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 2. Владивосток, 1911.
- Медведев, 1975.—Медведев В. Е. Материалы раскопок могильника у села Надеждинского.—История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
- Миллер, 1937.—Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. 1937.
- Минчжул..., 1895.—Минчжул хутухта. География Тибета. СПб., 1895.
- Монгольский народный костюм, 1967.—Монгольский народный костюм. У.-Б., 1967.
- Монгольский словарь, 1938.—Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Л., 1938.
- Мостэр, 1934.—Мостэр А. Монголы Ганьсу и их язык. Л., 1934.
- Мочанов, 1977.—Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
- Мункуев, 1965.—Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.
- Муратов, 1972.—Муратов С. Н. Некоторые наименования сухопутных средств передвижения и их деталей в алтайских языках.—Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. М.—Л., 1972.
- Мурзаев, 1940.—Мурзаев Э. М. Заметки о географических названиях Монголии.—СМ. 1940, № 5—6 (42—43).
- Мурзаев, 1956.—Мурзаев Э. М. Центральная Азия.—Зарубежная Азия. Физическая география. М., 1956.
- Мыльникова, Цинциус, 1931.—Мыльникова К. М., Цинциус В. И. Материалы по исследованию негидальского языка.—«Тунгусский сборник». Л., 1931.
- Мэн-да бэй-лу.—Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975.
- Мэнгуюмуцзи, 1895.—Мэнгуюмуцзи — Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Пер. с китайского П. С. Попова.—«Записки ИРГО». Т. XXIV. СПб., 1895.
- Мягмаржав, 1972.—Мягмаржав Б. Кочевка скотоводов — один из методов использования земельных ресурсов.—II МКМ. У.-Б., 1972.
- Наваан, 1971.—Наваан Д. Бронзовый век Восточной Монголии. У.-Б., 1971.

- Наваан, 1974.— Н а в а а н Д. Керамика из плиточных могил р. Онон.— Материалы по истории Сибири. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Население..., 1968.— Население земного шара. М., 1968.
- Нацокдоржи, 1963.— Нацокдоржи Ш. Основные этапы развития Монгольской Народной Республики.— «Труды XXV Международного конгресса востоковедов». Т. V. М., 1963.
- Новгородова, 1965.— Новгородова Э. А. К вопросу о древних связях Монголии и Сибири.— СА. Т. IV. Вып. 1—7. У.-Б., 1965.
- Новгородова, 1970.— Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Новгородова, 1973.— Новгородова Э. А. Оленные камни и некоторые вопросы древней истории Монголии.— II МКМ. У.-Б., 1973.
- Новгородова, 1977.— Новгородова Э. А. Памятники древности и некоторые вопросы монгольского этногенеза.— «Проблемы Дальнего Востока». 1977, № 1.
- Новгородова, 1978.— Новгородова Э. А. Скалы заговорили.— «Правда», 22.III.1978.
- Одежда народов..., 1965.— Одежда народов Передней и Средней Азии. М.—Л., 1965.
- Окладников, 1949.— Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия).— Тешик-Таш. Палеолитический человек.— «Труды НИИА МГУ». М., 1949.
- Окладников, 1950.— Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I—II.— МИА. 1950, № 18.
- Окладников, 1955.— Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. I. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.—Л., 1955.
- Окладников, 1955а.— Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III.— МИА, 1955, № 43.
- Окладников, 1958.— Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье.— Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Окладников, 1959.— Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
- Окладников, 1959а.— Окладников А. П. Триподы за Байкалом.— СА. 1959, № 3.
- Окладников, 1960.— Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в юго-западном Забайкалье.— «Труды БКНИИ». Серия востоковедения. Вып. 8. 1960.
- Окладников, 1962.— Окладников А. П. Возникновение земледелия за Байкалом и в Монголии.— Древний мир. М., 1962.
- Окладников, 1962а.— Окладников А. П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножия горы Богдо-ула.— МАС. М., 1962.
- Окладников, 1962б.— Окладников А. П. Палеолитические находки в районе озера Орок-нур.— «Труды БКНИИ СО АН СССР». Вып. 8. Улан-Удэ, 1962.
- Окладников, 1963.— Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время.— Тюркологические исследования. М., 1963.
- Окладников, 1964.— Окладников А. П. Первобытная Монголия. К вопросу древнейшей истории Монголии.— СА. Т. III. У.-Б., 1964.
- Окладников, 1972.— Окладников А. П. Центральноазиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск, 1972.
- Окладников, 1973.— Окладников А. П. Палеолит Монголии.— Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1973.
- Окладников, Запорожская, 1969.— Окладников А. П., Запорожская В. Д. Писаницы Забайкалья. М.—Л., 1969.
- Окладников, Ларичев, 1963.— Окладников А. П., Ларичев В. Е. Ар-

- хеологические исследования в Монголии в 1961—1962 гг.— «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серия общественных наук. 1963, № 1. Оссон, 1934.— Д'Оссон. История монголов. Т. I. Иркутск, 1934.
- Очерки..., 1967.— Очерки истории Калмыцкой АССР дооктябрьского периода. М., 1967.
- Павлов, 1962.— Павлов Д. А. К вопросу о создании «тодо бичиг».— «Записки Калмыцкого НИИЯЛИ». Вып. 2. Элиста, 1962.
- Павлов, 1961.— Павлов И. П. Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. III. Кн. 2. М.—Л., 1951.
- Падерин, 1874.— Падерин И. О Каракоруме и других развалинах близ Орхона.— ИИРГО. Т. IX. Вып. 10. СПб., 1874.
- Палладий, 1866.— Палладий П. И. Кафаров]. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане.— ТЧРДМ. Т. IV. СПб., 1866.
- Палладий, 1892.— Палладий Д. Заметки о путешествии в Китай казака Петлина.— ЗВОРАО. Т. VI. Вып. IV. 1892.
- Паллас, 1770.— Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Т. III. СПб., 1770.
- Парыгин, 1967.— Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. Л., 1967.
- Петрушевский, 1952.— Петрушевский И. П. [Предисловие к:] Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952.
- Пигулевская, 1940.— Пигулевская Н. В. Авары и славяне. М.—Л., 1940.
- Позднеев, 1880.— Позднеев А. М. Города Северной Монголии. СПб., 1880.
- Позднеев, 1896.— Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Т. I. СПб., 1896.
- Позднеев, 1899.— Позднеев Дм. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899.
- Попов, 1948.— Попов А. А. Нганасаны.— ТИЭ. Т. III. М.—Л., 1948.
- Попов, 1965.— Попов А. И. Географические названия (Введение в топонимику). М.—Л., 1965.
- Поршнев, 1974.— Поршнев Б. Ф. Противопоставления как компонент этнического самосознания.— Доклады на IX МКАЭН. М., 1974.
- Потанин, 1881.— Потанин Г. Н. Монголия и страна тангутов. Вып. II. СПб., 1881.
- Потанин, 1893.— Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893.
- Потапов, 1960.— Потапов Л. П. Материалы по этнографии Тувы районов Монгун-Тайги и Кара-холя.— «Труды Тувинской комплексной археолого-этнической экспедиции. 1957—1958 гг.». М.—Л., 1960.
- Путешествие..., 1957.— Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Предисловие и комментарии Н. П. Шатиной. М., 1957.
- Пэрлээ, 1957.— Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии.— СА. 1957, № 3.
- Пэрлээ, 1962.— Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории МНР.— МАС. М., 1962.
- Радлов, 1893.— Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. СПб., 1893.
- Радлов, 1893а.— Радлов В. В. К вопросу об уйгурах.— «Записки АН СССР». Т. IXXII. СПб., 1893, № 2.
- Радлов, 1892—1899.— Радлов В. В. Атлас древностей Монголии.— «Труды Орхонской экспедиции». Вып. 1—4. СПб., 1892—1899.
- Рамstedт, 1957.— Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Ранов, 1970.— Ранов В. А. «Галечная техника» в культурах каменного века Сибири и Средней Азии.— Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- Рашид ад-дин, 1952.— Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, ред. и примеч. А. А. Семенова. М.—Л., 1952.
- Рашид ад-дин, 1952а.— Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2.

- Пер. с перс. О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенов, примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. М.—Л., 1952.
- Рашид ад-дин, 1960.—Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. П. Пер. с персидского Ю. П. Верховского, ред. И. П. Петрушевский, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. М.—Л., 1960.
- Ринчинэ, 1947.—Ринчинэ А. Р. Монгольско-русский словарь. М., 1947.
- Ринчэн, 1965.—Ринчэн Б. Об одной хори-бурятской родословной.—АО (Hung). Т. XVIII, № 1—2.
- Ринчэн, 1975.—Ринчэн Б. Культ исторических персонажей в монгольском шаманстве.—История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
- Ровинский, 1909.—Ровинский Н. А. Из Нерчинска в Китай с караваном в 1871—1872 гг.—ЗИРГО. Т. XXXIV. 1909.
- Рерих, 1958.—Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII—XIV вв.—Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Рона-Таш, 1964.—Рона-Таш А. По следам кочевников. М., 1964.
- Рона-Таш, 1974.—Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? — ВЯ. 1974, № 2.
- Рошин, 1958.—Рошин С. К. Социалистический уклад в экономике Монгольской Народной Республики. М., 1958.
- Рошин, 1963.—Рошин С. К. Социалистическое кооперирование в Монгольской Народной Республике.—НАА. 1963, № 6.
- Руденко, 1900.—Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологического исследования. Ч. I. Пг., 1916; Ч. II. Л., 1925.
- Руденко, 1953.—Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.
- Руденко, 1960.—Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1960.
- Руднев, 1911.—Руднев А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.
- Рудов, 1961.—Рудов Л. Н. Кидани. М., 1961.
- Рудов, 1963.—Рудов Л. Н. Проблемы киданьской письменности.—СЭ. 1963, № 1.
- Румянцев, 1962.—Румянцев Г. Н. Происхождение хори-бурят. Улан-Удэ, 1962.
- Рясянен, 1968.—Рясянен М. Об урало-алтайском языковом родстве.—ВЯ. 1968, № 1.
- Санжеев, 1930.—Санжеев Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели.—ИАН СССР. Ч. 1—2. 1930.
- Санжеев, 1937.—Санжеев Г. Д. Монгольская повесть о хане Харангуй. М.—Л., 1937.
- Санжеев, 1941.—Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М., 1941.
- Санжеев, 1951.—Санжеев Г. Д. О специфике качественных изменений в языке.—ВФ. 1951, № 4.
- Санжеев, 1951а.—Санжеев Г. Д. К некоторым вопросам изучения исторического развития языков.—ИАН СССР. Т. 10. Вып. 1. М., 1951.
- Санжеев, 1952.—Санжеев Г. Д. Монгольские языки и диалекты.—УЗИВАН. Т. IV. М., 1952.
- Санжеев, 1953.—Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953.
- Санжеев, 1964.—Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
- Санжеев, 1965.—Санжеев Г. Д. Сравнительно-исторические исследования в алтаистике.—Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.
- Санжеев, 1971.—Санжеев Г. Д. К вопросу о тюркских заимствованиях в монгольских языках.—«Лингвистический сборник». Таш., 1971.
- Седакина, 1965.—Седакина Е. Ф. Курыканы. Материалы к истории Сибири. Т. I. Улан-Удэ, 1965.

- Семенов, 1957.— Семенов С. А. Первобытная техника.— МИА. М.—Л., 1957, № 54.
- Семенов, 1974.— Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
- Сказания..., 1861.— Сказания Приска Панийского. Записки II отделения ИАН. Кн. VII. Вып. I. СПб., 1861.
- Скаличка, 1963.— Скаличка В. О современном состоянии тюркологии.— «Новое в лингвистике». Т. III. М., 1963.
- Сокровенное сказание.— Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niyūsa tobčiyan*.— Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.—Л., 1941.
- Сосновский, 1946.— Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади.— СА. Т. VIII. 1946.
- Сравнительный словарь, 1975.— Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975.
- Стариков, 1965.— Стариков В. С. Монголы Юньнани.— Народы Восточной Азии. Серия «Народы мира». М.—Л., 1965.
- Стариков, 1967.— Стариков В. С. Материальная культура китайцев. М.—Л., 1967.
- Стариков, Надеяев, 1964.— Стариков В. С., Надеяев В. М. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М., 1964.
- Степа Тоньюкука, 1951.— Степа Тоньюкука (Тон).— С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Стратанович, 1965.— Стратанович Г. Г. Ту (монгоры).— Народы Восточной Азии. Серия «Народы мира», 1965.
- Стратанович, 1965.— Стратанович Г. Г. Хуэй.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М., 1965.
- Сухэбатор, 1975.— Сухэбатор Г. К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби.— История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
- Сыма Цянь, 1972.— Сыма Цянь. Шици. Перевод и комментарии Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М., 1972.
- Сычев, 1958.— Сычев Л. П. Мужская одежда древних китайцев.— СЭ. 1958, № 2.
- Сычев, Сычев, 1975.— Сычев Л. П. и Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М., 1975.
- Сэр-Оджав, 1958.— Сэр-Оджав Н. Об археологической изученности МНР.— ШУТ. У.-Б., 1958.
- Сэр-Оджав, 1971.— Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н. э.— XII в. н. э.). Новосибирск, 1971.
- Таскин, 1963.— Таскин В. С. Тюркские названия домашних животных в языке сюнну.— КСИВ. Вып. 85. 1963.
- Таскин, 1963а.— Таскин В. С. Опыт дешифровки киданьской письменности.— НАА. 1963, № 1.
- Таскин, 1968.— Таскин В. С. Скотоводство у сюнну по китайским источникам.— Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
- Таскин, 1968а.— Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968.
- Таскин, 1973.— Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973.
- Таскин, 1975.— Таскин В. С. Киданьский император на китайском престоле.— История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
- Таскин, 1979.— Таскин В. С. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань гочжи). Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения. В. С. Таскина. М., 1979.
- Темирханов, 1972.— Темирханов Л. Хазарейцы. Очерки новой истории. М., 1972.
- Тенишев, 1962.— Тенишев Э. Р. Этнический и родо-племенной состав народности юйгу.— СЭ. 1962, № 1.

- Тенишев, 1965.— Тенишев Э. Р. Юйгу.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М., 1965.
- Тенишев, Тодаева, 1966.— Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966.
- Тих, 1971.— Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1971.
- Тодаева, 1951.— Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.
- Тодаева, 1960.— Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
- Тодаева, 1961.— Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. М., 1961.
- Тодаева, 1964.— Тодаева Б. Х. Баоаньский язык. М., 1964.
- Тодаева, 1965.— Тодаева Б. Х. Баоань.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М.—Л., 1965.
- Тодаева, 1965а.— Тодаева Б. Х. Дунсян.— «Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М.—Л., 1965.
- Тодаева, 1973.— Тодаева Б. Х. Монгорский язык. М., 1973.
- Толмачев, 1925.— Толмачев В. Я. Древности Маньчжурии. Развалины Бэйчэна. По данным археологических разведок 1923—1924 гг. Харбин, 1925.
- То Ю Хо, Хван Ги Дек, 1959.— То Ю Хо, Хван Ги Дек. Раскопки в Ди Тхап Ли.— СА. 1959, № 4.
- Тубянский, 1933.— Тубянский М. И. Монгольский календарь.— СМ. 1933, № 3.
- Тугутов, 1958.— Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Этнографическое исследование. Улан-Удэ, 1958.
- Тудэв, 1959.— Тудэв В. Формирование рабочего класса Монгольской Народной Республики.— «Монгольский сборник». М., 1959.
- Тунцзянь ганму.— Тунцзянь ганму, пер. Н. Я. Бичурина (рукопись). РО ИВАН СССР, ф. 6, т. VII.
- Успенский, 1880.— Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цинхай.— ЗИРГО. Т. VI. СПб., 1880.
- Фан Вэньлань.— Фан Вэньлань. Древняя история Китая. [Б. м., б. г.].
- Федоров-Давыдов, 1966.— Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1960.— Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг.— Поволжье в средние века. М., 1960.
- Фиельструп, 1930.— Фиельструп Ф. А. Молочные продукты турков-кочевников.— Казаки. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 15. Л., 1930.
- Фролов, 1975.— Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск. 1975.
- Хангалов, 1900.— Хангалов М. Н. Молочное хозяйство у бурят.— ИВ СОРГО. 1900, т. XXXI, № 1—2.
- Хандсурэн, 1973.— Хандсурэн Ц. К вопросу о происхождении жужаней и их столицы Мумо-чэн.— II МКМ. У.-Б., 1973.
- Харузин, 1896.— Харузин Н. А. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
- Хороших, 1951.— Хороших П. П. Наскальные рисунки на горе Манхай II.— КСИИМК. Вып. XXXVI. М.—Л., 1951.
- Цинциус, 1962.— Цинциус В. И. О названиях, связанных с понятием «народ» в тунгусо-маньчжурских языках.— АО. XV. 1962, № 1—3.
- Цинциус, 1972.— Цинциус В. И. К этимологии алтайских терминов родства.— ОСЛАЯ. Л., 1972.
- Цинциус, 1972а.— Цинциус В. И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков.— Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
- Цултэм, 1973.— Цултэм Н. Из истории монгольского изобразительного искусства.— «Труды II МКМ». Т. II. У.-Б., 1973.

- Цэвэл, 1936.—Цэвэл. Монгольские молочные продукты (Введение, перевод и примечания М. И. Тубянского).—СМ. У.-Б., 1936, № 1(14).
- Чебоксаров, 1935.—Чебоксаров Н. Н. Калмыки Западного улуса.—АЖ. М., 1935, № 1.
- Чебоксаров, 1947.—Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении северных китайцев.—СЭ. 1947, № 1.
- Чебоксаров, 1947а.—Чебоксаров Н. Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии.—ТИЭ. Т. II. 1947.
- Чебоксаров, 1949.—Чебоксаров Н. Н. Северные китайцы и их соседи.—КСИЭ. V. 1949.
- Чебоксаров, 1965.—Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии.—«Народы Восточной Азии». Серия «Народы мира». М., 1965.
- Чебоксаров, 1976.—Чебоксаров Н. Н. Основные этапы истории антропологического состава населения Китая.—Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности». Новосибирск, 1976.
- Чебоксаров, Чебоксарова, 1971.—Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
- Членова, 1962.—Членова Н. Л. Оленные камни Тувы и Монголии.—МАС. М., 1962.
- Численность..., 1962.—Численность и расселение народов мира. Серия «Народы мира». М., 1962.
- Шавкунов, 1968.—Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.
- Шавкунов, 1973.—Шавкунов Э. В. Обследование гуннских городищ в Монголии.—Археологические открытия 1972 г. М., 1973.
- Шан Юэ, 1959.—Шан Юэ. Очерки истории Китая. М., 1959.
- Шара туджи, 1957.—Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шастиной. М.—Л., 1957.
- Шастина, 1957.—Шастина Н. П. Вступительная статья в кн. «Путешествия на восток Плано Карпини и Гильома Рубрука». М., 1957.
- Шастина, 1973.—Шастина Н. П. Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Перевод, примечания и комментарии Н. П. Шастиной. М., 1973.
- Ширендыб, 1956.—Ширендыб Б. Народная революция в Монголии и образование Монгольской Народной Республики. 1921—1924. М., 1956.
- Ширендыб, 1968.—Ширендыб Б. Минуя капитализм. У.-Б., 1968.
- Шренк, 1903.—Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Ч. III. СПб., 1903.
- Штернберг, 1908.—Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гилакского языка и фольклора. Т. I. Ч. I. Эпос — поэмы и сказания. СПб., 1908.
- Штернберг, 1936.—Штернберг Л. Я. Религиозные воззрения орочей Татарского пролива. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Щепетильников, 1960.—Щепетильников Н. М. Архитектура Монголии. М., 1960.
- Щербак, 1961.—Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961.
- Щербак, 1966.—Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.—ВЯ. 1966, № 3.
- Щербак, 1971.—Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1971.
- Эрдниев, 1962.—Эрдниев У. Э. Пища и напитки калмыков.—«Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ». Вып. 2. Элиста, 1962.
- Эрдниев, 1964.—Эрдниев У. Э. К истории земледелия у калмыков.—«Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ». Вып. 5. Элиста, 1964.
- Эрдниев, 1964а.—Эрдниев У. Э. Скотоводство у калмыков.—«Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ». Вып. 4. Элиста, 1964.
- Эрдниев, 1967.—Эрдниев У. Э. Этнический состав и проблема происхождения калмыков.—«Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ». Вып. 5. Элиста, 1967.
- Эрдниев, 1970.—Эрдниев У. Э. Калмыки. Элиста, 1970.

- Эрдниев, 1972.—Эрдниев У. Э. Гашунский могильник. Археологические открытия. 1971. М., 1972.
- Эрдниев, Викторова, 1963.—Эрдниев У. Э., Викторова Л. Л. Калмыки. Народы европейской части СССР. Т. I. М., 1963.
- Юштин, 1883.—Юштин Ф. М. Обзорение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками. Астрахань, 1883.
- Ядринцев, 1890.—Ядринцев Н. М. Путешествие к верховьям Орхона и развалинам Каракорума.—ИРГО. Т. XXVI. Вып. 4. СПб., 1890.
- Ядринцев, 1901.—Ядринцев Н. М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону в Южный Хангай в 1891 г.—«Сборник трудов Орхонской экспедиции». Т. V. СПб. 1901.
- Якубовский, 1947.—Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве IX—X вв.—ТОВГЭ. Т. IV. Л., 1947.
- Ярошевский, 1975.—Ярошевский Тадеуш М. Философские проблемы антропогенеза.—ВФ. 1975, № 6.
- Бадамхатан, 1962.—Бадамхатан С. Хөвсгөлийн дархат ястан (Косогольские дархаты). У.-Б., 1962.
- БНМАУ-ын..., 1966.—БНМАУ-ын түүх — Бүгд найрамдах Монгол ард улсын түүх (История Монгольской Народной Республики). Т. I. У.-Б., 1966.
- Гонгор, 1964.—Гонгор Д. Ховдын хураггүй түүх (Краткая история г. Кобдо).—ШН. Т. III. Вып. X. У.-Б., 1964.
- Гонгор, 1970.—Гонгор Д. Халх товчоон (Краткая история Халхи). Т. I. У.-Б., 1970.
- Далай, 1959.—Далай Ч. Монголын бөөгийн мөргөлийн товч түүх (Очерк истории монгольского шаманства). У.-Б., 1959.
- Дорж, 1963.—Дорж Д. Монголын хурлийн үеийн хадны зураг (Монгольские петроглифы эпохи бронзы).—СА. 1963.
- Дорж, 1964.—Дорж Д. Монголын хадны зураг сургуууд (Изучение петроглифов Монголии).—ШН. У.-Б., 1964.
- Дорж, 1965.—Дорж Д. Дорноговиос олдсон хадны зураг (Петроглифы, обнаруженные в Восточной Гоби).—ИАН. 1965, № 1.
- Дорж, 1965а.—Дорж Д. Тэвшийн хадны зургууд (Петроглифы г. Тэвш).—СА. Т. IV. Вып. 1—7. 1965.
- Доржсүрэн, 1958.—Доржсүрэн Ц. Манай эх орон эрт цагт (Наша родина в древности).—ШУТ. 1958, № 3 (55).
- Доржсүрэн, 1959.—Доржсүрэн Ц. Б. Н. М. А. улсын нутагт байсан эртний улсууд (Древние государства на территории МНР). У.-Б., 1959.
- Доржсүрэн, 1961.—Доржсүрэн Ц. Умард хүннү (Северные хунну). У.-Б., 1961.
- Ишжамц, 1965.—Ишжамц Н. Монголд байсан эртний аймгуудни удам угсааны хамаадлых асуудалд (К вопросу об этнической принадлежности древних племен, населявших Монголию).—ЭЦ. Т. II. Вып. 13. У.-Б., 1965.
- Манибадар, 1958.—Манибадар Д. Угалз (Орнамент). У.-Б., 1958.
- Монгол хэлний..., 1967.—Монгол хэлний тайлбар товч (Краткий толковый словарь монгольского языка). У.-Б., 1967.
- Наваан, 1965.—Наваан Д. Төв музейн хүрэл зэв (Бронзовые наконечники стрел [из коллекции] Центрального музея).—СА. Т. IV. Вып. 1—7. У.-Б., 1965.
- Наваан, 1975.—Наваан Д. Дорнод Монголын хурлийн үе (Бронзовый век Восточной Монголии). У.-Б., 1975.
- Нацокдорж, 1965.—Нацокдорж Д. Халхын түүх (История Халхи). У.-Б., 1965.
- Нацокдорж, 1968.—Нацокдорж Д. То ван түүний сургал (То-ван и его «Наставления»). У.-Б., 1968.
- Ням-Осор, 1964.—Ням-Осор Л. Халх бөхийн барилдан (Халхаская борьба). У.-Б., 1964.
- Окладников, Сэв-Оджав, 1961.—Окладников А. П., Сэв-Оджав Н. 1960 онд явуулсан эртний судлалын шинжилгээний ажлын тухай (Об археологических исследованиях в 1960 г.).—ШУАМ. 1961, № 2.

- Орчин үсийн..., б. г.—Орчин үсийн монголын гар урлаг (Современные монгольские ремесла). У.-Б.
- Пэрлээ, 1956.—Пэрлээ Х. (Х. Пэрлэнлэй). Монголын нийгэмлэгийн эртний хэдэн нэр томьёоны тухай (О некоторых признаках древнемонгольского общества). У.-Б., 1956.
- Пэрлээ, 1956а.—Пэрлээ Х. Монголын түүхийн урьд мэдэгдээгүй зарим онц цагийн мэдэ (Некоторые неизвестные ранее даты истории монголов). У.-Б., 1956.
- Пэрлээ, 1959.—Пэрлээ Х. Онон-Хэрлэнний монголчууд (Онон-керуленские монголы).—ШУТ. 1959, № 5—6.
- Пэрлээ, 1959а.—Пэрлээ Х. Хятад нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь (Кидани и их связь с монголами). У.-Б., 1959.
- Пэрлээ, 1959б.—Пэрлээ Х. Монгол Ард Улсын эрт, дундат үеийн хот сүүрины товчоон (Очерк градостроительства Монголии в древности и средневековье). У.-Б., 1959.
- Пэрлээ, 1973.—Пэрлээ Х. Монголын суурьшлын түүхийн зарим асуудлыг археологийн дурсгалаар судалсан нь (Изучение некоторых основных вопросов истории Монголии по археологическим памятникам). У.-Б., 1973.
- Сүхбаатар, 1967.—Сүхбаатар Г. Хүннү бичигтэй байсан тухай (О письменности хуннов).—ШУА. 1967, № 2.
- Сүхбаатар, 1969.—Сүхбаатар Г. Киданы эртний бичгийн тухай мэдээ (Сообщение о древней письменности киданей).—МС. 1969, № 7.
- Сүхбаатар, 1969а.—Сүхбаатар Г. Сяньби нарын бичгийн тухай хэдэн мэдээ (Сведения о письменности сяньбийцев).—ШУАМ. 1969, № 2.
- Сүхбаатар, 1971.—Сүхбаатар Г. Сяньби нарын үгсаа гарал, соёл (Сяньбийцы, их происхождение и культура). У.-Б., 1971.
- Сэр-Оджав, 1956.—Сэр-Оджав Н. Монголын неолитийн үеийн тухай (О неолите Монголии).—«ШУХ бүтээл нистглийн ухааны анги». 1956, № 2.
- Сэр-Оджав, 1958.—Сэр-Оджав Н. Шүнхлайн булш (Могила Шунхлая).—ШУТ. 1958, № 3(55).
- Сэр-Оджав, 1960.—Сэр-Оджав Н. Шинэ олдсон түүрэг бичээгийн тухай (О новых находках письменности тюрков). У.-Б., 1960.
- Хандсүрэн, 1969.—Хандсүрэн Ц. Жужаны аж-байдал, соёл, зан, заншилын тухай (О быте, культуре и обычаях жужаней).—ТС. Т. VIII. У.-Б., 1969.
- Цэвэл, 1956.—Цэвэл. Монголын цаган идээ (Монгольская «белая пища»). У.-Б., 1956.
- Эрэгдагва, 1965.—Эрэгдагва Д. Ховд аймгийн нутаг дахь хад хөшөөний зураг (Наскальные рисунки Кобдоского аймака).—Т. IV. № 1—7. 1965.
- Aalto, 1958.—Aalto P. On the Altaic initial P.—CAJ. 1958, vol. 1, № 1.
- Aalto, 1965.—Aalto P. Verwandtschaft, Entlehnung, Zufall.—«Kratylos». X. 1965, № 2.
- Abe Takeo, 1954.—Abe Takeo. Where Was the Capital of the West Uighures?—«Silver Jubilee Volum of Zinbum Kagaku Kenkiyusyo». Kyoto, 1954.
- Abel Remusat, 1820.—Abel Remusat. Recherches sur les Langues Tatars. P., 1820.
- Abel Remusat, 1829.—Abel Remusat. Nouveaux Mélanges Asiatiques. Bacot, Thomas, Toussaint. 1940—1946.—Bacot J., Thomas F. W., Toussaint Ch. Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire de Tibet. P., 1940—1946.
- Badamkhatan, 1959.—Badamkhatan S. Mongolian Clothes und Dresses. Ulanbator, 1959.
- Beiley, 1949.—Bailey H. W. A. Khotanese Text Concerning the Turks in Kantshou.—AM. 1949, vol. 1, p. 1.
- Bazin, 1950.—Bazin L. Recherches sur les parlers T'o-pa.—«Toung P'ao». 1950, vol. 39, № 228—329.
- Benzing, 1953.—Benzing J. Remarques sur les langues toungouses et leur relations avec les autres langues dites d'altaïques.—UAJ. 1953, vol. 25, № 1—2.

- Bese, 1966.—Bese L. A Study in Buriat Preverbs.—AO(Hung). T. 19. 1966.
- Bese, 1969.—Bese L. Preverbs in the Language of the Secret History of the Mongols.—AO Hung.—T. 22, 1969, fasc. 2.
- Bretschneider, 1887.—Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. 1—2. L., 1888.
- Caroll, 1953.—Caroll Th. D. Account of the T'u-yü-hun in the History of the Chin Dynasty. Berkeley and Los Angeles, 1953.
- Chavannes, 1897.—Chavannes E. Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen.—JA. T. 9. 1897.
- Clauson, 1959.—Clauson G. The earliest Turkish loan world in Mongolian.—CAJ. 1959, t. 4, № 3.
- Clauson, 1960.—Clauson G. The Turkish Elements in 14-th Century Mongolian.—CAU. 1960, t. 5, № 4.
- Clauson, 1960a.—Clauson G. Turc, Mongol, Tungus, AM. New series. Vol. 8. P. 1, 1960.
- Clauson, 1962.—Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. L., 1962.
- Clauson, 1972.—G. Clauson. An Etimological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Ox., 1972.
- Coq Le, 1926.—Coq Le. Auf hellas Spuren in Osttürkistan. Lpz., 1926.
- Deguignes, 1756—1758.—Deguignes J. Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. Vol. 1—4. P., 1756—1758.
- Doerfer, 1963—1967.—G. Doerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. I—II. Vol. 1—2. Wiesbaden, 1963—1967.
- Eberhard, 1941.—Eberhard W. Die Kultur der alten zentral- und westasiatischen Völker nach chinesischen Qiellen. Zeitschriften für Ethnologie. 1941, Hf. 4—5, 215/75.
- Eberhard, 1942.—Eberhard W. Kultur und Siedlung der Randvölker China. Leiden, 1942.
- Eberhard, 1942a.—Eberhard W. Lokalkulturen in alten China. Leiden, 1942.
- Ekval, 1939.—Ekval R. Cultural Relations on the Kansu-Tibetan Border. Chicago, 1939.
- Essai sur les..., 1887.—Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire, depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII. Oeuvres complètes de Voltaire. T. 18, p. 1785.
- Favier, 1903.—Favier Alphons. Peking. Paris—Lill, 1903.
- Ferdinand, 1964.—Ferdinand K. Ethnographical Notes on Chahar, Aimaq, Hazara and Moghols.—AO. Vol. 28. 1964.
- Gabelentz, 1877.—Gabelentz Conon, von der. Geschichte der Großen Liao. St.-Pbg., 1877.
- Gabein, 1961.—Gabein A. v. Das uigurische Königreich von Chotschou.—Sitzungsberichte der Deutsche Akademie der Wissenschaft zu Berlin. Klasse für Sprach, Literatur und Kunst. B., 1961, № 5.
- Granö, 1912.—Granö J. G. Archaeologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und Nordwestmongolei im Jahre 1909.—«Journal de la Société Finno-ougrienne». Vol. 28. Helsinki, 1912.
- Haenisch, 1952.—Haenisch Erich. Sino-mongolische Dokumente vom Ende des 14. Jahrhunderts. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen. Literatur und Kunst. Jahrgang, 1950, № 4. B., 1952.
- Hambis, 1970.—Hambis Louis. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'après les sources chinoises et mongoles, et la documentation conservée par Rashid-ud-din.—CAJ. 1970, vol. 14, № 1—3.
- Hamilton, 1955.—Hamilton J. R. Les ouighurs à l'époque des Cing Dynasties d'après les documents Chinoise. P., 1955.
- Hansen, 1950.—Hansen H. H. Mongol Costumes. Researches on the Garments Collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions under Leadership of Henning Haslund-Christensen. 1936—1937 and 1938—1939. København, 1950.

- Henning Haslund, 1946.—Henning Haslund Christensenr. Mongolske Frisurer. Fra Nationalmuseets Arbejdsmark. København, 1946.
- Hoffman, 1950.—Hoffman H. Tibets Eintritt in der Universalgeschichte. München, 1950.
- Huth, 1892.—Huth G. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. Strassburg, 1892.
- Kaluzynski, 1961.—Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.
- Kara, 1965.—Kara G. Le dictionnaire étymologique de la langue mongole.—AO(Hung). T. 18, 1965, fasc. 1—2.
- Käthe, 1962.—Käthe U.—Köhalmi. Der Abschnitt der Waffenbehälter und des Waffelgürtels in den poliglotten Wörterbüchern der Ch'ing-Epoche.—AO(Hung). T. 15, 1962, fasc. 1—2.
- Klaproth, 1823.—Klaproth J. Asia polyglotta. P., 1823.
- Klaproth, 1825.—Klaproth J. Memoire sur l'identite des Thou Khiu et des Hiongnou avec les Turcs.—JA. 1825, № 1.
- Klaproth, 1825.—Klaproth J. Tableaux historiques de l'Asie. P., 1826.
- Krader, 1963.—Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 20, 1963.
- Lalou, 1955.—Lalou M. Revendications des fonctionnaires du Grand Tibet au VIII siecle.—JA. 1955, № 2.
- Lalou, 1962.—Lalou M. Notes d'onomastique 'a-za.—AO(Hung). T. XV, 1962.
- Lattimore, 1935.—Lattimore Owen. The Mongol of Manchuria. Their tribal division geographical distribution historical relations with Manchus and Chinese and political problems. L., 1935.
- Li, 1957.—Li Fan-kuei. Notes on Tibetan SOG.—CAJ. T. 111, 1957.
- Ligeti, 1950—1951.—Ligeti L. Mots de civilization de Haut Asie en transcription chinoise.—AO(Hung). T. 1, 1950—1951.
- Ligeti, 1953.—Ligeti L. Note preliminaire sur le deschiffrement des petit caracteres joutchen.—AO(Hung.). T. 3, 1953.
- Ligeti, 1955.—Ligeti L. Le lexique Moghol de R. Leech.—AO(Hung.). T. 4, 1955.
- Ligeti, 1960.—Ligeti L. Les anciens éléments mongols dans le mandchou.—AO Hung. T. 10, 1960, fasc. 3.
- Ligeti, 1961.—Ligeti L. Trois notes sur l'écriture Phags-pa.—AO Hung. T. 13, 1961, fasc. 1—2.
- Ligeti, 1962.—Ligeti L. Un vocabulaire mongol d'Istamboul.—AO Hung. T. 14, 1962, fasc. 1.
- Liu Mau-tsai, 1956.—Liu Mau-tsai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte des Ost-Türken. Bd 1. Wiesbaden, 1956.
- Liu Mau-tsai, 1958.—Liu Mao-tsai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte des Ost-Türken. Bd 2. Wiesbaden, 1958.
- Liu Mai-tsai, Takeo Abe, 1958.—Liu Mau-tsai, Takeo Abe. Studien über die Geschichte des West-Uiguren Reiches.—CAJ. 1958, № 4, № 1.
- Lumir, 1960.—Lumir Yisl. Mongolei, Kunst und Tradition. Praha, 1960.
- Marquart, 1914.—Marquart J. Ueber das Volkstum der Komanen.—AKGWG. Bd 13, 1914, № 1.
- Karl, 1968.—Karl H. Menges. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Ural-altaische Bibliothek. T. 15. Wiesbaden, 1968.
- Meyer, 1904.—Meyer E. Aegyptische Chronologie. B., 1904.
- Mostaert, 1949.—Mostaert A. A propos du mot sirolga de l'Histoire secrete des Mongols.—HJAS. 1949, vol. 12, № 3—4.
- Mostaert, 1950.—Mostaert A. Sur quelques passages de l'Histoire secret des Mongols.—YAS. 1950, vol. 13, № 4.
- Murayama, 1959.—Murayama S. Sind die Naiman Türken oder Mongolen? —CAJ. 1959, vol. 4, № 3.
- Olbricht, 1954.—Olbricht P. Besprechung von Uchida's Prolegomena zu einer Geschichte der Jou-jan. Ural-altaische Jahrb. T. 26, 1954.

- Ögel, 1961.—Ögel B. Ein Tor nach China in 10 Jahrhundert.—GAJ. 1961, vol. 6, № 3.
- Pallas, 1776.—Pallas P. Summlängen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. St.-Pbg., 1776.
- Parker, 1895.—Parker E. H. A Thousand Years of the Tatars. 1895.
- Pelliot, 1912.—Pelliot Paul. Les noms tibétains des T'ou-yu-huen et des Ouigours.—JA. Ser. 10. T. 20. 1912.
- Pelliot, 1914.—Pelliot Paul. Les Noms Tibétains des T'ou-yu-huen et des Ouigours.—JA. Ser. 21. IV (1914), 144, № 1.
- Pelliot P. Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême Orient.—TP. XV (1914).
- Pelliot, 1916.—Pelliot P. La Cha Tcheou Tou fou T'ou king' et la colonie sogdienne de la région du Lob nor.—JA. Vol. 7, 1916.
- Pelliot, 1921.—Pelliot P. Note sur les T'ou-yu-houen et les Sou-p'i.—TP. T. 20. 1921.
- Pelliot, 1925.—Pelliot P. Les mots à h initiale, aujourd'hui amuie dans le mongol des XIII-e et XIV-e siècles.—JA. 1925.
- Pelliot, 1949.—Pelliot P. Histoire secrète des Mongols, restitution du texte Mongol et traduction française des chapitres I à VI. P., 1949.
- Pelliot, 1961.—Pelliot P. Histoire ancienne du Tibet. P., 1961.
- Poucha, 1955.—Poucha P. Mongolische Miszellen. I.—CAU. 1955, vol. 1, № 1.
- Poucha, 1955a.—Poucha P. Mongolische Miszellen. II. Asa-gambu von den Tangut.—CAJ. 1955, vol. 1, № 1.
- Poucha, 1956.—Poucha P. Die Geheime Geschichte der Mongolen als Literaturdankmal und Geschichtsquelle. P., 1956.
- Poucha, 1957.—Poucha Pavel. Trináct tisíc kilometru mongolskem. Praha, 1957.
- Poucha, 1961.—Poucha P. Mongolische Miszellen. V. Die Sprache der Mongolen in Afghanistan und die Theorie des Mischsprache.—CAJ. 1961, vol. 6, № 1.
- Poucha, 1964.—Poucha P. Weitere Beiträge zu den Problemen der Geneimen Geschichte der Mongolen.—«Journal de la société finno-ougrienne». Vol. 65. 1964.
- Pritsak, 1951.—Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd 101. 1951.
- Pritsak, 1954.—Pritsak O. Die Karachaniden. Der Islam. Bd 31. 1954.
- Pulleyblank, 1952.—Pulleyblank E. G. A Sogdian Colony in Inner Mongolia.—«T'oung Pao». Vol. 41. 1952.
- Richardson, 1954.—Richardson H. E. A Nineth Century Inscriptions from Rkon-po.—JRAS. 1954, № 3—4.
- Rintschen, 1958.—Rintschen. En marge du culte de Guesser khan en Mongolie.—JSTU. 1958, № 60.
- Rintschen, 1959.—Rintschen. Zum Kult Tschinggis-khans bei den Mongolen. Opferlieder tayilya-yin-dayun.—«Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Bico sacra». Budapest, 1959.
- Rockhill, 1893.—Rockhill W. W. Notes on the Ethnology of Tibet. Smithsonian Report. P. II. 1893.
- Rona-Tas, 1966.—Rona-Tas A. Tibeto-Mongolica. The Tibetan Loanwords of Monguor and the Development of the Archaic Tibetan Dialects. Budapest, 1966.
- Samolin, 1964.—Samolin W. East Turkistan to the Twelfth Century. A Brief Political Survey.—CAS. Vol. 9. 1964.
- Schmidt, 1824.—Schmidt I. J. Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens vorzüglich der Mongolen und Tibeter. St.-Pbg., 1824.
- Schmidt, 1829.—Schmidt I. J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetzen Chuntaidschi der Ordus: aus mongolische übersetzt, uhd mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläutern und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von I. J. Schmidt. St.-Pbg., 1829.

- Schram, 1954.—Schram L. M. J. The Monguors of the Kansu-Tibetan Frontier. Philadelphia, 1954.
- Schröder, 1942—1945.—Schröder D. Das Herbst-Dankopfer der T'u ujen im Sining-Gebiet NW China.—«Antropos». Vol. 37—40. 1942—1945.
- Schröder, 1952.—Schröder D. Einige Hochzeitslieder der Tüjen. «Folklore Studies». 1952, № 1, suppl.
- Schröder, 1952a.—Schröder D. Zur Religion der Tujen das Sininggebietes (Kukunor).—«Anthropos». Vol. 47. 1952.
- Schröder, 1953.—Schröder D. Zur Religion der Tujen das Sininggebietes.—«Anthropos». Vol. 48. 1953.
- Schurmann, 1962.—Schurmann H. F. The Mongols of Afghanistan. An Ethnography of the Moghols and Related Peoples of Afghanistan. Mouton, 1962.
- Ser-Odjav, 1973.—Ser-Odjav N. Mongolia and the Civilisation on Central Asia.—«Mongolia». 1973, № 4 (13).
- Shiratori, 1902.—Shiratori K. Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türkvölker. II. Über die Sprache der Hiungnu and der Tunghu-Stämme.—IAH. 1902, т. 13, № 2.
- Shiratori, 1903.—Shiratori K. Über die altkoreanischen Königstitel. Keleti Scempe. IV. 1903.
- Shirokogoroff, 1929.—Shirokogoroff S. M. Social Organisation of the northern Tungus. With Introductory Chapters Concerning Geographical Distribution and History of These Groups. Shanghai. China, 1929.
- Shirokogoroff, 1935.—Shirokogoroff S. M. Psychomental Complex of the Tungus. L., 1935.
- Stein, 1912.—Stein Aurel. Ruines of Desert Catay. Vol. 2. L., 1912.
- Tafel, 1914.—Tafel A. Meine Tibetreise I—II. Stuttgart — Berlin — Leipzig, 1914.
- Takeo, 1955.—Takeo Abe. Nishi-niguru kokushi no kenkyu (Über die Geschichte des West. Uiguren-Reich). Kyoto, 1955.
- Tamura, 1950.—Tamura J. The Nature of the Five Capitals of Liao Empire. Asiatic Studies in Honour of Toru Haneda. Kyoto University, 1950.
- Tamura, 1973.—Tamura Jitsuzo. The Legend of the Origin of the Mongols and Problem concerning Their Migration.—«Acta Asiatica». 1973, 24.
- Tamura, Kobayashi, 1953.—Tamura J. and Kobayashi J. 1953. Tombs and Mural paintings of Ching-ling. Kyoto, 1953.
- Tatar, 1971.—Tatar M., Zur Frage des Obo-Kultes bei den Mongolen.—AO(Hung). T. 24. 1971.
- Thomas, 1926.—Thomas F. W. A Note on the Haza.—JRAS. 1926.
- Thomas, 1935.—Thomas F. W. Tibetan Literary Text and Documents Concerning Chinese Turkestan. Vol. 1. L., 1935.
- Thomas, 1951.—Thomas F. W. Tibetan Literary Text and Documents Concerning Chinese Turkestan. Vol. 2. L., 1951.
- Thomas, 1955.—Thomas F. W. Tibetan Literary Text and Documents Concerning Chinese Turkestan. Vol. 3. L., 1955.
- Tomka, 1971.—Tomka P. Le probleme de la survivance des Avars dans la litterature archeologique honroise.—AO(Hung). T. 24. 1971.
- Torii, 1927.—Torii K. La Mongolie Orientale au pions du vue Ethnographique. Tokyo, 1927.
- Torii, 1936.—Torii R. Illustration of Archaeology. Tokyo, 1936.
- Trever, 1934.—Trever K. Excavation in the Northern Mongolia. Leningrad, 1934.
- Tucci, 1955.—Tucci G. The Sacral Character of the Kings of Ancient Tibet. East and West. Rome, 1955, № 3.
- Tung Ching-cheng, 1939.—Tung Ching-cheng. Report on the Excavation of the Site of Capital of P'o-hai.—AO. Vol. 5. Tokyo, 1939.
- Umehara, 1960.—Umehara Sueji. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia.—«The Toyo Bunko Publication». Tokyo, 1960, № 27.
- Visdelou, 1777.—Visdelou Claude. Supplement de la Bibliotheque Orientale. A la Haye, 1777.

- Werner, [6. r.]—Werner Vorman und Bjamba Rintachen. Die mongolische tanzen Masken. Leipzig, [6. r.].
- Vreeland, 1954.—Vreeland Herbert Harold. Mongol Community and Kinship Structure. New Haven, 1954.
- Wang Kuo-wei, 1915.—Wang Kuo-wei. Ku-hu-fu-k'ao (Über die frühere Hu-Kleidung). Sie-t'ang-ts'ung-k'o von Lo Tschen-yü. 1915.
- The Secret History..., 1957.—The Secret History of the Mongol Dynasty. By Wei Kwei Sun. Aligarh (U. P., India): Muslim University. Departement of History. Publication 12. 1957.
- Weiers, 1971.—Weiers M. Bericht über weitere Arbeiten bei den Moghols von Afghanistan. 1971.
- Wilhelm, 1957.—Wilhelm H. A note on the Migration of the Uriangkai. Der Verf. s izziert die Geschichte des Volkes Urianggai seit seinem ersten Auftreten in der Liao-Zeit. Ural-Altaische Bibliothek 5. Wiesbaden, 1957.
- Wittfogel and Feng Hsia-sheng, 1949.—Wittfogel K. A. and Feng Hsia-sheng. History of Chinese Society Liao (907—1125). Philadelphia and New York, 1949.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Раздел первый. Элементы традиционной культуры монголов и вопросы формирования монгольского ареала в системе алтайских языков</i>	16
Глава 1. Монгольские народы и их краткая характеристика	16
Глава 2. Пища и связанные с нею элементы бытовой культуры, выступающие как этнические разграничители	21
Глава 3. Одежда и ее этнические функции	30
Глава 4. Этнокультурные особенности поселений и жилищ	48
Глава 5. Некоторые элементы духовной культуры и их роль в процессах этнической интеграции	60
Глава 6. Вопросы формирования монгольского ареала в системе алтайских языков	70
<i>Раздел второй. Основные этапы этнической истории</i>	93
Глава 1. Предки центральноазиатских народов в каменном веке (доэтнический период)	93
Глава 2. Население центральноазиатских степей в эпоху бронзы и раннего железа (период формирования этнолингвистических общностей)	104
Глава 3. Объединение племен и этнические процессы в I тысячелетии до н. э.—первых веках нашей эры	119
Глава 4. Этнические общности на основе южных сяньбийцев	132
Глава 5. Сяньбийцы Ляоси (кидани) и их роль в этнических процессах III—XII вв.	139
Глава 6. Северные сяньбийские племена. Их роль в этногенезе монголов	155
Заключение	179
Примечания	183
Список сокращений	199
Список использованной литературы	201

Лидия Леонидовна Викторова
МОНГОЛЫ

Происхождение народа и истоки культуры

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор Е. А. Гениагулина. Младший редактор Н. В. Беришвили. Художник Н. В. Вла-
сик. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор Л. Е. Синенко.
Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 13953

Сдано в набор 22.04.80. Подписано к печати 10.10.80. А-01917. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага
типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,0. Уч.-изд.
л. 16,74. Тираж 5000 экз. Изд. № 3743. Зак. № 254. Цена 1 р. 70 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
187	23 сл.	китайцев	катайцев
194	12 сл.	цинъские	цинские